

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1900.

№ 6.

МАРТЪ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

	Стр.
Книга Руѣъ (эксегетическій очеркъ). <i>Епископа Иммонентія</i>	315—334
Посланіе Господомъ Исусомъ Христомъ двѣнадцати апостоловъ на проповѣдь (продолженіе). <i>Ив. Перова</i>	335—355
Приготовленіе древняго міра къ принятію христіанства (продолженіе). <i>К. Г. Воблаго</i>	356—370

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Философія монизма (продолженіе). Профессора Харьковскаго Университета, <i>Прот. Г. Буткевича</i>	121—245
Естественное Богопознаніе. Профессора <i>С. С. Глаголева</i>	246—274

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содѣржаніе. Высочайшая отмѣтка.—Разъяснительныя постановленія Святѣйшаго Синода.—Отъ Хозяйственнаго Управленія при Святѣйшемъ Синодѣ.—Записка о засѣданіяхъ Харьковскаго Миссіонерскаго Совѣта 18—20 августа п. г. съ участіемъ священниковъ изъ зараженныхъ септантствомъ селеній (продолженіе). В. Давыденко.—Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 1899/00 учебный годъ (продолженіе).—Объявленіе.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 17.

1900.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный. Въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорные замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религиозной и общественной жизни,—однимъ словомъ, все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнять для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, контора В. Гляровскаго, Столѣщниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 7 р. за каждый годъ; по 8 р. за 1890—1892 г., и по 9 р. за 1893—1896 годы.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 75 р. съ пересылкою.

Кромя того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Живое Слово“. Сочиненіе преосвященнаго Амвросія. Цѣна 50 к. съ перес.
2. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Brentano. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.
3. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“. Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.
4. Последнее сочиненіе графа Л. Н. Толстого „Царствіе Вожіе внутри васъ“. Критическій разборъ. Цѣна съ пересылкою 60 коп.
5. „Цацтво, какъ причина раздѣленія Церквей, или Римъ въ своихъ сношеніяхъ съ Восточною Церковію“. Докторское сочиненіе о. Владимира Гетте. Переводъ съ французск. В. Истомина. Харьковъ. 1895. Ц. 1 р. съ перес.

Πίστει νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 31 Марта 1900 года.

Цензоръ Протоіерей *Павель Солнцевъ.*

КНИГА РУОЬ

(ЭКЗЕГЕТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

Повѣствованіе книги Руоь представляет собою яркую, историческую картину изъ жизни благочестивыхъ прадѣдовъ великаго царя Израильскаго Давида. Цѣль этой картины показать, какъ предки великаго царя *ходили предъ Богомъ* и людьми въ благочестіи и правотѣ сердца, цѣломудріи и нравственной чистотѣ. Руоь,—главное лицо повѣствованія—праматерь Давида, съ глубокой сердечной вѣрою въ Израильскаго Бога идетъ въ страну Его избраннаго народа, охотно, съ любовію, принимаетъ всѣ обряды своей новой вѣры. Ради той же любви къ Іеговѣ и умершему мужу, она легко разстается съ отчизной и родными, прилѣпляется всѣмъ сердцемъ къ престарѣлой свекрови, идетъ съ нею въ Виолеемъ, не страшась тѣхъ несчастныхъ, скорбныхъ дней, которыя предстоитъ ей пережить тамъ.—Воозъ—это праведный израильтянинъ, чуждый лицемѣрія, благоговѣйный въ исполненіи дѣлъ закона, полный благожелательнаго участія къ бѣдной языческой женщинѣ. Не стѣсняясь тѣмъ, что Руоь—иноплеменница, происшедшая изъ Моавитскаго народа, искони враждебнаго Израильтянамъ, онъ, изъ сочувствія лишь къ нищетѣ ея, благодѣтельствуемъ ей и въ своей благотворительности даже переходитъ границы, указанные закономъ. Ноеминь—олицетвореніе беззавѣтной преданности Израильскому Богу; несчастія жизни не поколебали ея религіозныхъ убѣжденій; напротивъ, горести житейскія еще болѣе укрѣпили въ ней любовь къ Іеговѣ. „Поэтому, говоритъ блаженный Феодоритъ, исторія эта сама по себѣ достаточна

къ тому, чтобы принести всякую пользу—умѣющимъ пользоваться подобными повѣствованіями“. Въ этомъ заключается нравственное значеніе книги Руоѣ. Но, кромѣ его, эта книга имѣетъ еще мессіанское значеніе, несомнѣнно, весьма важное для насъ христіанъ. Конецъ повѣствованія ясно указываетъ на потомство царя Давида и—за нимъ на предковъ Господа нашего Иисуса Христа; здѣсь, впрочемъ, оно начинается отъ Фареса и доходитъ до Давида. Эта генеалогическая нить какъ бы говоритъ намъ, что вотъ отъ какихъ предковъ,—истинныхъ примѣровъ и идеаловъ любви и преданности,—происходитъ Тотъ, въ которомъ царственная власть Израиля нашла свое законченное выраженіе. Въ томъ обстоятельстве, что Руоѣ, иноплеменница—моавитянка, удостоилась стать праматерію царя Давида, несомнѣнно заключается нѣкоторая особая черта, также имѣющая отношеніе къ Мессіи. Какъ Іуда родилъ Фареса отъ Тамари—хананеянки (Быт. XXXVII), какъ Раавъ блудница была принята въ общество Израиля (Иос. VI, 25) и по древнему преданію взята въ замужество Салмономъ (Матѣ. 1, 5),—такъ и моавитянка Руоѣ стала женою Вооза и такимъ образомъ вошла въ поколѣніе Іуды, отъ котораго долженъ былъ произойти Христосъ по плоти (Матѣ. I; 3—5) „Поэтому, замѣчаетъ блаженный Теодоритъ, евангелистъ Матеей, пиша родословіе Иисуса Христа, миновалъ знаменитыхъ добродѣтелиуженъ Сарру, Ревекку и другихъ, а упомянулъ о Тамари, Раави и Руои и даже женѣ Уриной, вразумляя симъ, что Единородный Сынъ Божій вочеловѣчился ради всѣхъ людей, и Іудеевъ, и прочихъ народовъ, и грѣшныхъ, и праведныхъ“. Какъ бы продолжая мысль бл. Теодорита, говоритъ блаженный Іеронимъ, „этимъ Христосъ указалъ на то, что Онъ, пришедши для уничтоженія грѣха, не счелъ для себя недостойнымъ родиться отъ такихъ тяжкихъ грѣшниковъ, какими были язычники“. И такъ, настоящее повѣствованіе, относясь ближайшимъ образомъ къ Давиду, чрезъ него, какъ праотца Христа по плоти, соприкасается съ Спасителемъ нашимъ, въ частности съ совершеннымъ Имъ дѣломъ искупленія рода человеческого. Оно учитъ, что Господь Иисусъ Христосъ, имѣя въ предкахъ своихъ отверженныхъ, презираемыхъ Іудеями,

язычниковъ, не возгнушался ими какъ въ родоприсхожденіи Своемъ, такъ и въ совершенномъ Имъ искупленіи и спасеніи не праведныхъ только, но и грѣшниковъ, тяжкихъ и лютыхъ, міромъ отверженныхъ и презираемыхъ.

Положеніе книги „Руѡѡ“ въ срединѣ между книгой Судей и книгами Царствъ даетъ поводъ поставлять ее въ связь съ той и другой книгой. Дѣйствительно, эта небольшая книга изъ 4-хъ главъ представляетъ какъ бы продолженіе книги Судей и введеніе въ книги Царствъ: съ одной стороны, она излагаетъ эпизодъ изъ жизни одного израильскаго семейства во времена судей (1 гл. 1 ст.), а съ другой, своимъ окончаніемъ, заключающимъ въ себѣ родословіе Давида, она какъ-бы предначинаетъ исторію его царствованія и послѣдующихъ царей, потомковъ Давида. Такимъ образомъ, книга Руѡѡ—звено, связующее книгу Судей съ книгами Царствъ, естественный переходъ отъ первой къ послѣднимъ.

Такое положеніе этой книги однако не лишаетъ ее права на самостоятельность. Служа связующимъ звеномъ для предъидущей и послѣдующихъ книгъ, одновременно съ симъ она является отдѣльной небольшой книгой съ своеобразнымъ характеромъ по формѣ и содержанію. То обстоятельство, что разсматриваемая книга выходитъ своимъ окончаніемъ за предѣлы времени Судей и имѣетъ предметомъ изображеніе не общественной, религіозно-нравственной жизни народа израильскаго, а лишь жизнь частныхъ лицъ, благочестивыхъ предковъ царя Давида,—составляетъ ея существенное отличіе отъ книги Судей и книгъ Царствъ.

Событія, изображаемая въ книгѣ „Руѡѡ“, происходятъ въ періодъ управленія народомъ Израильскимъ Судей, какъ указываетъ 1 гл. 1 ст.: *„въ тѣ дни, когда управляли судьи, случился голодъ на землѣ“*. Но вслѣдствіе этого общаго указанія на періодъ Судей и отсутствія опредѣленнаго обозначенія, во времена какого именно судьи происходятъ описываемыя событія, вопросъ о точномъ опредѣленіи времени событія остается не рѣшеннымъ. Поэтому, открывается широкое поле для различныхъ догадокъ и предположеній, такъ какъ голодъ, послужившій причиною описываемаго событія, случался во време-

на многихъ судей. Эти догадки, предположенія, иногда разнообразны до противоположности, не замедлили явиться со стороны толкователей. Одни изъ нихъ, какъ напр. Иосифъ Флавій, Зонара, Феварденцій—относятъ этотъ голодъ ко временамъ судьи Или. Другіе—еврейскіе раввины—видятъ въ самомъ Воозѣ судью Есевона, преемника Іефаая, и голодъ, вынудившій Елимелеха переселиться въ страну Моавитскую, естественно относятъ ко временамъ его правленія. Третьи утверждаютъ, что голодъ былъ во времена судьи Авимелеха, а бракъ Вооза съ Руею послѣдовалъ уже при преемникѣ его Толѣ. Есть еще мнѣніе, которое относитъ этотъ голодъ ко временамъ судьи Аода. И, наконецъ, большинство новѣйшихъ толковниковъ относитъ этотъ голодъ къ періоду судьи Гедеона, предполагая, что начался онъ при Баракѣ, а окончился при Гедеонѣ. Среди указаннаго разнообразія предположеній, это послѣднее кажется болѣе достовѣрно. По крайней мѣрѣ, это предположеніе имѣетъ за себя нѣкоторыя историческія основанія, указываемыя книгой Судей. Такъ, изъ этой книги мы узнаемъ, что около временъ Гедеона дѣйствительно былъ суровый голодъ, охватившій собою не только окрестности Вилеема, но и всю страну Израильскую. Бѣдствіе увеличивалось еще вслѣдствіе опустошительныхъ набѣговъ на Израильскую страну Мадіанитянь (Суд. VI гл.). Что между этимъ голодомъ и опустошеніями Мадіанитянь, падавшими на то же время, есть связь, это подтверждается слѣдующимъ соображеніемъ. Голодъ продолжался 10 лѣтъ, послѣ которыхъ Іегова снова послалъ народу своему плодородіе (4 ст. 1 гл.). Мадіанитяне же угнетали Израильтянь въ продолженіе 7 лѣтъ и, при своихъ частыхъ нападеніяхъ на страну, въ особенности заботились о томъ, чтобы истребить хлѣбныя посѣвы (Суд. VI, 4 ст.). Эти вражескіе набѣги усиливали голодъ, еще далѣе распространяли предѣлы его господства, какъ и Мадіанитяне простирали свои опустошительныя нападенія даже до самой Газы (Суд. VI, 4). Правда, отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы и Вилеемскія окрестности со своими полями дѣйствительно подверглись опустошеніямъ этихъ сосѣдей—враговъ, расположившихся станомъ въ долину Израильской (Суд. VI, 33), однако

легко могли подвергнуться набѣгу горы Іудины, а, слѣдовательно, и окрестности Виелеема.

Какъ вслѣдствіе неопредѣленности указаній времени голода возникли различныя предположенія касательно того, во дни какого именно судіи случился голодъ, названный въ книгѣ, и произошли описываемыя въ ней событія,—такъ точно, по отсутствію надписанія книги, существуютъ неодинаковыя мнѣнія и о томъ, кто былъ писателемъ ея. Одни изъ толковниковъ считаютъ писателемъ книги царя Езекию, другіе Ездру, иные Самуила. Послѣднее предположеніе признается болѣе правдоподобнымъ; среди изслѣдователей оно имѣетъ больше сторонниковъ, чѣмъ прочія мнѣнія, во первыхъ, потому, что Самуиль жилъ около этой поры—управленія народомъ Израильскимъ судьями Гедеономъ и Варракомъ, во вторыхъ, потому, что между книгою Руеъ и первою книгою Царствъ, написанной дѣйствительно пророкомъ Самуиломъ, усматриваются черты внутренняго сходства.—Слѣдя за ходомъ повѣствовательнаго разсказа въ той и другой книгѣ, нельзя не замѣтить присущей имъ въ одинаковой мѣрѣ плавности изложенія, строгой послѣдовательности, съ которою авторъ вводитъ новыя черты описываемыхъ событій и раздвигаетъ рамки повѣствованія новыми подробностями. Нѣтъ перерывовъ въ разсказѣ, остановокъ, умолчаній, равно введенія такихъ эпизодовъ, которые плохо вязались бы съ основною нитью событія. Эту одинаковость манеры изложенія событій въ книгѣ Руеъ и въ 1-ой книгѣ Царствъ легко усмотрѣть при внимательномъ чтеніи сихъ книгъ. Кромѣ того, само собою выступаетъ, при сопоставленіи книгъ, нѣкоторое сходство приемовъ рѣчи, построенія періодовъ, непремѣнно растянутаго, но не загроможденнаго лишними словами и предложеніями. Если прибавить къ этому частое употребленіе пророкомъ Самуиломъ, при повѣствованіи въ 1-ой книгѣ Царствъ, еврейской пословицы: *сія да сотвориъ тебѣ Богъ и сія да приложитъ* (русскій переводъ „пусть то и то сдѣлаетъ мнѣ Господь“) (1 Цар. III, 17; XIV, 44; XXII, 13; XXV, 22—), которая нашла себѣ мѣсто и въ книгѣ „Руеъ“ (1, 17), то тождество личности писателя обѣихъ книгъ станетъ не подлежащимъ сомнѣнію.

I.

Въ періодъ управленія народомъ Израильскимъ судьей, жестокой голодъ постигъ страну Израильскую за новое уклоненіе въ идолопоклонство ея жителей (Суд. VI, 1 ст.). Суровость голода, его опустошительныя дѣйствія были такъ велики, что оскудѣли даже житницы города Вилеема, этого центра хлѣбнаго богатства земли Израильской, расположеннаго среди тучныхъ полей. И вотъ, отчаявшись въ надеждѣ на урожай, одно благочестивое семейство, состоящее изъ мужа Елимелеха, жены Ноеммини и двоихъ сыновей—Махлона и Хелеона, въ виду опасности голодной смерти, переправилось въ Моавитскую землю въ томъ предположеніи, что тамъ еще родится хлѣбъ, что голодъ еще не захватилъ тамошнихъ мѣстъ. Такъ какъ эта языческая страна была не вдалекѣ отъ Израильской, граничила съ колѣномъ Рувимовымъ, то не требовалось долгаго времени для того, чтобы слухъ объ урожаяхъ у Моавитянъ дошелъ до ушей Елимелеха и побудилъ его отправиться въ эту именно страну, какъ ближайшую къ мѣсту его жительства—Вилеему Иудейскому. Здѣсь сыновья Елимелеха женились на Моавитянкахъ—Ореѣ и Руеи. Десять лѣтъ, все то время, которое свирѣпствовало голодъ въ странѣ Израильской, безбѣдно существовало въ Моавитской землѣ это благочестивое семейство. Но, какъ бы въ наказаніе за бракъ сыновей Елимелеха съ язычницами Моавитянками, вопреки прямому и ясному запрещенію закона Моисеева (Второз. XXIII, 3), внезапно постигло его другое горе, болѣе тяжкое, чѣмъ голодъ. Умираютъ сыновья Елимелеха и самъ онъ,—и Ноемминь, вмѣстѣ съ своими невѣстками, остается круглой сиротой. Въ концѣ десятаго года ихъ жизни здѣсь прошелъ слухъ по Моавитской землѣ, что Іегова снова излилъ свою милость на Израиля, снова даровалъ ему плодородіе. И съ востока, гдѣ жила Ноемминь, пошла она обратно на родину; но не хотятъ покинуть ее овдовѣвшія снохи: за небольшой періодъ жизни съ своею свекровью, они настолько полюбили ее, свыклись съ нею, что рѣшились навсегда разстаться съ своей родиной, съ родными и близкими, и пойти въ незнакомую имъ и даже враждебную

землю, чуждую, какъ по народности, такъ и по религіи. Между тѣмъ, мысль Ноеммини о томъ, что невѣстки ея—идолопоклонницы, что пребываніе съ ними въ странѣ Израильской причинитъ ей еще новыя заботы и непріятности, побудила ее рѣшиться убѣдить послѣднихъ возвратиться на свою родину, къ своимъ матерямъ: материнское сердце, по ея мнѣнію, могло гораздо лучше, чѣмъ чье либо, утѣшить дочь въ ея печали. Руководимая этимъ сознаниемъ, она благодаритъ своихъ невѣстокъ за ту любовь, которая сказала въ ихъ рѣшеніи—идти вмѣстѣ съ нею; но замѣчаетъ при этомъ, что имъ лучше воротиться на родину: тамъ, на родинѣ, онѣ скорѣе могутъ выдти изъ бѣдственнаго матеріальнаго положенія посредствомъ второго брака съ кѣмъ либо изъ Моавитскихъ юношей. Ноеминь не думала, не предполагала, чтобы привязанность Орѣи и Руѣи къ ней была настолько крѣпка, что предложеніе возвратиться на родину вызоветъ въ нихъ не только слезу сожалѣнія о предстоящей разлукѣ, но еще болѣе утвердитъ ихъ въ мысли—идти въ чужую страну, пренебrecъ любовью къ отечеству. Такая настойчивость, даже требовательность со стороны невѣстокъ—взять ихъ съ собою—вызвала со стороны Ноеммини рядъ болѣе сильныхъ убѣжденій возвратиться въ свое отечество. „Нѣтъ, какъ бы такъ говорила она, для васъ никакихъ выгодъ въ этомъ путешествіи со мной: надежды на новые браки въ моемъ же семействѣ, на новую жизнь, для васъ нѣтъ. Я не беременна сыновьями, которые, какъ младшіе братья Махлона и Хелеона, взяли бы васъ, по достиженіи совершеннолѣтія, за себя, по закону ужичества (Второз. XXV, 5). Больше того: даже не мыслимо для меня дѣтороженіе, потому что стара я для того, чтобы вступить въ новый бракъ и снова благословиться дѣтьми. Если же и предположить, что еще не потеряна для меня надежда на второй бракъ и роженіе отъ этого брака сыновей, если представить этотъ несбыточный фактъ какъ бы уже наступающимъ и эту невозможность—возможной, то все же для васъ нѣтъ никакихъ выгодъ идти вмѣстѣ со мною: во первыхъ, пожелаете ли вы ждать и воздерживаться отъ вторичнаго супружества до тѣхъ поръ, пока подрастутъ мои предполагаемые сыновья и достигнутъ закон-

ныхъ лѣтъ для брака? Во вторыхъ, и сами вы уже состарѣетесь къ той порѣ, когда возмужаютъ эти сыновья, и едва ли будете способны на вторичный бракъ“.

Такими соображеніями хотѣла Ноемминь убѣдить своихъ снохъ къ возвращенію на родину, думала удержать ихъ отъ путешествія въ страну Іудейскую; по ея взгляду, оно не принесло бы имъ отрады, не дало бы облегченія въ ихъ горестномъ положеніи. Она была далека отъ той мысли, чтобы дать намекъ своимъ снохамъ на возможность выдти за кого либо изъ колѣна Іудина, въ случаѣ прибытія ихъ въ Іудейскую страну. Она не коснулась этого обстоятельства или изъ уваженія къ Моавитскому происхожденію своихъ невестокъ, которое могло быть препятствіемъ для брака, или по убѣжденію въ своей неспособности содѣйствовать такому браку. „Нѣтъ, продолжаетъ она, не ходите со мной. Смерть моего мужа и сыновей—тяжелый ударъ для меня, а ваше пребываніе еще болѣе отяготитъ и безъ того уже горькое мое сиротское положеніе“. Всѣ эти рѣчи Ноеммини возымѣли желаемое дѣйствіе по отношенію къ одной изъ снохъ—Ореѣ: она, облобызавъ свою свекровь, отправилась обратно въ свое отечество; но онѣ оказались безплодными по отношенію къ Руѣи. Не обращая вниманія на тѣ невыгоды, какія только-что раскрыла предъ ней свекровь, повинувшись только влеченію сердца къ Ноеммини и Іудейской религіи, твердо настаивала Руѣя на томъ, чтобы вмѣстѣ идти въ страну Іудейскую: „Мнѣ, говорила она, уже судьбой опредѣлено жить среди того народа, въ которомъ ты будешь жить, и почитать Того Бога, Котораго ты почитаешь. Никакія несчастія и даже самая смерть не разлучитъ меня съ тобою. *Людіе твои—людіе мои, и Богъ твой—Богъ мой: и идѣже аще умреши, умру и тамо погребуся* (ст. 16 и 17), *такъ да сотворитъ мнѣ Господь и сія да приложитъ* (I, 17)“ клянется Руѣя, чтобы придать своимъ словамъ больше убѣдительности и силы. Эта религіозная форма клятвы, указывающая на желаніе потерпѣть различныя бѣдствія въ случаѣ невыполненія даннаго слова, была очень употребительна между евреями. Правда, въ самой формулѣ ея нѣтъ опредѣленнаго указанія на эти несчастія, но, при упот-

ребленіи клятвы, онѣ обычно подразумѣвались. Руѣ, призывая во свидѣтели своихъ словъ Истиннаго Бога, строгаго Карателя человѣческой неправды, этой формулой клятвы выражаетъ такую мысль: „Пусть покараетъ меня Господь разнообразными бѣдствіями, если я не исполню своего намѣренія“.

Видя такую упорную рѣшимость своей снохи не разставаться, Ноеминь уже не возражала болѣе,—и обѣ женщины направились къ Виелеему. Съ ихъ прибытіемъ, городскія женщины, знавшія Ноеминь еще до переселенія ея въ Моавитскую страну, въ изумленіи спрашивали другъ друга: это ли Ноеминь? Въ этихъ словахъ выражалось удивленіе не столько тому, что Ноеминь еще жива и возвратилась благополучно, сколько тому, что ея настоящее положеніе—бѣдной вдовы, потерявшей одновременно и мужа и сыновей, было по истинѣ печальнымъ.

Время, въ которое Ноеминь и Руѣ пришли въ Виелеемъ, у евреевъ было страднымъ: происходила жатва и уборка хлѣба. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, Руѣ, вскорѣ по приходѣ на мѣсто своего новаго жительства, отправилась на поле собирать колосья, которые нарочито оставлялись жнецами для бѣдныхъ. Такъ было завѣщено Моусеемъ. Какъ мудрый законодатель, онъ не могъ снести горькаго попрошайничества бѣдныхъ на городскихъ улицахъ, и, для прекращенія этого гнуснаго явленія, онъ оставилъ нѣсколько разнообразныхъ постановленій, по которымъ бѣднымъ одновременно была доставляема и работа, и вспомоствованіе. При жатвѣ, на примѣръ, и уборкѣ хлѣба каждому владѣльцу поля вмѣнено было въ обязанность не сжинать всего, а оставлять часть колосьевъ для бѣдныхъ; точно также, если во время уборки хлѣба съ поля, часть сноповъ забывалась на полѣ, хозяинъ не имѣлъ уже права возвращаться за ними: забытое становилось собственностью бѣдныхъ. Такъ же законъ дѣйствовалъ и относительно виноградниковъ (Лев. XIX, 9—10; XXIII, 22; Второз. XXIV, 19, 21). Зная, вѣроятно, отъ Ноемини объ этомъ добромъ Израильскомъ обычаѣ, Руѣ отправилась на поле въ полной увѣренности, что тамъ должна быть оставлена для бѣдныхъ часть колосьевъ. Но такъ какъ часто не только жнецы, но и сами вла-

дѣльцы полей жестоко обращались съ бѣдными, иногда вовсе лишали ихъ этого права, прогоняя съ поля, то Руѳъ пошла на тотъ участокъ, который былъ обширнѣе другихъ, что свидѣтельствовало о принадлежности его богатому человѣку. Дѣйствительно, она не ошиблась. То поле, на которое пришла она, оказалось собственностью богатаго землевладѣльца, по имени Вооза. Взявши позволеніе у надзирателя за жнецами, она усердно принялась за свое дѣло. Такъ собирала она колосья до полудня. Въ полдень, къ обѣду жнецовъ пришелъ на поле самъ хозяинъ. Послѣ взаимныхъ привѣтствій, онъ обратилъ свое вниманіе на женщину, находившуюся на его полѣ. На вопросъ свой, чья эта женщина, онъ узналъ отъ надзирателя, что это Моавитянка—Руѳъ, недавно пришедшая въ Иудею вмѣстѣ съ своею свекровью Ноемминою, и что уже съ раняго утра она собираетъ здѣсь колосья. Имя Ноеммины, которую, вѣроятно, зналъ Воозъ, и указаніе на родство съ нею этой женщины, собиравшей колосья, оставленные бѣднымъ,—все это побуждало Вооза обратить особенное вниманіе на Руѳъ подъ вліяніемъ родственныхъ чувствъ. Съ одной стороны, въ немъ, естественно, родилось желаніе ближе узнать еще неизвѣстную ему родственницу; съ другой, родственныя чувства подсказывали ему оказать этой незнакомкѣ нѣкоторое предпочтеніе въ благотвореніи сравнительно съ другими бѣдными. Движимый этими чувствами, Воозъ предлагаетъ Руѳи постоянно собирать колосья на его полѣ, не переходить на полосы другихъ владѣльцевъ, пить и ѣсть изъ однихъ и тѣхъ же сосудовъ съ его жнецами, приказавъ послѣднимъ не наносить никакихъ оскорбленій этой женщинѣ. Предоставленіе Руѳи особенныхъ преимуществъ, сравнительно съ другими бѣдныками, вызвало съ ея стороны глубокую благодарность, вмѣстѣ съ смиреннымъ сознаніемъ, что она недостойна такихъ милостей уже по тому одному, что она—иноземка. Но это смиреніе Руѳи было поводомъ къ новымъ благодѣяніямъ, еще большимъ, чѣмъ оказанныя. Наступило время обѣда, и Воозъ предложилъ Руѳи обѣдать вмѣстѣ съ жнецами. Это уже было выше закона касательно бѣдныхъ, переходило, такъ ска-

затъ, границы его. *Обмакивай твой кусокъ въ уксусъ.* (II, 14), говорилъ Воозъ, подавая Руѳи хлѣбъ изъ ячной муки! ¹⁾.

Предложеннаго хлѣба было такъ много, что Руѳь не только подкрѣпила свои силы, но оставила часть его для своей свекрови. По окончаніи обѣда, когда она снова принялась за свое обычное дѣло собиранія колосьевъ, Воозъ приказалъ жнецамъ не только оставить ей больше колосьевъ, но дать цѣльные снопы ячменя. Это расположеніе, переполнившее обычную мѣру состраданія къ бѣднымъ, указывало Руѳи на преимущественную заботливость о ней ея благодѣтеля,—на то, что сердце Вооза расположено къ ней. Вымолотивши вечеромъ собранный колосъ, Руѳь получила около ефы чистаго ячменя, и съ этимъ запасомъ и остатками отъ обѣденнаго стола возвратилась въ городъ къ своей свекрови. На вопросъ Ноеммини, гдѣ она находилась весь день отъ утра до вечера, на чьемъ полѣ она набрала такое количество ячменя, Руѳь указала на своего благодѣтеля, назвавъ его по имени. *Благословенъ онъ отъ Господа,* вырвалось изъ устъ Ноеммини, *за то, что не лишилъ милости своей ни живыхъ, ни мертвыхъ* (II, 20), за то, что по любви къ умершему своему родственнику—моему мужу, онъ не лишилъ своихъ благодѣяній живыхъ, насъ, сиротъ! И, чтобы разрѣшить недоумѣніе Руѳи, касательно тѣхъ побужденій, которыми обуславливалась необычайная щедрость Вооза, Ноемминь замѣтила: *человѣкъ этотъ близокъ къ намъ; онъ изъ нашихъ родственниковъ* II, 20. Въ какихъ степеняхъ родства находились между собою Воозъ и Елимелехъ—текстъ не даетъ опредѣленныхъ указаній. Лишь на основаніи нѣкоторыхъ соображеній можно думать, что они были двоюродными братьями, или Воозъ приходился дядею Елимелеху. Такъ, въ греческомъ текстѣ стоитъ—*ἐκ τῶν ἀρχιστεούτων*—, а словомъ *ἀρχιστεούτης* назывались тѣ, которымъ законъ ужичества вмѣнялъ въ обязанность возстанов-

1) Именемъ уксуса у Евреевъ называлось окисшее виноградное вино, смѣшанное съ водою. Оно составляло обыкновенную приправу къ твердой пищѣ и особенно было употребляемо въ небогатыхъ еврейскихъ семействахъ. Естественно, что такая пища, состоявшая лишь изъ хлѣба и уксуса, была приличной и для жнецовъ, которые, конечно, не заботились объ изысканности блюдъ.

леніе потомства умершаго бездѣтнымъ Израильянина; такимъ былъ, большею частію, или братъ умершаго, или дядя.

Для болѣе правильнаго сужденія о дальнѣйшемъ развитіи событія, для вѣрнаго пониманія изложеннаго въ слѣдующей главѣ совѣта Ноеммини своей снохѣ и поступка послѣдней, необходимо припомнить тѣ законы Моисеевы, которые руководили дѣйствіями лицъ этого повѣствованія. По теократическимъ воззрѣніямъ Еврейскаго народа, одинъ только Іегова въ дѣйствительности былъ владѣтелемъ той земли, которую Онъ далъ въ наслѣдіе своему народу. По отношенію къ тому участку, который получилъ каждый изъ Израильянъ при раздѣлѣ земли обѣтованной, онъ не былъ фактическимъ хозяиномъ его, а лишь временно пользовался надѣломъ, такъ что, какъ временный владѣлецъ, ни одинъ изъ Израильянъ не имѣлъ права продать „на сторону“, въ другое поколѣніе, доставшійся ему по жребію участокъ. Такимъ образомъ, удѣлъ становился наслѣдственнымъ, переходилъ отъ одного владѣльца къ другому въ одномъ и томъ-же родѣ. Прежде всего, право унаслѣдованія удѣла по смерти Израильянина принадлежало, конечно, сыну или дочери, а, за неимѣніемъ того и другой, удѣлъ переходилъ къ дальнѣйшимъ родственникамъ. *Сынамъ Израилевымъ объяви и скажи, говорилъ нѣкогда Господь Моисею, если кто умретъ, не имѣя у себя сына, то передавайте удѣлъ его дочери его. Если же нѣтъ у него дочери, то передавайте удѣлъ его братьямъ его. Если же нѣтъ у него братьевъ, отдавайте удѣлъ его братьямъ отца его. Если же нѣтъ братьевъ отца его, отдавайте удѣлъ его близкому его родственнику изъ поколѣнія его, чтобы наслѣдовалъ его* (Числь XXVII, 8—11). Законъ, какъ видно изъ приведеннаго мѣста, точно не опредѣляетъ степеней родства, до которыхъ простиралось право передачи удѣла. Но, вѣроятно, это право принадлежало только ближайшимъ степенямъ родства, ближайшимъ родственникамъ, а не всѣмъ тѣмъ, которые носили фамилію поколѣнія, въ противномъ случаѣ, при распространеніи права передачи на родственниковъ дальнихъ степеней,—могли возникнуть различныя недоразумѣнія, — и удѣлъ легко могъ перейти въ другой родъ. Въ тѣхъ же цѣляхъ удержанія удѣла

въ одномъ и томъ же поколѣніи—жена не считалась наслѣдницей удѣла мужа послѣ смерти его, и онъ передавался близкимъ родственникамъ послѣдняго въ нисходящей степени. Но въ дѣйствительности жена умершаго всетаки пользовалась удѣломъ мужа. Въ этихъ случаяхъ, чтобы не встать въ противорѣчіе съ постановленіемъ закона, евреи поступали такимъ образомъ: юридическое право владѣнія удѣломъ принадлежало ближайшему родственнику, онъ считался хозяиномъ удѣла, но воздѣлывала эту полосу земли, собирала съ нея хлѣбъ или плоды жена умершаго, и только, по смерти ея, родственникъ вступалъ въ права дѣйствительнаго владѣльца удѣломъ умершаго.

Впрочемъ, вслѣдствіе бѣдности, или какихъ-либо другихъ обстоятельствъ, израильтянинъ иногда продавалъ свой наслѣдственный удѣлъ въ чужое поколѣніе. Но тогда, чтобы удержать удѣлъ въ потомствѣ, одинъ изъ близкихъ богатыхъ родственниковъ обязанъ былъ выкупить запроданный удѣлъ. Иначе, говоритъ законъ, *проданное останется въ рукахъ покупателя только до юбилейнаго года, а въ юбилейный годъ отойдетъ оно и настоящій владѣлецъ вступитъ во владѣніе свое.* (Лев. XXV, 25—28). Такимъ образомъ продажа удѣла въ другой родъ не была окончательной продажей въ нашемъ смыслѣ слова, уступкой за извѣстную плату клочка земли въ вѣчное владѣніе,—но только до юбилейнаго года; это было продажей только для временнаго, такъ сказать, аренднаго пользованія землею до извѣстнаго срока.

На ряду съ этимъ постановленіемъ закона Моисеева, у всѣхъ восточныхъ народовъ, не исключая и евреевъ, былъ распространенъ обычай, такъ называемаго, *деверства или ужищества* (Быт. XXXVIII гл.), обычай, возведенный впоследствии у евреевъ на степень закона. Этотъ законъ состоялъ въ томъ, что, если кто либо изъ израильтянъ умиралъ, не оставивъ по себѣ потомства, то его родной братъ или другой ближній родственникъ обязанъ былъ жениться на оставшейся вдовѣ; въ случаѣ рожденія сына отъ этого брака, выходило, что потомство умершаго, какъ бы исчезнувшее съ его смертію, снова возстановлялось благодаря второму супружеству.

(Второз. XXV, 5—6). Этотъ законъ ужичества такъ же, какъ и законъ унаслѣдованія удѣла, переходилъ на слѣдующихъ ближайшихъ родственниковъ въ томъ случаѣ, если отказывался отъ брака родной братъ умершаго. Но онъ имѣлъ болѣе обязательной силы, чѣмъ первый законъ: если деверь отказывался отъ брака со снохой, то онъ подлежалъ публичному порицанію отъ своей невѣстки: при народѣ она снимала сапогъ съ его ноги и плевала ему въ лицо. Этотъ обрядъ совершался въ присутствіи городскихъ старѣйшинъ, и домъ деверя съ этихъ поръ назывался *домомъ разутаго* (Второз. XXV, 8—10). Но, и при обязательности закона, допускались въ нѣкоторыхъ случаяхъ исключенія, зависѣвшія или отъ семейныхъ обстоятельствъ деверя, или отъ положенія его снохи. Такъ, если, напримѣръ, первый имѣлъ уже нѣсколько женъ, такъ что многоженство и богатство дѣтьми для него становилось очень тяжелымъ, или если сама сноха была въ такихъ преклонныхъ лѣтахъ, что оказывалась не способною къ продолженію потомства,—то деверь, вѣроятно, могъ отказаться отъ брака. Особенно удобно было отказываться тогда, когда имѣлся въ виду другой близкій родственникъ, семейное положеніе котораго не служило препятствіемъ для брака съ этой вдовой послѣ умершаго сородича.

Эти два постановленія закона Моисеева, правда, не были связаны другъ съ другомъ юридически, но въ дѣйствительности они должны были часто, почти при каждомъ случаѣ вдовства, совпадать и, вѣроятно, совпадали. Совпаденіе обусловливалось указаніемъ самого же закона на одно и то же лицо. Выходило, что, если у умершаго Израильянина былъ братъ, то онъ долженъ былъ и жениться на оставшейся вдовѣ, и на немъ же лежала обязанность ввять себѣ удѣлъ умершаго. Если же существовало это совмѣстное выполненіе того и другого постановленія закона Моисеева, то естественно предположить, что наблюдался и противоположный обычай, а именно: если братъ умершаго по какимъ либо причинамъ отказывался отъ брака съ своей вдовой—снохой, соглашаясь лучше понести публичное порицаніе, чѣмъ обязаться бракомъ, то онъ лишался

и права на владѣніе оставшимся удѣломъ. Слѣдующій родственникъ, изъявившій желаніе взять замужъ вдову, вмѣстѣ съ нею получалъ во владѣніе и удѣлъ умершаго. Родившійся отъ такого брака сынъ считался законнымъ сыномъ не сего, естественнаго отца, а перваго мужа своей матери, и потому, по достиженіи совершеннолѣтія, получалъ въ свое собственное распоряженіе тотъ удѣлъ, которымъ пользовался его отецъ.

Въ повѣствованіи о дѣяніяхъ Руѳи оба указанные закона имѣли полное приложеніе. У Елимелеха былъ на поляхъ Виелеемскихъ свой наслѣдственный удѣлъ. Вслѣдствіе бѣдности этотъ удѣлъ былъ проданъ на сторону, въ другой родъ, или самимъ Елимелехомъ предъ отправленіемъ своимъ въ Моавитскую землю, или Ноемминью, послѣ возвращенія ея въ Виелеемъ. А по закону Моисееву, проданный удѣлъ долженъ быть выкупленъ кѣмъ либо изъ ближайшихъ родственниковъ умершаго: однимъ изъ такихъ лицъ, близкихъ Елимелеху, былъ Воозъ.

Принимая во вниманіе эти постановленія закона Моисеева и тѣ благодѣянія Вооза, которыя наглядно говорили о душевномъ расположеніи его къ Руѳи, Ноемминь увидѣла во всемъ происходящемъ одно изъ надежныхъ средствъ къ улучшенію своего положенія, угрожавшаго бѣдностью, голодомъ и другими тяжкими обстоятельствами сиротской жизни. Съ этою цѣлію она даетъ своей невѣсткѣ совѣтъ, сущность котораго состояла въ томъ, чтобы отыскать Вооза на гумнѣ и здѣсь уговорить его, какъ родственника, жениться на Руѳи *по закону ужесточенности*. Но, чтобы обезпечить этотъ совѣтъ со стороны его выполнения, чтобы имѣть твердую надежду, что задуманное предприятие удастся, она обставляетъ его нѣкоторымъ драматизмомъ, а именно: предлагаетъ Руѳи одѣться въ приличныя одежды, чтобы не показаться не цѣломудренной и нечестной, и потомъ въ ночную пору отправиться на гумно къ Воозу и, когда послѣдній ляжетъ спать, лечь у ногъ его. „Вѣроятно, какъ бы такъ предполагала Ноемминь, въ эту ночь онъ уже окончитъ уборку хлѣба, устроить по этому случаю пиршество, какъ это было въ обычаѣ у Евреевъ, будетъ весело настроенъ и согласится на предложеніе“. Руѳь въ точно-

сти исполнила совѣтъ своей свекрови. Умастившись елеемъ, что придавало красоту тѣлу, одѣвшись въ приличныя одежды, она пришла на гумно Вооза, замѣтила то мѣсто, гдѣ легъ онъ послѣ пира, и, когда онъ заснулъ, [подошла и легла у ногъ его. Въ полночь проснулся Воозъ и содрогнулся, увидѣвъ, что кто-то лежитъ у ногъ его; онъ нѣсколько приподнялся и видитъ: „*вотъ женщина лежитъ у ногъ его*“. На вопросъ: „*кто ты?*“—женщина смиренно отвѣчала: „*я Руевъ, раба твоя, простри крыло твое на рабу твою, ибо ты родственникъ* (III, 9). Не разумно и несогласно съ достоинствомъ повѣствованія было бы думать, что этими словами Руевъ просила „*ложа*“, такъ какъ подобная просьба [была бы нечестной. Ближе къ истинѣ предполагать, что этой просьбой Руевъ указывала Воозу на его право жениться на ней и на возможность самого брака. За такое пониманіе словъ Руевъ ручается послѣднее выраженіе 9-го стиха „*такъ какъ ты родственникъ*“ т. е. такъ какъ, по закону ужичества, *ты обязанъ* жениться на мнѣ и возстановить потомство мужа моего. Поэтому, Руевъ проситъ Вооза „*простереть крыло*“ т. е. край своего покрывала на нее, что было лишь символическимъ указаніемъ на будущее супружество. Воозъ одобрилъ это полное цѣломудренности желаніе Руевъ. „*Велико, сказалъ онъ въ отвѣтъ на ея просьбу, было твое первое дѣло—пребываніе до настоящаго времени вдовой, твоя любовь къ свекрови, ради которой ты оставила родину и отечественную религію, ради которой рѣшилась ты терпѣть всѣ горести нищеты и сиротства; но еще большей похвалы заслуживаетъ это твое второе дѣло—стремленіе возстановить потомство мужа своего. Ради его чести и вѣрности ему ты не пошла искать себѣ мужа между Моавитскими юношами, слѣдовательно, не влеченіемъ похоти рѣшилась ты на поступокъ сей, а любовью къ мужу. Ради ея ты доврчиво просишь меня, старика, его родственника, законнымъ и обычаемъ усвоеннымъ путемъ возстановить потомство мужа твоего*“.

Находя, такимъ образомъ, поступокъ Руевъ не только не предосудительнымъ, но законнымъ и даже достойнымъ одобре-

ніа, Воозъ призналъ себя дѣйствительно родственникомъ Руѳи, обѣщаль удовлетворить ея желаніе, но подъ условіемъ, если откажется отъ женитьбы на ней другой родственникъ, который стоялъ въ отношеніи родства ближе его и потому имѣлъ болѣе права на бракъ съ ней. Поэтому, онъ обѣщаль утромъ переговорить о настоящей просьбѣ Руѳи съ этимъ родственникомъ, а теперь предложилъ ей остаться на гүмнѣ до утра, такъ какъ въ темную ночь неудобно было идти женщиной одной въ городъ. Давши Руѳи двѣ ефы ячменя, на разсвѣтѣ Воозъ отпустилъ ее въ городъ.

На слѣдующій день, исполняя данное Руѳи обѣщаніе—переговорить относительно ея просьбы съ ближайшимъ родственникомъ, Воозъ вышелъ къ воротамъ города. Такъ у евреевъ назывался городской форумъ, площадь, замѣнявшая собою наши присутственныя мѣста и прочія общественныя учрежденія. Здѣсь, въ присутствіи старѣйшинъ города и собравшагося народа, рѣшались всѣ общественныя дѣла, заключались разнаго рода контракты, условія, договоры, какъ, на примѣръ, договоръ Авраама относительно покупки пещеры и поля для погребенія Сарры (Быт. XXIII, 10—18). Здѣсь же, по указанію закона (Второз. XXV, 7), должны быть рѣшаемы и обнародованы дѣла касательно ужичества и возстановленія потомства умершаго.

Пришедши сюда, Воозъ сѣлъ въ ожиданіи родственника, который долженъ былъ пройти мимо площади на работу въ поле. Дѣйствительно, послѣдній не замедлилъ показаться. Тогда Воозъ, пригласивъ его, предварительно, присѣсть здѣсь, созвалъ узаконенное число (10) старѣйшинъ городскихъ и, въ присутствіи ихъ, подробно изложилъ дѣло Руѳи, призывая родственника на основаніи закона къ ближайшему въ немъ участию. „Дѣло, какъ бы такъ говорилъ Воозъ, касается поля брата нашего Елимелеха, которое по бѣдности продала жена его Ноеминь. На тебѣ, какъ на ближайшемъ родственникѣ, лежитъ прежде всѣхъ другихъ обязанность его выкупить: *и если ты хочешь выкупить, выкунай, а если не хочешь выкупать, скажи мнѣ, и я буду знать, ибо, кромѣ тебя, никому*

выкупить, а по тебѣ я. (VI, 4) Законъ обязывалъ къ выкупу, какъ выше было сказано, только ближайшихъ родственниковъ, ограничивалъ это право, вѣроятно, извѣстными, болѣе близкими степенями родства. На этомъ основаніи Воозъ и говоритъ родственнику, что, если тотъ откажется отъ выкупа, то лишь одинъ онъ, Воозъ, остается изъ близкихъ родственниковъ, имѣющихъ право на выкупъ проданнаго поля. Это предложеніе было принято родственникомъ. Но когда Воозъ добавилъ, что этотъ удѣлъ въ силу существующихъ законовъ, по смерти Елимелеха, перешелъ къ сыну его Махлону и теперь составляетъ одинаково какъ собственность Ноеммины, такъ и жены Махлона—Руѳи и что, по господствующему праву и обычаю, онъ долженъ будетъ выполнить еще и законъ ужичества посредствомъ брака съ послѣдней,—то родственникъ отказался, сказавъ: *„не могу я взять ее себѣ, чтобы не разстроитъ удѣла моего“*. Такъ заявилъ предъ лицомъ старѣйшинъ города ближайшій Руѳи родственникъ исключительно потому, что взятый съ нею удѣлъ должно было впоследствии бесплатно передать тому сыну, который родится отъ брака его съ Руѳью; а въ такомъ случаѣ выкупомъ этого удѣла онъ истратилъ бы непроизводительно свои средства, нанесъ бы ущербъ собственному удѣлу, такъ какъ былъ бѣденъ. Сдѣланное заявленіе было совершенно достаточно для отказа отъ правъ наслѣдства и ужичества, и потому, въ присутствіи судей, родственники приступили къ передачѣ права на владѣніе участкомъ одинъ другому. Видимымъ знакомъ этого перехода права на владѣніе былъ у Евреевъ обычай—передача сапога однимъ другому: *одинъ снималъ сапогъ свой и давалъ другому, который принималъ право родственника, и это было свидѣтельствомъ у Израиля (IV, 7¹)*.

¹) При передачѣ собственности отъ одного лица другому, употреблялось также у евреевъ положеніе къ ногамъ имущества, если оно было движимымъ, или топтаніе его ногамъ, если оно было недвижимымъ. Такъ, на примѣръ, при продажѣ земли покупатель топталъ ее. Этотъ же обычай былъ въ употребленіи у Индійцевъ и древнихъ Германцевъ, но его нельзя смѣшивать съ другимъ, употреблявшимся при подобныхъ же случаяхъ, исключительно—еврейскимъ обычаемъ (Вто-

Послѣ того, какъ родственникъ публично отказался отъ владѣнія удѣломъ, Воозъ объявилъ, что онъ беретъ удѣлъ и съ нимъ Руѳъ въ жены себѣ, чтобы возстановить потомство ея мужа,—и это заявленіе Вооза, какъ законное и добродѣтельное, вызвало всеобщее одобреніе со стороны свидѣтелей и рядъ благожеланій: Руѳи—стяжать такую же славу и уваженіе, какими пользуются Рахиль и Лія, праматери израильтянъ, Воозу—пріобрѣсти богатство, знатность и такое же потомство, какимъ былъ родъ Фареса, родоначальника Виелеемлянъ. Благожеланія сбылись. Дѣйствительно, Руѳъ родила сына, который долженъ былъ занять мѣсто Вооза въ удѣлѣ Елимелеха. Сосѣдка Ноеммини назвала новорожденного наслѣдникомъ, отрадою и кормильцемъ ея старости. А Ноемминь видѣла въ немъ не только опору свою, но и надежду на продолженіе потомства. Смотри на дѣтей, какъ на благословеніе Божіе, она считала сноху неоцѣненнымъ сокровищемъ, ибо послѣдняя вознаградила ей потерю собственныхъ сыновей; теперь она, Ноемминь, получила возможность считаться родоначальницей потомства. Какъ свое собственное дитя, Ноемминь взяла на руки маленькаго Овида (такъ названъ былъ новорожденный) и замѣнила для него няню.

Повѣствованіе заканчивается генеалогіей, начинающейся съ Фареса, считавшагося основателемъ рода, къ которому принадлежали Елимелехъ и Воозъ. Послѣ родоначальника Фареса упоминается сынъ его матери Тамари—Есромъ, о которомъ извѣстно, что онъ въ числѣ потомковъ Іуды переселился въ Египетъ вмѣстѣ съ Іаковомъ (Быт. XLVI, 12). Далѣе въ генеалогической связи слѣдуютъ одинъ за другимъ: *Арамъ*, *Аминадавъ*, тестъ Аарона, и *Наассонъ*, родоначальникъ дома Іуды во времена Моисея (Числ. I, 7; II, 3; VII, 12). Такимъ обра-

роз. XXV, 9), когда сноха снимала сапогъ съ ноги своего девера и плевала ему въ лицо, если онъ отказывался отъ брака съ нею. Обычай, упоминаемый здѣсь и состоявшій въ передачѣ сапога лицомъ, уступившимъ свое право, не заключалъ въ себѣ ничего безчестнаго и неприличнаго: онъ употреблялся для утверженія договора, для введенія во владѣніе уступаемымъ участкомъ земли, тогда какъ обычай снятія сапога снохою съ ноги своего девера былъ безчестіемъ для него, публичнымъ наказаніемъ за нарушеніе закона.

зомъ, въ продолженіе 430-ти лѣтняго пребыванія евреевъ въ Египтѣ прошло только 5 родовъ, если даже включить сюда Фареса и Наассона. Очевидно, что въ этой генеалогіи пропущены нѣкоторые побочные члены родословной нити. Еще яснѣе видѣнъ пробѣлъ, опущеніе членовъ въ дальнѣйшемъ перечисленіи. Здѣсь указываются только два рода Салмона и Вооза для такого періода, который прошелъ отъ смерти Моисея до временъ Гедеона и который обнималъ собою болѣе 250 лѣтъ. Указавъ на Овида и Іессея, генеалогія, наконецъ останавливается на праотцѣ Іисуса Христа—Давидѣ.

Епископъ Иннокентій.

(Окончаніе будетъ).

Послание Господомъ Иисусомъ Христомъ двѣнадцати апостоловъ на проповѣдь

(Матѳ. X, 1—42; Мр. VI, 7—13; Лк. IX, 1—6).

(Продолженіе *).

Апостолы должны были идти съ проповѣдью къ погибшимъ овцамъ дома Израилева, т. е., къ овцамъ, блуждавшимъ безъ пастыря, каковымъ Господь ранѣе уподобилъ народъ Израильскій (Мѳ. 9, 36). Бѣдственное положеніе народа израильскаго въ религіозно-нравственномъ отношеніи подъ образомъ овецъ, оставленныхъ пастыремъ, яркими чертами изображаютъ ветхозавѣтные пророки. Господь говорилъ устами пророка Іезекіиля: *и разстѣялись онѣ (овцы) безъ пастыря и разстѣявшись сдѣлались пищею всякому звѣрю полевому. Блуждаютъ овцы Мои по вѣстамъ горамъ и по всякому высокому холму, и по всему лицу земли разстѣялись овцы Мои, и никто не разведываетъ объ нихъ и никто не ищетъ ихъ* (Іез. 34, 5—7; ср. Ис. 53, 6; Іер. 50, 6). Погибшимъ народъ Израильскій называется потому, что онъ потерялъ истинный путь спасенія, не имѣлъ вѣры въ Того, Кто былъ его пастыремъ (Іоан. 10, 11). Домъ Израилевъ (*οἶκος Ἰσραήλ*) есть постоянное названіе избраннаго народа Божія (Лев. 10, 6; Исх. 19, 3), указывающее на происхожденіе его отъ Іакова—Израиля.

Опредѣливъ мѣсто проповѣди апостоловъ, Господь указалъ имъ и предметъ этой проповѣди, говоря: *ходяще проповѣдуйте, что приблизилось царство небесное* (Мѳ. 10, 7). Предметомъ или общимъ содержаніемъ этой проповѣди должно было быть наступленіе царства Божія, о чемъ провозвѣщали Іоаннъ

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ», за 1900 г. № 5.

Креститель (Мѡ. 3, 2) и Самъ Христосъ (Мѡ. 4, 17) при выступленіи ихъ на проповѣдь. Провозглашая наступленіе царства Божія, апостолы вмѣстѣ съ тѣмъ, подобно Крестителю и Христу, должны были призывать людей къ покаянію, безъ котораго невозможно было полученіе царства Божія. Ев. Маркъ, повѣствуя о выполненіи апостолами возложенной на нихъ миссіи, говоритъ: *и проповѣдывали покаяніе—ἐκῆρυσσον, ἵνα μετανοήσωσι* (Мр. 6, 12). Характеръ и направленіе этой первой проповѣди апостоловъ были совсѣмъ другіе, чѣмъ проповѣди ихъ послѣ сошествія на нихъ Св. Духа. Теперь они проповѣдывали только покаяніе, какъ и Іоаннъ Креститель, и крестили, какъ и онъ, водою (Іоан. 4, 2); по сошествіи же Св. Духа возвѣщали и *прощеніе грѣховъ* (Дѣян. 2, 38).

Проповѣдь апостоловъ имѣла сопровождаться исходящими отъ нихъ чудесными знаменіями. *Больныхъ исцѣляйте, прокаженныхъ очищайте, мертвыхъ воскрешайте, бесовъ изгоняйте* (Мѡ. 10, 8)—говорилъ имъ Спаситель; т. е. они должны были все это совершать тою властію, которую даровалъ имъ Господь вмѣстѣ съ тѣмъ, о чемъ выше замѣчено Ев. Матѡеемъ (10, 1). Евв. Маркъ (6, 7, 12 и 13) и Лука (9, 1 и 6) рассказываютъ не только о томъ, что апостоламъ былъ сообщенъ даръ чудотвореній, но и что во время проповѣди они пользовались этимъ даромъ,—творили чудеса, причемъ первый замѣчаетъ, что больныхъ при исцѣленіи ихъ они мазали масломъ (Мр. 6, 13). Чудеса были доказательствами истинности провозглашаемаго апостолами ученія и видимымъ выраженіемъ наступающаго спасенія (Мѡ. 12, 28),—свидѣтельствомъ того, что посланшій ихъ есть истинный Мессія. Такое значеніе чудесъ опредѣляетъ ев. Маркъ, говоря о проповѣди апостоловъ послѣ вознесенія Христа на небо. *Они (апостолы), повѣствуетъ онъ, пошли и проповѣдывали вездѣ при Господнемъ содѣйствіи и подкрѣпленіи слова послѣдующими знаменіями* (Мр. 16, 20). „Сообщилъ имъ даръ исцѣленій, говоритъ Евв. Зигабенъ, чтобы тѣ, которые не убѣждаются проповѣдію, убѣждались по крайней мѣрѣ чудесами“¹⁾.

Ев. Матѡей къ чудеснымъ знаменіямъ, которыми должна

¹⁾ Толков. Еванг. отъ Матѡея, стр. 148.

была сопровождаться проповѣдь апостоловъ, причисляетъ воскрешеніе ими мертвыхъ, между тѣмъ ни самъ онъ при упоминаніи о дарованной имъ Господомъ власти чудодѣйствовать (ст. 1), ни евр. Маркъ и Лука въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ евангелій (Мр. 6, 13; Лк. 9, 6) о воскрешеніи мертвыхъ ничего не говорятъ, и вообще никто изъ евангелистовъ не упоминаетъ ни объ одномъ случаѣ воскрешенія апостолами мертвыхъ. Это умолчаніе евангелистовъ даетъ поводъ нѣкоторымъ представителямъ отрицательной критики заподозрѣвать подлинность словъ Спасителя: *мертвыхъ воскрешайте*—ἐγείρετε νεκρούς. По ихъ мнѣнію, слова эти есть позднѣйшее прибавленіе, имѣвшее цѣлью возвысить авторитетъ апостоловъ; въ подтвержденіе же этого своего мнѣнія они ссылаются на то, что въ нѣкоторыхъ кодексахъ словъ ἐγείρετε νεκρούς совсѣмъ нѣтъ. Но, во 1-хъ, изъ того, что евангелисты не говорятъ ни объ одномъ случаѣ воскрешенія апостолами мертвыхъ, не слѣдуетъ, чтобы такихъ случаевъ не было. Во время своей проповѣди послѣ сошествія Св. Духа апостолы воскрешали мертвыхъ (Дѣян. 9, 36—41; 20, 9—12); несомнѣнно, могли ихъ они воскрешать и ранѣе дарованною имъ божественною силою. Во 2-хъ, пропускъ словъ ἐγείρετε νεκρούς замѣчается только въ позднѣйшихъ кодексахъ, не имѣющихъ значенія въ сравненіи ихъ съ болѣе древними ¹⁾).

Къ повелѣнію апостоламъ творить чудеса Господь непосредственно присоединяетъ: *даромъ получили, даромъ давайте*—*δωρεάν ἐλάβετε, δωρεάν δότε* (Мѡ. 10, 8). По мнѣнію однихъ изъ толковниковъ, это послѣднее повелѣніе касается только чудотвореній ²⁾, а по мнѣнію другихъ, и проповѣди и вообще всего служенія апостоловъ ³⁾. Мнѣніе первыхъ представляется болѣе соотвѣтствующимъ дѣлу, потому что только чудотворенія, которыя совершались силою божественною и чрезъ которыя вѣрующіе получали божественную благодать, могли быть названы въ собственномъ смыслѣ дарами, только за нихъ апостолы не должны были брать ни платы, ни подарковъ и приношеній, между тѣмъ какъ за проповѣданіе они по праву могли

1) См. Keil, S. 255; Lange, S. 143.

2) Meyer, S. 252; Schanz, S. 288.

3) Keil, S. 255; Lange, S. 144.

(Мѡ. 10, 10) получать содержаніе отъ тѣхъ, кого оглашали своимъ словомъ. Изъ контекста евангельской рѣчи очевидно, что выраженіе: *даромъ получили*—δωρεάν ἐλάβετε указываетъ на соотвѣтствующее ему: *далъ имъ власть надъ нечистыми духами... и врачевать всякую болѣзнь и всякую немощь* (ст. 1). „Чтобы, говоритъ Св. Іоаннъ Златоустъ, не подумали (апостолы), что столь великія дѣянія (чудеса) производятся ими самими..., говоритъ: *туне пріятсе*. Вы ничего не даете тѣмъ, которые принимаютъ васъ, получили вы эти дары не въ награду и не за труды: это Моя благодать. Такъ и имъ давайте: ибо нельзя найти цѣны достойной сихъ даровъ“¹⁾. Чудотвореніями только ограничиваетъ повелѣніе *даромъ давайте* и Евѡ. Зигабенъ, говоря: „даромъ вы получили отъ меня даръ исцѣленій, безъ всякаго труда съ вашей стороны, даромъ же сообщайте ихъ людямъ, не требуя отъ нихъ ничего для поддержанія своей жизни“²⁾. За трудъ должны были (апостолы) получать награды, но чудеса и благодать не должны были продавать³⁾. Причину повелѣнія апостоламъ творить чудеса даромъ отцы и учителя церкви видятъ въ намѣреніи Христа предостеречь ихъ отъ сребролюбія и любостыжанія⁴⁾. Послѣдую имъ, и нѣкоторые изъ новѣйшихъ толковниковъ полагаютъ, что апостолы могли бы легко поддаться соблазну брать дары и смотрѣть не на вѣру тѣхъ, кто нуждался въ ихъ чудотвореніяхъ, а на блескъ ихъ золота, отъ чего Господь и хотѣлъ ихъ предохранить повелѣніемъ: *даромъ давайте*⁵⁾. Но если и допустить такое намѣреніе со стороны Іисуса Христа, то все-таки не оно было главною причиною повелѣнія чудодѣйствовать даромъ, а высокое достоинство и великая важность самыхъ даровъ чудотворенія,—именно то, что „нельзя найти, какъ говоритъ Св. Іоаннъ Златоустъ, цѣны достойной сихъ даровъ“.

Отправляясь на проповѣдь, апостолы должны были взять съ собою только самое необходимое. *Не берите съ собою*, говорилъ имъ Христосъ, *ни золота, ни серебра, ни мѣди въ поя-*

1) Opp. ed. Montfaucon, th. 7, p. 370; Русск. перев., стр. 58.

2) Толков. Еванг. отъ Маттея, стр. 148.

3) Gnomon, S. 74.

4) Св. Златоустъ, блаж. Іеронимъ и Евѡ. Зигабенъ.

5) Olshausen, S. 338.

сы свои, ни сумы на дорогу, ни двухъ одеждъ, ни обуви, ни посоха (Мѡ. 10, 9—10). Не берите въ подлинномъ текстѣ выражено словами: *μὴ κτήσησθε*, что значитъ собственно: *не пробрѣтайте, не запасайте*. Въ Вульгатѣ *μὴ κτήσησθε* передается чрезъ *polite possidere*—*не желайте владѣть или имѣть*. Апостоламъ, слѣдовательно, запрещалось запасаться указанными предметами, заботиться о ихъ приобрѣтеніи при отправленіи на проповѣдь. Въ объясненіе *κτήσησθε* Бенгель говоритъ: „что уже они имѣли, тѣмъ могли пользоваться, но вновь не должны были приобрѣтать“ ¹⁾. Подъ золотомъ, серебромъ и мѣдью, которыхъ не должны были брать апостолы, разумѣются вообще деньги всѣхъ видовъ. Ев. Маркъ обозначаетъ ихъ только однимъ понятіемъ *мѣди* (*χαλκόν*—Мр. 6, 8), а ев. Лука—однимъ понятіемъ *серебра* (*ἀργύριον*—Лк. 9, 3). Деньги не позволялось брать апостоламъ *въ поясы свои*—*εἰς τὰς ζώνας ὤμων*. На востокѣ поясъ, которымъ опоясывалась широкая верхняя одежда, употреблялся вмѣсто кармана для храненія денегъ ²⁾. Евв. Зигабенъ представляетъ это нѣсколько иначе. „У путешественниковъ, говоритъ онъ, былъ обычай носить кошельки для храненія денегъ, привязанные къ поясамъ“ ³⁾. Не позволялось далѣе брать апостоламъ *сумы на дорогу*—*πῆραν εἰς ὁδόν*, т. е., по объясненію Бенгеля, сумы, въ которой сохраняется хлѣбъ и все необходимое для пропитанія ⁴⁾. Въ такую суму съ съѣстными припасами служанка Іудии положила голову Олоферна, отсѣченную ею госпожей (Іудиевъ, 13, 10). Евв. Маркъ и Лука непосредственно послѣ сумы упоминаютъ хлѣбъ: *ни сумы, ни хлѣба* (Мр. 6, 8; Лк. 9, 3), т. е. хлѣба, полагаемаго въ суму. Дорожная сума была кожанная и обыкновенно вѣшалась на плечо путешественника. По талмуду, сума представляла изъ себя кожаный кошель, который привязывался пастухами около шеи и въ который они клали свои припасы ⁵⁾. По сказанію евв. Маттея и Луки, возбранялось, затѣмъ, апостоламъ брать съ собою или имѣть при себѣ двѣ одежды—

¹⁾ Gnomon, S. 74.

²⁾ Meyer, S. 252; Keil, S. 255.

³⁾ Толков. Еванг. отъ Маттея, стр. 148.

⁴⁾ Gnomon, p. 74.

⁵⁾ Lightfoot: *Horae Hebraicae et talmudicae*, in *Evang. Matth.*, 10, 10.

δύο χιτῶνας (Мѡ. 10, 10; Лк. 9, 3), а по выраженію ев. Марка,—одѣваться въ двѣ одежды—*μὴ ἐνδύσασθαι δύο χιτῶνας* (Мр. 6, 9). Смыслъ выраженій у всѣхъ евангелистовъ одинъ и тотъ же, т. е. апостолы должны имѣть только одну одежду, надѣтую на нихъ, и не имѣть другой, запасной, для замѣны ею первой ¹⁾. Ев. Матѳеѣй говоритъ, что апостоламъ запрещалось брать обувь—*ὀποδήματα*, по сказанію же ев. Марка, они должны были идти обутыми въ сандаліи—*ὀποδεδεμένους σανδάλια*. Одни изъ толковниковъ это кажущееся противорѣчіе примиряютъ тѣмъ, что подъ *ὀποδήματα* разумѣютъ башмаки, соотвѣтствующіе римскимъ *calcei*, и, противопоставляя ихъ сандаліямъ ²⁾, утверждаютъ, что апостолы, кромѣ надѣтыхъ ими въ путь сандалій, не должны были имѣть еще башмаки ³⁾; другіе же и подъ *ὀποδήματα* разумѣютъ сандаліи и думаютъ, что апостоламъ запрещалось брать запасныя сандаліи,—кромѣ тѣхъ, въ которыя они были обуты при отправленіи въ путь ⁴⁾. Какому изъ этихъ мнѣній слѣдуетъ отдать преимущество,—рѣшить трудно; но тѣмъ не менѣе послѣднее, повидимому, можно признать болѣе соотвѣтствующимъ общему характеру разсматриваемыхъ запрещеній Господа. Сандаліи были обыкновенной обувью путешественниковъ и представляли изъ себя подошвы изъ кожи или тростника, или же изъ коры пальмоваго дерева; онѣ завязывались подъ ногой, а сверху прикрѣплялись ремнями ⁵⁾. По сказанію евр. Матѳея и Луки (9, 3), наконецъ, апостолы не должны были брать въ путь жезла (Мѡ. 10, 10), по сказанію же ев. Марка (6, 8), они, напротивъ, могли взять только одинъ жезлъ и, кромѣ него, ничего не должны были брать. И это разногласіе евангелистовъ толковники объясняютъ разнo. Такъ, Евѡ. Зигабенъ говоритъ, что „сначала Господь повелѣлъ такъ, какъ говорятъ Матѳеѣй и Лука, а послѣ позволилъ имъ взять посохъ, снисходя къ ихъ слабости и ради

¹⁾ Keil, S. 255.

²⁾ Талмудъ полагаетъ то различіе между сандаліями и башмаками, что первыя дѣлаются изъ болѣе грубой кожи, а послѣдніе изъ болѣе мягкой. Lightfoot: *Horae Hebr. et talmud. in Evang. Matth., ad 10, 10.*

³⁾ *Ibid.*; ср. Lange, S. 144.

⁴⁾ Keil, S. 255; Schanz, S. 289.

⁵⁾ Winer: *Realvorterbuch*, Leipzig, 1848 г., Band. 2, S. 426.

трудности путешествія“¹⁾, что и обозначаетъ ев. Маркъ. Но съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться потому, что евангельскія сказанія не даютъ основаній къ различенію указываемыхъ Евв. Зигабеномъ моментовъ времени. Рѣчь всѣхъ трехъ евангелистовъ, очевидно, касается одного и того же времени. Изъ новѣйшихъ толковниковъ одни утверждаютъ, что апостоламъ было запрещено брать запасной жезлъ и дозволялось имѣть въ рукахъ только одинъ, необходимый для опоры и защиты²⁾, другіе же предполагаютъ, что по возрѣвію ев. Марка Господь запрещалъ апостоламъ все, что имѣло цѣнность и что доставляло имъ излишнія заботы, къ чему нельзя было причислить жезла, между тѣмъ какъ по представленію евр. Маттея и Луки, имъ не дозволялось все лишнее, не необходимое³⁾. Последнее изъ этихъ мнѣній представляется невѣроятнымъ какъ потому, что нѣтъ никакого основанія къ допущенію предполагаемыхъ, различныхъ точекъ зрѣнія евангелистовъ, такъ и потому, что жезлъ или посохъ въ рукахъ путешественниковъ не могъ быть излишнимъ и не необходимымъ. Остается, такимъ образомъ, признать за истинное то мнѣніе, что апостолы не должны были брать запаснаго жезла.

Основаніе, по которому апостоламъ запрещалось брать съ собою исчисленные предметы житейской необходимости, указываетъ Самъ Іисусъ Христосъ въ словахъ: *Ибо трудящійся достоинъ пропитанія* (Мѡ. 10, 10). Въ нихъ высказывается общее положеніе, имѣвшее силу закона еще въ ветхомъ заветѣ, гдѣ говорилось: *не заграждай рта волу, когда онъ молотитъ* (Второз. 25, 4). Смысль этого положенія тотъ, что кто для кого нибудь трудится, тотъ заслуживаетъ отъ него своего пропитанія, имѣетъ право получать его, какъ необходимое и должное,—подобно тому, какъ и волъ, молотящій или вообще производящій работу для своего хозяина, вполне заслуженно получаетъ отъ послѣдняго пропитаніе. Общій этотъ законъ имѣлъ полную силу и въ отношеніи къ провозвѣстникамъ евангельскаго ученія: *Господь повелѣлъ проповѣдующимъ*

1) Толков. Еванг. отъ Маттея, стр. 149.

2) Keil, S. 255.

3) Schanz, S. 290.

евангеліе жить отъ благовѣствованія (I Кор. 9, 14), говоритъ апостолъ Павелъ. Слѣдовательно, и апостолы, какъ служители слова Христова, „заслуживали пропитанія отъ тѣхъ, которымъ они помогали, для которыхъ трудились и работали. Это былъ не даръ имъ, но награда за ихъ труды“¹⁾.

Нѣкоторые изъ новѣйшихъ толковниковъ думаютъ, что Господь, запрещая апостоламъ запасаться при отправленіи на проповѣдь предметами житейской необходимости, научалъ ихъ, а вмѣстѣ съ ними и провозвѣстниковъ слова Божія всѣхъ вѣковъ полной нестяжательности, возлагалъ на нихъ подвигъ бѣдности и нищеты²⁾. Но наставленія Спасителя не имѣли такого общаго характера и примѣненія; они касались только перваго выступленія апостоловъ на проповѣдь и примѣнялись только къ положенію и обстоятельствамъ именно этого времени. До страданій Христа оставалось уже не много времени, ученикамъ Его нужно бы съ поспѣшностію оглашать евангельскимъ ученіемъ города и селенія еврейскія, и вотъ ни какія житейскія заботы не должны были отвлекать ихъ отъ ихъ цѣли и долга. „Такъ какъ они возвѣщали, говоритъ Евѣ. Зигабенъ, царство небесное, то и должно было имъ идти легкими и безпрепятственными, свободными отъ всякой земной заботы и внимательными къ одному только врученному имъ служенію“³⁾, вѣруя, слѣдуетъ прибавить къ этому, что Отецъ Небесный не оставитъ ихъ Своимъ промысленіемъ и пошлетъ имъ все необходимое для нихъ.

Послѣ наставленій и снаряженій апостоловъ въ путь, Господь говоритъ имъ о способѣ выполненія ими своей миссіи и предписываетъ имъ правила поведенія во все время ихъ благовѣствованія. *Въ какой бы городъ или селеніе ни вошли вы, говоритъ Онъ, навѣдывайтесь, кто въ немъ достоинъ, и тамъ оставайтесь, пока не выйдете* (Мѣ. 10, 11). Апостолы должны были ограничить свою проповѣдь, какъ сказано выше, только погибшими овцами дома Израилева (Мѣ. 10, 6), но и изъ нихъ они должны были избирать болѣе достойныхъ, болѣе

1) Евѣ. Зигабенъ. Толков. Еванг. отъ Матѳея, стр. 149.

2) Olshausen, S. 339.

3) Толков. Еванг. отъ Матѳея, стр. 149.

способныхъ воспринять ихъ слово, людей благочестивыхъ и богобоязненныхъ. Въ какой бы городъ или селеніе они ни вошли съ своимъ благовѣстіемъ, должны были первоначально разузнать, кто въ немъ можетъ быть признанъ за таковыхъ людей. Способъ распознаванія этихъ людей не указывается; но, нужно думать, что его составляли распросы у другихъ и собственное наблюденіе апостоловъ. Бенгель въ объясненіе *наведывайтесь*—ἐξετάσατε говоритъ: „черезъ освѣдомленіе у другихъ и чрезъ собственное изслѣдованіе; благочестивые благочестивыхъ и нечестивые нечестивыхъ легко познаютъ“¹⁾. Разузнавъ о людяхъ, достойныхъ принять ихъ, апостолы должны были поселиться у нихъ на все время пребыванія своего въ этомъ городѣ или селеніи. *Тамъ оставайтесь*—ἄραγε μένατε, т. е. въ домѣ этихъ достойныхъ людей. *Пока не выйдете*—ἕως ἄν ἐξέλθῃτε, не выйдете изъ города или села, въ которомъ пребываете²⁾. Оставаться въ одномъ и томъ же домѣ во все время пребыванія въ томъ или другомъ городѣ апостолы должны были потому, что мѣною домовъ, переходеніемъ изъ дома въ домъ они могли дать поводъ думать о себѣ, какъ о людяхъ безпокойныхъ, изнѣженныхъ и жадныхъ до наслажденій жизни, ищущихъ лучшаго приѣма и матеріальнаго обезпеченія³⁾. „Не повелѣваетъ переходить изъ дома въ домъ, говоритъ Св. Іоаннъ Златоустъ, чтобы имъ не подвергнуться нареканію въ чревоугожденіи и легкомысліи“⁴⁾.

Входя въ домъ, апостолы должны были приветствовать его, говоря: *миръ дому сему* (Мѡ. 10, 12). Домъ—τῆς οἰκίας—имѣется въ виду не всякій, въ который ни вошли бы апостолы для проповѣди, какъ думаютъ нѣкоторые толковники⁵⁾, но домъ, обладатели котораго оказались бы достойными принять ихъ и въ которомъ они намѣрены были основать свое пребываніе до пере-

1) Gnomon, p. 74.

2) По объясненію блаж. Іеронима, апостолы должны были останавливаться въ домахъ только достойныхъ людей потому, „чтобы достоинство проповѣди не затмевалось безславіемъ принимающаго“. Opp. ed. 1684 г., th. 9, p. 25.

3) Keil, S. 256; Schanz, S. 291. „Мѣна домовъ, говоритъ Бенгель, могла дать имъ видъ людей изнѣженныхъ“. Gnomon, p. 74.

4) Opp. ed. Montfaucou, p. 371, Русск. пер., стр. 61.

5) Такъ думаетъ де-Ветте. Цит. см. у Meyer-a, S. 253.

хода въ другой городъ. Членъ τήν поставленъ въ соотвѣтствіе καίχῃ предшествующаго стиха. Домъ этотъ апостоламъ слѣдовало привѣтствовать—ἀσπασαθε αὐτήν,—т. е., по объясненію Зигабена, испрашивать ему миръ ¹⁾. Привѣтствовать или выражать благожеланіе дому при входѣ въ него было древнѣйшимъ и священнымъ обычаемъ у всѣхъ народовъ. Блаж. Иеронимъ говоритъ, что греки при входѣ въ домъ произносили: χαίρε, а римляне: аве ²⁾. У евреевъ входившій въ чужой домъ возглашалъ: *шаломъ лакемъ*,—что значитъ *миръ дому сему* (Быт. 43, 23; Суд. 19, 20) ³⁾; съ тѣмъ же привѣтомъ должны были входить въ домъ и апостолы. Евреи придавали означенному привѣту большое значеніе и вѣрили, что когда придетъ Мессія, то начнетъ свою проповѣдь съ привѣта мира ⁴⁾.

Хотя апостолы должны были привѣтствовать владѣтелей дома, въ который входили съ цѣлью найти въ немъ пристанище, обычнымъ и общеупотребительнымъ привѣтомъ мира, но въ устахъ ихъ онъ имѣлъ большее и высшее значеніе, имъ они призывали благословеніе на этотъ домъ. „Привѣтствіе ихъ было не простое слово, но благословеніе“ ⁵⁾, говоритъ св. Златоустъ. Что таковъ былъ смыслъ ихъ привѣта,—это видно изъ слѣдующихъ затѣмъ словъ Самого Господа: *И если домъ будетъ достоинъ, то миръ вашъ придетъ на него; если же не будетъ достоинъ; то миръ вашъ къ вамъ возвратится* (Мѡ. 10, 13). Очевидно, домъ, въ которомъ поселялись апостолы, и который оказывался достойнымъ того, чтобы принять ихъ, дѣйствительно получалъ благословеніе Божіе послѣ апостольскаго привѣтствія, онъ наслаждался миромъ, спокойствіемъ и счастьемъ. Богъ посылалъ ему свои блага, доставлялъ ему спасеніе; въ отношеніи къ тому же дому, который не оказывался достойнымъ принятія апостоловъ, благословеніе ихъ не имѣло никакой силы и никакого значенія. Нѣкоторые изъ толковниковъ *придетъ и возвратится*—ἐλθέτω — ἐπιστρέψητω — повимаютъ въ томъ смыслѣ, что при достоинствѣ дома на него съ при-

¹⁾ Толков. Еванг. отъ Маттея, стр. 150.

²⁾ Opp. ed. 1684, th. 7, p. 25.

³⁾ Фарраръ: Жизнь Иисуса Христа, стр. 169.

⁴⁾ Schanz, S. 291.

⁵⁾ Opp. ed. Montfaucon, p. 372; Русск. перев., стр. 62.

вѣтствіемъ апостоловъ будутъ посланы благодатные дары, какъ реальная духовная сила, при недостойнствѣ же его они вновь возвратятся къ апостоламъ, сдѣлаются ихъ достояніемъ и увеличатъ ихъ духовныя дарованія, что будетъ имъ наградою и утѣшеніемъ въ томъ, что не всѣ ихъ принимаютъ ¹). Но такое представленіе дѣла является, во 1-хъ, слишкомъ человѣкообразнымъ и несоотвѣтствующимъ существу благодатныхъ даровъ, а во 2-хъ, противорѣчащимъ мѣстамъ Св. Писанія, въ которыхъ выражается подобная же мысль (Ис. 55, 11). Въ увеличеніи духовныхъ дарованій апостолы не нуждались, такъ какъ въ должной и необходимой для нихъ мѣрѣ получили божественную силу отъ Господа (Мѡ. 10, 1) ²). Что оказывались люди недостойные благословенія апостоловъ, это не должно было ихъ смущать, потому что ихъ благословеніе чрезъ то не осквернялось, а только оставалось безъ дѣйствія ³); имъ слѣдовало послѣ того идти дальше и преподавать свое благословеніе другимъ, болѣе достойнымъ.

Достоинство или недостойнство дома имѣло обнаружиться въ расположенности или нерасположенности его жителей къ принятію евангельскаго ученія. Ев. Лука, излагая наставленіе Господа 70 ученикамъ, говоритъ: *если будетъ тамъ (въ домѣ) сынъ мира, то почитъ на немъ миръ вашъ* (Лк. 10, 6), т. е. если будетъ расположенный къ миру, къ принятію благовѣствованія.

Къ тѣмъ, которые бы не приняли апостоловъ, Господь заповѣдуетъ имъ особое отношеніе, говоря: *А если кто не приметъ васъ и не послушаетъ словъ вашихъ; то, выходя изъ дома, или изъ города того, потрясите прахъ отъ ногъ вашихъ* (Мѡ. 10, 14). Гдѣ апостолы не увидѣли бы расположенія и стремленія къ принятію и усвоенію евангельскаго ученія, оттуда они должны были уйти, что вполнѣ естественно, такъ какъ въ противномъ случаѣ они поступили бы противъ повелѣнія Господа: *Не давайте святыни псамъ и не бросайте жемчуга вашего предъ свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали васъ* (Мѡ. 5, 6). Уходя,

1) Olshausen, S. 341; Keil, S. 256.

2) Schanz, S. 292.

3) Fructus referetur ad vos,—говоритъ Тома Аквинатъ. Цитат. у Schanz'a, S. 292.

они должны были отряхнуть прахъ отъ ногъ своихъ. Евреи, согласно съ учениемъ раввиновъ, отряхали прахъ при возвращеніи изъ языческой земли въ еврейскую, такъ какъ языческая земля считалась нечистою и оскверняла вступаваго на нее ¹⁾. Но апостолы, отряхая прахъ отъ ногъ своихъ, символически обозначали не то, что они домъ или городъ, или, лучше, жителей ихъ признавали нечистыми, подобными язычникамъ, и относились къ нимъ съ презрѣніемъ, а то, что они считали, ихъ добровольно отвергшими свое спасеніе, и что поэтому, они прекращали съ ними всякое общеніе (Ср. Дѣян. 13, 51; 18, 6) ²⁾, не изъ боязни оскверниться, но чтобы избѣжать суда, которому должны были подвергнуться не привявшіе вѣстниковъ мира и который предрекался имъ Спасителемъ въ словахъ: *Истинно говорю вамъ: отраднѣе будетъ земля Содомской и Гоморрской въ день суда, нежели городу тому* (Мѡ. 10, 15).

Города Содомъ и Гоморра, а также Адама и Севоимъ были сожжены огненно-сѣрнымъ дождемъ за нечестіе и развратъ ихъ жителей (Быт. 19, 24—25). Истребленіе Содома и Гоморры въ Св. Писаніи представляется, какъ разительный примѣръ божественнаго правосудія, постигающаго нечестивыхъ (Втор. 29, 22; Іез. 13, 19; Іер. 49, 18). Но хотя Содомъ и Гоморра, или, иначе, жители ихъ потерпѣли уже наказаніе за свое нечестіе на землѣ, однако имъ предстоитъ еще понести за него новое наказаніе и въ день суда, т. е. суда всеобщаго, когда *всѣ находящіеся въ гробихъ, услышатъ гласъ Сына Божія, и изыдутъ творившіе добро въ воскресеніе жизни, а длавшіе зло въ воскресеніе осужденія* (Іоан. 5, 28—29). Наказаніе развращенныхъ Содомлянъ будетъ тяжелымъ, но тѣмъ не менѣе легче, чѣмъ наказаніе жителей городовъ и селеній, которые бы не приняли учениковъ Христа,—это потому, что послѣднимъ яснѣе и полнѣе была раскрыта воля Божія. Содомляне имѣли свидѣтельство истины только отъ Лота,—сви-

¹⁾ Pulverem terrae ethnicae ex contactu inquinare docuerunt,—говорить Ляйтфутъ. Lightfoot. Horae Hebr. et talmud, ad Evang. Matth., 10, 14.

²⁾ Keil, S. 256. Nil nobis vobiscum ultra commercii est, говоритъ Блекъ. Цит. у Meyer'a, S. 254.

дѣтельство слабое и не столь убѣдительное, какъ свидѣтельство учениковъ Христа, Который Самъ называлъ Себя *истиною* (Іоан. 14, 6) и говорилъ, что Онъ для того и пришелъ въ міръ, чтобы свидѣтельствовать объ истинѣ (Іоан. 18, 37). „Тяжелѣе будутъ наказаны, говоритъ Евѳ. Зигабенъ, не принимающіе и не слушающіе словъ апостольскихъ, потому что Содомъ и Гоморра не видѣли, подобно этимъ, безчисленныхъ чудесъ, и въ землю ихъ Спаситель не посылалъ учениковъ“¹⁾.

Между слушателями апостоловъ не только должны были быть недостойные и не желавшіе принять ихъ, но и такіе, которые имѣли обнаружить враждебное къ нимъ отношеніе, имѣли ихъ гнать и преслѣдовать, искать ихъ погибели. Господь, зная это, считалъ нужнымъ предупредить апостоловъ относительно грозившихъ имъ опасностей и укрѣпить ихъ въ борьбѣ съ ними. *Вотъ*, говорилъ Онъ имъ, *Я посылаю васъ, какъ овецъ среди волковъ: и такъ, будьте мудры, какъ зми, и просты, какъ голуби* (Мѳ. 10, 16).

Вотъ—*ἰδοὺ* (ср. Мѳ. 11, 8; 19, 27; 20, 18 и др.) обыкновенно употребляется для выраженія скорости и очевидности совершенія дѣйствія, а вмѣстѣ и показанія его новизны; такое же значеніе его и здѣсь²⁾. Спаситель равнѣ сказалъ, что окажутся такіе, которые не примутъ апостоловъ и не послушаютъ ихъ (ст. 14 и 15), а потомъ и объясняетъ, что скоро это явно обнаружится, потому что *вотъ* (теперь, тотчасъ) Онъ ихъ посылаетъ, какъ овецъ среди волковъ. Они вступятъ теперь въ новыя отношенія къ людямъ, которыя и обнаружатъ враждебныхъ изъ нихъ апостоламъ. До сихъ поръ Господь изображалъ предъ апостолами свѣтлую сторону ихъ дѣятельности, а теперь приступалъ къ раскрытію и противоположной ей—мрачной³⁾.

Съ *Я (посылаю)*—*ἐγὼ*—толковники соединяютъ особенное значеніе. Одни полагаютъ, что имъ выражается здѣсь противоположеніе между Христомъ, посылающимъ апостоловъ, и опасностями, ожидавшими посланныхъ. Апостолы, окруженные врагами, могли

1) Толков. Еванг. отъ Матѳея, стр. 151.

2) Schanz, S. 293; Meyer, S. 254; Keil, S. 257.

3) Olshausen, S. 341.

бы оказаться, съ одной стороны, малодушными, если бы ихъ посылалъ не Христосъ, ихъ Господь и учитель, Сынъ Божій, имѣвшій силу и могущество ихъ защитить; съ другой же стороны, они могли бы явиться неблагоразумными и мало-осмотрительными, если бы не были посланниками Того, Кто имѣетъ о нихъ божественное промысленіе ¹⁾. Памятованіе объ этомъ и желалъ Господь внушить имъ чрезъ указаніе на *Себя*, какъ посылавшаго ихъ. Онъ какъ бы такъ имъ говорилъ: „вамъ предстоятъ великіе опасности, но вы не смущайтесь, потому что посылаю васъ *Я*, Который, какъ вы знаете изъ Моихъ бесѣдъ съ вами о Моемъ лицѣ и о цѣли Моего пришествія въ міръ, есть Сынъ Человѣческой, явившейся основать царство небесное и разрушить господство князей сего міра; вы должны помнить, что во Мнѣ найдете защиту и будете подъ Моимъ покровительствомъ“ ²⁾. „Какое было, говоритъ Св. Іоаннъ Златоустъ, для нихъ утѣшеніе во всѣхъ этихъ бѣдствіяхъ? Сила посылающаго. Поэтому-то Онъ прежде всего и сказалъ: *вотъ Я посылаю васъ*. Этого довольно къ вашему утѣшенію, этого довольно къ тому, чтобы васъ ободрить и чтобы вамъ не бояться никого изъ противниковъ вашихъ“ ³⁾. Другіе думаютъ, что выраженіемъ *Я посылаю* Господь хотѣлъ указать апостоламъ, чтобы они при имѣвшихъ повстрѣчаться съ ними опасностяхъ держали себя сообразно съ свойствомъ и характеромъ Его мессіанской цѣли и съ планомъ Его домостроительства о спасеніи людей ⁴⁾. Это мнѣніе не имѣетъ за себя никакихъ основаній, почему ему и слѣдуетъ предпочесть первое.

Посылалъ Господь апостоловъ какъ овецъ среди волковъ—
 ἀποστέλλω ὡμᾶς ὡς πρόβατα ἐν μέσῳ λύκων. Не какъ овецъ къ волкамъ посылалъ Онъ ихъ, что бы значило посылать на гибель, а какъ овецъ между волками. Тяжелое положеніе апостоловъ, посылавшихся на проповѣдь во враждебный имъ міръ, уподоблялось положенію овецъ, вращающихся среди волковъ. Имъ, какъ и овцамъ, находящимся между волками, грозила

1) Schanz, S. 293.

2) Keil, S. 257.

3) Opp. ed. Montfaucon, p. 378; Русск. пер., стр. 75.

4) Meyer., S. 254.

постоянная опасность лишиться жизни, такъ какъ смиренными и беззащитными они шли съ своею проповѣдью къ злобнымъ, сильнымъ и гордымъ сынамъ міра сего, имѣвшимъ своимъ отцомъ діавола, который былъ челоуѣкоубійцею искони (Іоан. 8, 44) ¹⁾. „Въ среду (ἐν вмѣсто εἰς), т. е. между волками (послалась апостолы), говоритъ Мальдонавъ въ объясненіе ἐν μέσῳ λύκων; это выраженіе обозначаетъ, что волковъ будетъ много, а овецъ мало. Одинъ волкъ между многими овцами производитъ великое опустошеніе; что же было бы, когда бы волковъ было гораздо болѣе овецъ? ²⁾. Опасное положеніе апостоловъ требовало отъ нихъ, чтобы они были *мудры, какъ зми, и просты, какъ голуби*. Змѣя всегда считалась символомъ мудрости (Быт. 3, 1), а голубь—нравственно—незлобивой чистоты. Змѣя—изворотливое животное,—она быстро ускользаетъ отъ преслѣдованія и скрывается отъ своего врага, голубь не заходитъ въ грязные мѣста, довѣрчиво относится къ ласкамъ и ни кому не причиняетъ вреда. Эти свойства змѣи и голубя должны были имѣть апостолы, какъ необходимыя для нихъ при имѣющихъ имъ повстрѣчаться опасностяхъ въ ихъ дѣятельности. Они, подѣ водительствомъ Св. Духа (Мѣ. 10, 19), должны были совмѣщать мудрость, выражающуюся въ сознаніи опасности, въ изысканіи вѣрныхъ средствъ къ отвращенію и задержанію ея, съ чистотою, которая исключаетъ всякую нравственную порчу, безнравственныя думы и чувствованія, безнравственныя рѣшенія и дѣятельность. Апостолы должны были имѣть дѣло съ злыми, коварными и нравственно грубыми противниками, —для борьбы съ ними имъ и была нужна мудрость; на людей же простодушныхъ и воспріимчивыхъ къ истинѣ и добру они легче всего могли подѣйствовать своею простотою. Даже злобу и коварство людей, враждебно настроенныхъ, можно укротить только любовію и благожелательностію. „Мудръ какъ змѣя, говоритъ Св. Василій Великій, кто предлагаетъ ученіе съ осмотрительностію и съ разумѣніемъ, какъ успѣшно привести слушателей къ благопокорности. А цѣль, какъ голубь, кто не

¹⁾ Lange, S. 147.

²⁾ Comment., p. 225.

держитъ и въ мысли, чтобы мстить злоумышляющему. Господь даетъ сіе повелѣніе ученикамъ, посылая ихъ на проповѣдь, гдѣ была потребность и въ мудрости для убѣжденія, и въ незлобіи на злоумышляющихъ ¹⁾). Соединеніе въ себѣ обоихъ указанныхъ свойствъ хотя составляетъ для людей дѣло великой трудности, но во всякомъ случаѣ дѣло не невозможное при помощи божественной благодати. Высочайшій образецъ такого совмѣщенія представляетъ Собою Самъ Іисусъ Христосъ ²⁾).

Мудры въ подлинникѣ стоитъ *φρόνιμοι*, а *просты*—*ἀχέραιοι*. *φρόνιμος* отъ *φρονέω*, или во мн. ч. *φρένες*, значитъ умъ, разумъ, разсудительность, обнаруживающаяся въ отношеніяхъ людей къ міровымъ событіямъ, въ умѣньи первыхъ правильно понять и оцѣнить послѣднія и принять въ нихъ сообразно съ этимъ то или другое участіе ³⁾). *Ἀχέραιος*, отъ *χεράνυμι* — смѣшивать, разбавлять, значитъ: несмѣшанный (non mixtus), чистый, простой, безъ всякой лжи. *Ἀχέραιος* съ этимъ значеніемъ встрѣчается въ другихъ мѣстахъ Св. Писанія (Рим. 16, 19; Фил. 2, 15) и часто у классиковъ ⁴⁾).

Чтобы апостолы могли исполнить требованіе о совмѣщеніи мудрости съ простотою, имъ слѣдовало быть особенно осторожными, быть постоянно на стражѣ своей безопасности. *Остерегайтесь же людей*,—продолжалъ Свою рѣчь Господь: *ибо они будутъ отдавать васъ въ судилища, и въ синагогахъ своихъ будутъ бить васъ* (Мѡ. 10, 17).

Остерегайтесь же—*προσεχετε δέ*; *προσεχω ἀπό τινος* значитъ беречься чего, остерегаться. Нѣкоторые толковники *προσεχετε* даютъ значеніе: будьте внимательны, обратите вниманіе ⁵⁾), но *остерегайтесь* съ большею точностью передаетъ мысль подлинника.—*Же*—*δέ*—связываетъ рѣчь съ предшествующею, указываетъ на продолженіе послѣдней, именно,—на то, что апостолы данными имъ наставленіями (ст. 16) должны будутъ пользоваться соотвѣтственно имѣющимъ наступить обстоятельствамъ

¹⁾ Твор. Василия Великаго, Москва, 1847 г., ч. 5, стр. 331—332.

²⁾ Meyer, S. 255; Schanz, S. 294.

³⁾ Olshausen, S. 342.

⁴⁾ Meyer, S. 255; Schanz, S. 294.

⁵⁾ Keil, S. 258.

ихъ жизни, ихъ положенію, которое опредѣляется дальнѣйшими словами: *будутъ отдавать васъ* и т. д. ¹⁾.

Остерегаться апостоламъ нужно было *людей*—ἀπὸ τῶν ἀνδρῶπων, т. е. тѣхъ, которые въ предшествующемъ стихѣ названы волками. Блаж. Иеронимъ разумѣетъ здѣсь подъ людьми книжниковъ и фарисеевъ ²⁾, но справедливо замѣтилъ Мальдонатъ, что лучше разумѣть подъ ними вообще людей, враждебно настроенныхъ противъ евангелія ³⁾. Такими людьми были вообще всѣ люди въ ихъ естественномъ состояніи; всѣ они представляли собою для апостоловъ нѣчто враждебное,—тотъ *міръ*—κόσμος, къ которому ученики не принадлежали (Іоан. 15, 19) и который ихъ ненавидѣлъ (Іоан. 17, 14). На такое пониманіе ἀπὸ τῶν ἀνδρῶπων указываетъ τῶν—членъ родовой, обобщающій.

Злоба враждебныхъ апостоламъ людей обнаружится въ томъ, что *они будутъ отдавать ихъ* (апостоловъ) *въ судилища и въ синагогахъ своихъ будутъ бить ихъ*, какъ тяжкихъ преступниковъ. Въ *судилища* въ подлинникѣ εἰς συνέδρια, т. е. вообще во всякое судебное собраніе, здѣсь въ частности нужно разумѣть провинціальныя судилища въ селеніяхъ и городахъ (ср. Мѡ. 5, 21 и 22; Мр. 13, 9), а не синедріонъ, какъ великое верховное іудейское судилище, состоявшее изъ 72 членовъ. Синагоги были мѣстными учрежденіями, имѣвшими право налагать дисциплинарныя наказанія. Къ этимъ наказаніямъ принадлежало бичеваніе преступника, которое и предрекается Господомъ въ словахъ: *будутъ бить васъ*—μαστιγώσουσιν ὑμᾶς. На право синагогъ бичевать ясно указывается въ Св. Писаніи Новаго Завѣта, но, не смотря на то, нѣкоторые толковники отрицаютъ это ихъ право на томъ основаніи, что о немъ ничего не говоритъ древнѣйшая раввинская литература ⁴⁾.

Не довольствуясь тѣмъ, что апостолы будутъ предаваемы іудейскимъ судьямъ, враждебные Христу люди будутъ приво-

1) Meyer, S. 255; Schanz, S. 294; Мальдонатъ говоритъ: δὲ videtur poni pro ἄρα—ergo. Comment., S. 226.

2) Opp. ed. 1684 r., th. 9, p. 25.

3) Comment., p. 225.

4) См. Vitringa: De Synagoga vet., 3, 1 c. 11; Viner: Real.—wort. 2, S. 571.

дить ихъ для суда и наказанія къ языческимъ правителямъ. *И поведутъ васъ*, говоритъ Спаситель, продолжая Свою рѣчь, *къ правителямъ и царямъ за Меня для свидѣтельства предъ ними и язычниками* (Мѡ. 10, 18).

И—въ греческомъ текстѣ выражено чрезъ *καί—δέ*. *Καί* указываетъ на однородность рѣчи съ предшествующей, а *δέ*—на различіе. Однородность состоитъ въ данномъ случаѣ въ томъ, что какъ въ предшествующей рѣчи (ст. 17), такъ и въ изъясняемой говорится о преслѣдованіи апостоловъ ихъ врагами, а различіе въ томъ, что въ первый—о преслѣдованіи со стороны іудеевъ, а во второй со стороны языческаго правительства ¹⁾. Какъ связь, *καί—δέ* имѣетъ въ предложеніи усиливающее значеніе, подобно *et—vero*, и должно быть передано: *и также, съ другой стороны, снова* ²⁾.

Подъ правителями—*ἡγεμόνας*, къ которымъ имѣли быть приводимы апостолы, большинство толковниковъ разумѣетъ трехъ видовъ верховныхъ правителей римскихъ провинцій—пропреторовъ, проконсуловъ и прокураторовъ ³⁾, а подъ царями—*βασίλεις*—царей въ собственномъ смыслѣ ⁴⁾.

Подвергаться суду и наказаніямъ имѣли апостолы отъ враждебныхъ имъ людей для свидѣтельства предъ ними и язычниками—*εἰς μαρτύριον αὐτοῖς καὶ τοῖς ἔθνεσιν*. Къ чему относится *αὐτοῖς*, т. е. предъ кѣмъ предъ ними должны были свидѣтельствовать апостолы, мнѣнія толковниковъ объ этомъ разнятся. Одни относятъ *αὐτοῖς* къ *ἡγεμόνας καὶ βασίλεις* и полагаютъ, что рѣчь идетъ о свидѣтельствѣ предъ римскими правителями и царями ⁵⁾, другіе же подъ *αὐτοῖς* разумѣютъ іудеевъ, о свидѣтельствѣ предъ которыми апостоловъ наравнѣ съ язычниками и говоритъ Господь. Последнее мнѣніе принимается большинствомъ новѣйшихъ толковниковъ ⁶⁾ и нѣкоторыми учителями церкви ⁷⁾. Преимущество его предъ первымъ обнаруживается

¹⁾ Schanz, S. 295.

²⁾ Keil, S. 258.

³⁾ Keil, S. 258; Meyer, S. 255; Lange, S. 147; Schanz, S. 295.

⁴⁾ „Напр. Агриппа“, замѣчаетъ Keil, S. 258.

⁵⁾ Такъ думаютъ Блекъ и Вейсъ; Цит. у Keil-я, S. 258.

⁶⁾ Meyer, S. 256; Keil, S. 258; Schanz, S. 295; Lange, S. 147.

⁷⁾ Евѡ. Зигабенъ: Толкованіе Еванг. отъ Матѡея, стр. 154.

и изъ самаго контекста евангельской рѣчи. Во 1-хъ, если подѣ αὐτοῖς разумѣть правителей и царей, то будетъ непонятнымъ особенное упоминаніе о свидѣтельствѣ предѣ язычниками и выдѣленіе изъ среды ихъ правителей и царей, которые тоже были язычники ¹⁾; во 2-хъ, 17 и 18 стихи тѣсно связаны между собою, такъ какъ рѣчь ихъ имѣетъ одну и ту же цѣль, а посему для свидѣтельства—εἰς μαρτύριον—относится не только ко второй половинѣ этой рѣчи (ст. 18), но одинаково должно быть распространено и на первую (ст. 17). Если же такъ, то, слѣдовательно, αὐτοῖς указываетъ не только на лицъ, поименованныхъ въ 18 стихѣ, но и на іудеевъ ²⁾. Такимъ образомъ, несомнѣнно, апостоловъ гонители ихъ имѣли отдавать въ судилища, бичевать въ синагогахъ, приводить къ римскимъ правителямъ для свидѣтельства предѣ іудеями и язычниками. Что это за свидѣтельство,—опредѣляется дополненіемъ за Меня—ἐνεκεν ἐμοῦ, т. е. свидѣтельство о Мнѣ (Христѣ), о Его личности, Его достоинствѣ ³⁾. Мужественное и твердое исповѣданіе апостолами на судѣ вѣры во Христа, какъ Мессію и Сына Божія, должно было быть свидѣтельствомъ для іудеевъ и язычниковъ истинности христіанскаго ученія, божественнаго его происхожденія. Если же бы, не смотря на такое очевидное доказательство истинности христіанства, іудеи и язычники не увѣровали во Христа, то это же самое свидѣтельство должно было обратиться въ обличеніе и осужденіе ихъ, почему отцы и учителя церкви и нѣкоторые изъ новыхъ толковниковъ для свидѣтельства выясняютъ чрезъ выраженіе: во обличеніе ихъ—εἰς ἔλεγχον αὐτῶν,—т. е., іудеевъ и язычниковъ ⁴⁾.

Апостолы, простые и необразованные рыбаки, представлявшіе собою, по слову ап. Павла, немудрое и немоцное міра (I Кор. 1, 27), естественно могли смутиться при мысли, что имъ придется предстать предѣ лицомъ людей знатныхъ, каковы

¹⁾ Meyer, S. 256.

²⁾ Мальдонатъ: Comment., p. 226; Бенгель: Gnomon, p. 75; Keil, S. 258; Lange, S. 147.

³⁾ Meyer, S. 256.

⁴⁾ Златоустъ, блаж. Теофилактъ, Евв. Зигабенъ, Мальдонатъ и др.

были правители и цари, и оказаться предъ ними неопытными и неискусными въ словѣ при защитѣ и оправданіи себя. Господь, предупреждая безпокойство ихъ относительно этого, а вмѣстѣ и ободряя ихъ, говорилъ: *когда же будутъ предавать васъ, не заботьтесь, какъ или что сказать; ибо въ тотъ часъ дано будетъ вамъ, что сказать* (Мѡ. 10, 19). *Когда будутъ предавать*—ὄταν δὲ παραδιδῶσιν, т. е. когда дѣйствительно случится такъ, что васъ будутъ предавать. Въ нѣкоторыхъ кодексахъ вмѣсто παραδιδῶσιν стоитъ или παραδῶσουσιν, или же παραδῶσιν. Первое чтеніе могло произойти вслѣдствіе простого механическаго заимствованія этого глагола изъ 17 стиха, а второе— вслѣдствіе пропуска слога δι при перепискѣ ¹⁾). *Не заботьтесь, какъ или что сказать*—μὴ μεριμνήσητε πῶς ἢ τί λαλήσητε. Апостолы не должны были заботиться ни о формѣ, ни о содержаніи своей рѣчи предъ царями и правителями: πῶς указываетъ на форму, а τί на содержаніе. Раздѣленіе πῶς и τί чрезъ ἢ усиливаетъ значеніе и смыслъ рѣчи ²⁾). *Въ тотъ часъ дано будетъ вамъ, что сказать*—δοθήσεται ὑμῖν ἐν ἐκείνῃ τῇ ὥρᾳ τί λαλήσετε. *Въ тотъ часъ*, т. е. когда апостолы будутъ отвѣчать предъ правителями, давать свое свидѣтельство предъ ними. Толковники обращаютъ вниманіе на то, что въ выраженіи: *не заботьтесь, какъ или что сказать* употреблено λαλήσητε, а въ выраженіи: *дано будетъ, что сказать*—λαλήσετε, и дѣлаютъ предположенія относительно происхожденія этой разности ³⁾). Но отчего бы она ни произошла,—это не имѣетъ важнаго значенія, потому что замѣна одного времени глагола другимъ въ данномъ случаѣ не искажаетъ евангельскаго текста; будетъ ли сказано: *что вамъ должно будетъ сказать*, или: *что вы скажете*,—смыслъ останется одинъ и тотъ же ⁴⁾). Останавливаются толковники еще и на той разности въ указанныхъ нами выраженіяхъ, что въ первомъ употреблено: *какъ или что*, а во второмъ только—*что*—τί; но въ объясненіе этого нужно сказать, что вмѣстѣ съ τί въ послѣднемъ выраженіи дается и πῶς ⁵⁾).

1) Keil, S. 259, примѣч.

2) Ibid. Бенгель говоритъ: Eleganter notatur cura. Gnomon p. 76.

3) Meyer, S. 257; Keil, S. 259, примѣч.

4) Schanz, S. 259.

5) Ubi τὸ quid obtigit, τὸ quomodo non deest,—замѣчаетъ Бенгель, Gnomon, p. 76.

Кѣмъ будетъ дано апостоламъ то, что и какъ имъ слѣдовало говорить,—это видно изъ дальнѣйшей рѣчи Спасителя: *ибо не вы будете говорить, но Духъ Отца вашего будетъ говорить въ васъ* (Мѡ. 10, 20). Духъ Отца т. е. исходящій отъ Отца. Св. Духъ (Іоан. 14, 16—17, 26; 15, 26; 16, 7—14) будетъ источникомъ званія и премудрости апостоловъ въ то время; Онъ озаритъ ихъ свѣтомъ божественнаго Откровенія (Ис. 50, 4; Лк. 21, 15; I Кор. 2, 10, 13; Ефес. 6, 19) и, сдѣлавъ ихъ пророками Новаго Завѣта, вложитъ слова въ ихъ уста. „Въ другомъ мѣстѣ, говоритъ Св. Іоаннъ Златоустъ, Онъ (Христосъ) сказалъ: *Я дамъ вамъ уста и премудрость* (Лк. 21, 15); а здѣсь, говоря—*Духъ Отца вашего будетъ говорить въ васъ*, Онъ возводитъ ихъ въ достоинство пророческое“¹⁾ Примѣненіе апостолами своихъ естественныхъ силъ и способностей этимъ обѣтованіемъ Господа, конечно, не исключалось, но силы и способности эти—освящались и укрѣплялись Св. Духомъ.

Противоположеніе между *не* и *но*—*οὐ* и *ἀλλά* въ рѣчи Спасителя о дарованіи апостоламъ божественной помощи есть рѣшительное, придающее обѣтованію Его особенное значеніе,—указывающее на его непреложность, въ которой Онъ хотѣлъ утвердить апостоловъ. Это обѣтованіе непременно исполнится, они непременно будутъ одушевлены Духомъ Отца небеснаго.

Ив. Перовъ.

(Окончаніе будетъ).

¹⁾ Opp. ed. Montfaucon, p. 381; Русск. пер. стр. 81.

Приготовленіе древняго міра къ принятію христіанства.

Переводъ съ англійскаго сочиненія Р. М. Уенли: The Preparation for Christianity in the ancient world.

(Продолженіе *).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Новый періодъ греческой философіи, извѣстный подъ именемъ самокритицизма.

„Ни одинъ изъ философовъ не жилъ такъ, какъ хотѣлъ; но, проводя свое время въ городѣ... философы въ своихъ занятіяхъ опредѣлялись общественнымъ благомъ; они смотрѣли на себя, какъ на принадлежащихъ не самимъ себѣ, но своей странѣ“.

Для того, чтобы оцутить тонкій аромать греческой цивилизаціи, недостаточно общихъ средствъ. Гдѣ религіозная, гражданская и артистическая жизнь такъ тонко сплелась, тамъ обыкновенныя умозаключенія о дѣйствительности могутъ дать искаженное и невѣрное представленіе. Какъ обыкновенно случается, время рождаетъ человѣка. Платонъ былъ философъ, поэтъ и гражданинъ вмѣстѣ; своимъ богатымъ воображеніемъ не менѣе чѣмъ и своимъ рѣдкимъ знаніемъ, онъ воздѣйствовалъ на Еллинскую образованность настолько, насколько онъ воплотилъ въ своемъ лицѣ ея отличительныя черты и особенности. Въ сочиненіяхъ Платона грекъ открывалъ самого себя, показывая тѣ незначительнѣйшія вліянія, которыя нашли свое полное осуществленіе въ его культурѣ; въ сочиненіяхъ Аристо-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1900 г., № 5.

теля греческій мыслитель передаетъ все, что эта жизнь сказала о человѣкѣ, объ обществѣ и о физическомъ мірѣ. Такъ они оба другъ друга дополняютъ, въ то же время будучи оба философами. Они совершаютъ свое дѣло подъ условіями, которыя не были совершенно различны. Платонъ и Аристотель измѣрили высоту и глубину всей еллинской цивилизаціи; изъ ихъ же устъ были произнесены ей вмѣстѣ судъ и оправданіе.

Когда мы говоримъ о Сократѣ, предъ нашимъ умственнымъ взоромъ возстаетъ образъ достойнѣйшаго человѣка. Когда же вспоминаемъ Платона или Аристотеля, то въ вызванномъ образѣ преобладающее мѣсто занимаетъ авторъ, или мыслитель; человѣкъ здѣсь какъ бы скрывается или отступаетъ въ тѣнь писаній. По отношенію къ Сократу интересъ заключается въ томъ, что онъ сдѣлалъ, а по отношенію къ Платону и Аристотелю—въ томъ, о чемъ они писали, о чемъ думали, что систематизировали. Этотъ внутренній инстинктъ угадываетъ истину. Сократъ занимаетъ свое мѣсто въ міровой исторіи, благодаря своей жизни и практическому ученію; его главные ученики—своимъ разумнымъ представленіемъ этой же самой жизни. Отсюда ихъ важное значеніе, какъ грековъ, но значеніе Сократа еще болѣе важно, какъ человѣка. Платонъ и Аристотель нашли сознательное выраженіе для тѣхъ идеаловъ, которые такъ долго управляли поведеніемъ людей, не сознававшихъ ихъ внутренней важности. Тысячи и тысячи грековъ прошли и исчезли, работая для тѣхъ идеаловъ, которые изображены въ Республикѣ, или Этикѣ. Воины и государственные мужи, моряки и артисты, работники, женщины и маленькія дѣти отдавали все свое—свою жизнь—городу—государству. Хотя они не знали того, что они дѣлали, однако ихъ общая жертва дала пышный цвѣтъ въ неподобныхъ произведеніяхъ скульпторовъ, драматистовъ, правителей, ораторовъ и историковъ, которые дѣйствовали болѣе сознательно и потому ихъ жертва была болѣе совершенна. Но и они также, подобно своимъ безыменнымъ и забытымъ братьямъ, познали разочарованіе, пораженіе и смерть. Всѣ то, на что они надѣялись, не совершилось, однако ихъ стремленіе перешло въ потомство и здѣсь изъ пророческаго стремленія оно обратилось въ дѣйстви-

тельный фактъ и явилось питомникомъ еще болѣе значительнаго будущаго. Каковы же эти были таинственныя, страстныя стремленія? Сверхъ того, какъ могли сохраниться ихъ слѣдствія; какъ удержалось отъ разрушенія времени ихъ замѣчательное совершенство? Платонъ и Аристотель даютъ намъ отвѣты на эти вопросы. Первый, силою своего генія, схватилъ дѣйствительную жизнь своей страны и сохранилъ ее живой для нашего наученія, давъ возможность намъ видѣть, что въ самомъ ея существѣ лежитъ ея полное оправданіе. Послѣдній, побуждаемый отчасти любопытствомъ, а отчасти быстрой пере мѣной обстоятельствъ, раскрывалъ ея постоянные уроки, изслѣдуя тотъ или другой видъ ея разнообразныхъ проявленій болѣе, чѣмъ всю жизнь, взятую саму въ себѣ. Платонъ воплотилъ навсегда ступени еллинской цивилизаціи и собралъ ея несвоевременный урокъ въ одну большую книгу. Аристотель, направляя свое зрѣніе больше на предметъ, чѣмъ на живой организмъ, извлекъ отсюда многочисленныя слѣдствія то въ томъ, то въ другомъ отношеніи и объяснилъ законы, которые иллюстрировали факты. Короче говоря, вся сила и вся слабость еллинской образованности (культуры) были приведены къ ясному сознанію соединенными усиліями этихъ двухъ мыслителей; и въ ихъ трудахъ собранныя характеристики остаются для наученія и предостереженія человѣчеству.

Еллинскій духъ воплотилъ себя всего въ этихъ двухъ замѣчательныхъ мыслителяхъ и примѣнилъ свои собранныя средства къ разрѣшенію основныхъ проблемъ міровой жизни и человѣческаго существа. Мысль Сократа, „что неизслѣдованная жизнь недостойна жизни“ явилась болѣе расширенной и углубленной. Ибо жизнь общества, критически изслѣдованная со всѣхъ сторонъ, была замѣнена интересами единичной личности; личность должна раскрывать себя при свѣтѣ, исходящемъ отъ общества. Платонъ пытался изучить связь между вещью и мыслителемъ; показать, какъ разнообразные элементы, данные въ опытѣ: мысль, ощущеніе, страсть и т. п. измѣняются; наконецъ, пытался опредѣлить нравственную природу человѣка, какъ она открывается въ его необходимомъ отношеніи къ политической организаціи. Говоря вообще, ему не удалось отдѣ-

лить моральной и политической стороны, именно потому только, что органическая идея государства была сильна еще и нѣкоторымъ образомъ была даже оживотворена имъ. Республика, его главное сочиненіе, по вопросу объ организаціи общества касается всего—метафизики, психологіи, соціологіи, философіи религіи, воспитанія, искусства. Здѣсь дѣйствительно собрано все, чѣмъ онъ интересовался. Напротивъ, Аристотель раздѣлялъ всѣ эти вопросы, нѣкоторые систематизировалъ, изобрѣталъ точный научный языкъ для ихъ точнаго обсужденія, пытался открыть и примѣнить принципы къ каждой ограниченной области. Однако онъ и его учитель равно стремились къ полному освобожденію греческаго духа—начавшемуся еще у Сократа—отъ долгаго удовлетворенія полуистинами. Фактъ, что есть два міра—духовный и матеріальный, идеальный и физическій, политическій и моральный, міръ—разума и міръ страсти—теперь вполнѣ сознанъ и величіе открытыхъ проблемъ не допускаетъ ни легкаго, ни быстраго рѣшенія. Итакъ, насколько касается нашей настоящей работы, заслуга Платона и Аристотеля состояла въ томъ, что они полно и съ безошибочной точностью опредѣлили глубочайшіе вопросы, которые изъ вѣка въ вѣкъ стояли предъ лицомъ человѣчества; они указали на различіе, доходящее до полной противоположности, между міромъ и дѣйствиемъ. Есть два міра. Совершенно чужды ли они другъ другу? Или мы сможемъ найти Бога—этотъ принципъ единства, который проявляясь одинаково во всѣхъ, обуславливаетъ ихъ послѣднюю и неизмѣнную гармонію?

Человѣческая ограниченность не даетъ возможности рѣшить такого важнаго вопроса. Мы должны умалчивать и о способахъ рѣшенія и оставаться довольными, сосредоточивши вниманіе на результатахъ. Два важныхъ слѣдствія должно держать ясно въ умѣ. Оба мыслителя стремились придти къ тому, чтобы установить правильное воззрѣніе на жизнь и міръ. Но ихъ стремленіе смотрѣть на жизнь и міръ, какъ цѣлое съ нравственной или метафизической точки зрѣнія, оставалось далеко не законченнымъ. Они, какъ это часто бываетъ, ища, не находили Бога, потому что для Платона единство общественное поглощало всѣ индивидуальныя особенности; у Аристотеля же, ум-

ственная (интеллектуальная) жизнь, такъ смутно свойственная міру дѣйствительности, составляла высочайшій идеаль. Однимъ словомъ, антагонизмъ скорѣе былъ замолчанъ, чѣмъ побѣжденъ, и Богъ не былъ близокъ ни одному изъ нихъ. Въ самомъ объясненіи новыхъ проблемъ лежало нѣчто скрытое, предназначенное къ раскрытію въ болѣе отдаленное время. Греческій самокритицизмъ закончился перестройкою воздвигнутаго зданія, которая всегда поучительна и вмѣстѣ глубоко несовершенна, именно потому, что критицизмъ былъ греческій и только греческій. Для нашей настоящей цѣли будетъ достаточно рассмотреть эти двѣ противоположныя стороны.

Разсматривая въ отношеніи къ приготовленію къ христіанству, интересъ греческой цивилизаціи, въ самой ли Греціи, или на широкихъ аренахъ Македонской и Римской имперіи, естественно сосредоточиться на поставленномъ пробужденіи сознанія достоинства человѣческой личности и на вытекающихъ отсюда заключеніяхъ. Исторія этого пробужденія начинается съ Сократа, какъ мы видѣли. Непосредственно послѣ его смерти, явились Сократовскія школы, такъ называемыя Младшіе Сократики, которые спеціально занимались человѣческимъ индивидуумомъ. По воззрѣніямъ Киринейцевъ, человѣкъ живетъ для удовольствія; по воззрѣніямъ Мегарцевъ—для интеллектуальнаго познанія; по воззрѣніямъ Циниковъ—для свободы отъ общественныхъ договоровъ. Но, какъ было показано, событія Греческой исторіи усилили интересъ къ социальнымъ проблемомъ у Платона и Аристотеля и побудили ихъ уменьшить значеніе индивидуума,—въ отношеніи къ обществу, членомъ котораго онъ являлся. Затѣмъ можно сказать, что эти философы произвели остановку въ слишкомъ быстромъ и широкомъ движеніи мысли. Они стремились дать вѣчный урокъ, во-первыхъ, потому что они подводили итогъ всему выработанному греческимъ гениемъ; а во-вторыхъ, потому, что они усвоили точку зрѣнія, предполагавшуюся особенно новой. Признаніе закона, что человѣкъ есть опора своихъ братьевъ, съ послѣдующимъ провозглашеніемъ „этической культуры“, нынѣ считается многими за открытіе духа девятнадцатаго столѣтія. Часто мы находимъ, что Платонъ и Аристотель говорятъ въ очень близкомъ для насъ духѣ. Въ нѣ-

которыхъ отношеніяхъ ихъ взгляды являются непохожими на наши. Въ то же самое время они доставляютъ намъ единственный случай для оцѣнки вмѣстѣ силы и слабости общественной идеи, какъ она тогда понималась, затѣмъ, они даютъ намъ характеристики, которыя глубоко вліяли на древній міръ въ его медленномъ пробужденіи сознанія тѣхъ нуждъ, которыя только одно христіанство могло удовлетворить.

Особое своеобразіе, вѣчная прелесть и значеніе трудовъ Платона и Аристотеля вытекаютъ изъ ихъ стремленія представить единство матеріальнаго міра и солидарность греческаго человѣчества. Они стремились достигнуть принциповъ, годныхъ для объясненія различій и противорѣчій, на которыя такъ богаты природа и общество. Другими словами, они имѣютъ постоянное значеніе, потому что они первые стали на истинно философскую точку зрѣнія, на ту точку зрѣнія, которая равно въ естествознаніи, въ соціологіи и въ философскомъ (спекулятивномъ) мышленіи, составляетъ отличительную особенность новѣйшей мысли. Вѣчное значеніе и важность такого взгляда на глубокіе вопросы жизни лежитъ именно въ положительномъ конструктивномъ характерѣ.

Миссія великаго человѣка обыкновенно опредѣляется двояко. Онъ подводитъ къ итогу (суммируетъ) существенные элементы, какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ той цивилизаціи, къ которой онъ принадлежитъ; и изъ этой новой высоты, такъ достигнутой, онъ начерчиваетъ направленіе для будущаго. Его общая цѣль сохранить то, что есть лучшаго и указать, что должно быть уничтожено для того, чтобы ослабить, или предотвратить грядущія бѣдствія. Платонъ и Аристотель выполнили эти требованія вполнѣ совершенно для своего времени и для своего поколѣнія. У одного преобладаетъ глубокое сознаніе необходимости общественнаго переустройства; у другого начинаетъ открываться сознаніе необходимости удаленія неблагоприятныхъ современныхъ условій. Устройство новаго государства, въ которомъ всѣ несовершенства, существовавшія въ Аѳинской демократіи, были бы удалены, гдѣ порочныя крайности, развитыя греческимъ гражданствомъ были бы уничтожены, составляетъ центральный пунктъ интереса. Самое серьезное вниманіе обра-

щено на воспитаніе человѣка—воспитаніе есть дѣло государственное, оно предполагаетъ договоръ съ другими. Формально этотъ взглядъ оказалъ громаднѣйшую услугу. Но его успѣхъ зависитъ отъ того общества, которому поручено воспитаніе и отъ той цѣли, къ какой оно направляется. Человѣкъ не есть достойный экземпляръ человечества до тѣхъ поръ, пока не будетъ такъ воспитанъ, чтобы онъ смогъ занять мѣсто въ общественномъ организмѣ;—до тѣхъ поръ пока, благодаря своему воспитанію, онъ не достигнетъ яснаго идеала, которому его жизнь можетъ быть достойно посвящена. Какого же идеала? Жизнь государства основывается на четырехъ главныхъ добродѣтеляхъ—воздержаніи, мужествѣ, мудрости и справедливости. Основанія, почему эти добродѣтели необходимы, у философовъ старательно обработаны. Общество покоится на справедливости, но не въ нашемъ смыслѣ этого слова. Справедливость является скорѣе принципомъ, чѣмъ добродѣтелью. Она проникаетъ политическое тѣло, когда всякій гражданинъ занимаетъ то положеніе, которому соотвѣтствуютъ его способности и безъ жалобъ остается на всегда въ той сферѣ, въ какую онъ поставленъ.

Далѣе, государство единственный судья вмѣстѣ этой способности и того положенія, которое оно назначаетъ. Опасности, угрожавшія самому существованію греческаго государственнаго строя (*politeia*)—неосторожность народа, его вниманіе къ краснорѣчію совершенно несостоятельныхъ шарлатановъ, его готовность принимать и приносить недостойную лесть—все это располагало къ размышленію. И у Платона было сильное желаніе спасти сперва государство, потому что только при его сохранности возможно было совершить возрожденіе личности. По его взгляду, всякій гражданинъ владѣетъ правомъ на занятіе того положенія, для котораго опредѣлила его природа; и государство, ради своего собственнаго постояннаго существованія, должно быть такъ устроено, чтобы всякій могъ занять соотвѣтствующее ему мѣсто. Одинъ живетъ, движется и имѣетъ свое существо во многомъ. Платонъ призываетъ разъ навсегда, что общество есть организованная система и онъ видитъ также, что подобно всѣмъ системамъ, оно должно быть рассматриваемо, какъ ограниченное цѣлое, дѣй-

ствующее для специальныхъ цѣлей. Его сила зависитъ отъ этого понятія; его слабое мѣсто лежитъ въ тѣхъ ограниченіяхъ, которыя, по его мнѣнію, были необходимы. Родъ государства составляетъ его идеаль; у Аристотеля, съ другой стороны, родъ жизни достигается лучшими формами моральной теоріи. Оба согласны въ томъ, что Богъ—гармоничное единство жизни и вещей, можетъ быть открытъ. Одинъ обращаетъ свою мысль на идеальное общество, гдѣ философы будутъ царями; другой—на идеальную жизнь созерцанія, которую извѣстный характеръ цивилизаціи сдѣлаетъ возможной. На этомъ основаніи, представляя вмѣстѣ конечный пунктъ философіи, они, однако, являются представителями ея перехода. Они представляютъ конечный пунктъ въ своемъ отвлеченномъ (абстрактномъ) мышленіи, которое всегда господствуетъ надъ практическими цѣлями и благодаря чему ихъ истолкованіе практики не могло усовершеншаться. Соціальный характеръ ихъ спекуляцій съ формальной стороны всегда долженъ имѣть руководящее значеніе для человѣчества. Даже христіанство выражаетъ свое моральное ученіе въ формахъ, употребляемыхъ ими. Объ этой соціальной сторонѣ мы уже говорили; остается сказать еще нѣсколько словъ о формальномъ совершенствѣ.

„Всякій видъ добродѣтели происходитъ изъ стремленія личности удовлетворить себя нѣкимъ добромъ, понимаемымъ, какъ истинное или постоянное, и то, что личность считаетъ за добро, едино у ней съ обществомъ“. Важное значеніе Платоновскаго и Аристотелевскаго ученія должно быть приписано постоянному напоминанію этой истины. Аристотель утверждаетъ это въ словахъ, „добродѣтель есть сила, дѣйствующая благотворно“. Всякій человѣкъ обладаетъ этой силой не для самого себя, но скорѣе для общества и въ обществѣ, къ которому онъ принадлежитъ. Общественная среда представляетъ ему условія, потребныя для его развитія. Разсматриваемыя съ этой стороны наставленія, заповѣданія великими греками, вѣчны. Добродѣтель не можетъ быть понята, еще менѣе практически осуществлена при другихъ условіяхъ. Тотъ фактъ, что нравственность представлялась невозможной внѣ общества, долженъ навсегда остаться основной истиной. Это вѣчное приоб-

рѣшеніе Аѳинскихъ мыслителей, которые первые поняли, что хорошо-упорядоченное общество есть вмѣстѣ начало и конецъ совершенства членовъ его въ нравственномъ отношеніи. Насколько совершенна формальная сторона ученія о нравственности у нихъ показываетъ слѣдующее изреченіе Аристотеля. „Одна добродѣтель практической мудрости заключаетъ въ себѣ присутствіе всѣхъ моральныхъ добродѣтелей“; или у Платона: „въ дѣйствительности, говоритъ онъ, я думаю есть одинъ видъ добродѣтели и безконечные роды порока“. Ученіе Платона остается до извѣстной степени справедливымъ для всѣхъ временъ, потому что онъ признавалъ творческій источникъ добродѣтели—интересъ въ общественномъ благѣ. Аристотель также долженъ быть внесенъ въ число постоянныхъ благодѣтелей человѣчества, потому что онъ видѣлъ дѣйствительную цѣль, къ которой стремится всякая нравственность—это интересъ въ добрѣ самомъ по себѣ. Не развито было у нихъ понятіе общества, несовершена идея моральной цѣли, но указана форма общаго ученія, которую всякое моральное воззрѣніе должно принять. Улучшеніе жизни чрезъ общеніе между людьми, ищущими добра ради него самого, предполагаетъ существованіе индивидуумовъ и общества. Ибо жизнь, такъ обогащаемая, не есть только наша, моя, но и жизнь сосѣдей, среди которыхъ мы живемъ. Платонъ и Аристотель должны быть зачислены въ число бессмертныхъ вождей человѣчества, потому что они проповѣдывали стремленіе къ добру ради самаго добра и потому что они знали, что такое стремленіе невозможно внѣ социальныхъ условій, внѣ сознанія долга по отношенію къ обществу, дающему всѣ условія для нравственной дѣятельности.

Однако хотя форма греческаго ученія была закончена, матеріаль его былъ времененъ. Какъ и всегда бываетъ, общество, изъ котораго Платонъ и Аристотель брали свой матеріаль, отличалось недостатками при всемъ своемъ превосходствѣ: Это имѣетъ для нашего вопроса громадное значеніе, потому что постепенное сознаніе этихъ недостатковъ людьми древняго міра вызвало то чувство безпомощности, которое такъ сильно способствовало распространенію христіанства. Всѣ эти недостатки вкратцѣ могутъ быть представлены въ такомъ видѣ.

1. Прежде всего, греческое сознание отличалось неустойчивостью, эластичностью, что являлось какъ бы страннымъ противорѣчіемъ по отношенію къ формальному совершенству, достигнутому типическими мыслителями. Здоровое пользованіе жизнью, особенно уклоненіе отъ всякихъ болѣзненныхъ крайностей—вотъ отличительная черта еллинскаго генія. Матеріалы, доставляемые человѣческой природой и обществомъ, соединялись въ гармоничное цѣлое художникомъ --моралистомъ. Естественно, конечно, позволялось много такихъ вещей, которыхъ мы бы избѣгали, или сочли бы неподходящими: такъ напримѣръ, допускалась снисходительность по отношенію къ чувственнымъ удовольствіямъ. Это было неизбѣжно въ государствѣ, гдѣ женщины не имѣли правъ и стояли на одномъ уровнѣ съ дѣтьми, или рабами или животными. Также естественно, что нѣкоторый энтузіазмъ, который такъ много сдѣлалъ великаго въ христіанствѣ, или совершенно запрещался, или не находилъ признанія. Многое, что мы соединяемъ съ существомъ религіи или не существовало тогда, или казалось крайностью, несовмѣстимой съ областью моральнаго превосходства. Нравственно—добрая дѣятельность на основаніи предположеній разума ограничивала всю сферу нравственныхъ дѣйствій.

2. Какъ слѣдствіе этого, греческій моральный міръ былъ узко ограниченъ. Такія добродѣтели какъ воздержаніе и самоотреченіе, которыя проникаютъ всю жизнь истинно добродѣтельнаго человѣка, по тогдашнимъ возрѣніямъ имѣли мѣсто только по отношенію къ желаніямъ, связаннымъ съ чувственными склонностями, или зависящими отъ случайныхъ обстоятельствъ. Образцомъ этого служитъ идея Сократа, что блудъ лучше прелюбодѣянія, потому что онъ менѣе возмутителенъ по своимъ слѣдствіямъ. Грекъ просто боялся нехудожественной крайности, если бы нѣкоторыя потребности—напримѣръ: голодъ, жажда или половая потребность—слишкомъ свободно удовлетворялись. Гдѣ христіанинъ смотритъ на снисходительность, какъ на дурную саму въ себѣ, тамъ грекъ видѣлъ ее только неудобной для гражданина при исполненіи нѣкоторыхъ обязанностей. Если невоздержаніе нарушаетъ права другихъ, то оно должно быть порицаемо; но гдѣ, напримѣръ

въ отношеніи женщинъ и рабовъ, другіе не имѣютъ ни какихъ правъ, сфера, въ которомъ можетъ быть позволительна художественная свобода, неизбѣжно становится широкой и гибельной. Снисхожденіе не есть само по себѣ зло, но оно является тогда зломъ, когда возстаетъ противъ сохраненія той мѣры, или равновѣсія, отъ котораго зависитъ нормальная жизнь. Иначе говоря, оно можетъ быть безвреднымъ и потому весьма позволительнымъ.

3. Третій недостатокъ Платоновскихъ и Аристотельскихъ воззрѣній—это ихъ одностороннее стремленіе къ знанію или интеллектуализму. Добродѣтель покоится на знаніи, такъ что она всегда остается благомъ, доступнымъ только для немногихъ. Человѣкъ долженъ знать, какъ моральное усовершенствованіе обуславливается чувственными и общественными ограниченіями и матеріальными обстоятельствами, зависящими отъ строевія міра. Извѣстное созерцаніе, предполагающее способность къ критическому обсужденію состоитъ въ рефлексіи, оно необходимо для нравственнаго усовершенія человѣка. Въ силу этого добродѣтель является дѣломъ аристократическимъ: только немногіе могутъ обладать ею. При такихъ обстоятельствахъ знаніе, интеллектуальная перцепція, на которыхъ покоится мораль, можетъ привести вмѣстѣ съ собой убѣжденіе, что такъ какъ немногіе могутъ быть умными, то добродѣтель не можетъ процвѣтать здѣсь на землѣ. Идеаль человѣка, по Аристотелю, остается идеаломъ; образецъ идеальнаго государства Платона находится на небѣ. Итакъ та безнадежность, которая проявилась позже съ такими значительными слѣдствіями, можетъ быть отмѣчена уже у Платона, самаго большаго идеалиста изъ греческихъ мыслителей. „Зло никогда не можетъ погибнуть; ибо всегда должно оставаться нѣчто, что бы противоположно было добру. По необходимости зло носится вокругъ этой мертвой сферы и земной природы, не имѣя мѣста среди боговъ на небѣ. Отсюда и мы должны летѣть туда, а летѣть туда это значитъ дѣлаться подобными Богу, насколько это возможно; а дѣлаться подобными Ему, это значитъ дѣлаться святыми и справедливыми и мудрыми“. Это сознаніе безнадежности постепенно возникло изъ той системы, которая признавала, что большинство народа не-

способно къ моральному образованію. Этическое образованіе, основывающееся на разумѣ, должно ограничиваться привилегированнымъ классомъ; а этотъ классъ, будучи каплей въ ведрѣ, не въ состояніи оказать нравственнаго морализующаго вліянія на ту жизнь, среди которой ему приходится жить.

4. Далѣе, греческая теорія въ большей части соціалистична, односторонне примѣненная только къ общественному благу. Она представляетъ мало мѣста личной инициативѣ. Моральныя слѣдствія этого значительны. Если въ государствѣ всякій человѣкъ опредѣляется законодательнымъ образомъ къ тому, или другому мѣсту, то несомнѣнно, нѣкоторыя изъ сторонъ его духа будутъ въ пренебреженіи. Это естественно становится результатомъ того общества, въ которомъ уничтожена собственность; изъ котораго удалены дорогія семейныя отношенія; въ которомъ нѣтъ поля дѣятельности, гдѣ бы каждый могъ свободно распоряжаться собой на служеніе другимъ. Платонъ впалъ въ весьма старое и все еще общее заблужденіе, пытаясь создать духовное изъ недуховнаго. Желая заставить людей жить лучшей жизнью, онъ совершенно лишилъ ихъ тѣхъ основаній, ради которыхъ они желали бы жить вообще. Дѣйствительно, общественный соціалистическій элементъ въ греческой морали такъ силенъ, что часто приводитъ къ ложнымъ парадоксальнымъ заключеніямъ. Нравственность должна была явиться слѣдствіемъ организованной системы безнравственности. Планъ насильнаго возвышенія людей надъ личными интересами путемъ отнятія у нихъ всякихъ интересовъ вообще—эта отличительная особенность всякаго соціалистическаго распорядка, оказался несостоятельнымъ, именно потому, что человѣкъ ставится ниже уровня индивидуальности—при какомъ условіи немислима нравственная жизнь.

5. Наконецъ, греческая мораль опирается на принципъ себялюбія. Ибо въ ней всегда отождествляется этическая точка зрѣнія съ эстетической. „Добродѣтель, учитъ Платонъ, есть видъ здоровья и красоты и добраго состоянія духа, а порокъ есть болѣзнь и безобразіе и слабость его“. Еще болѣе ясно говоритъ Аристотель. Добрый человѣкъ „будетъ пылокъ въ умѣренности и правъ духомъ для всѣхъ тѣхъ вещей, которыя

пріятны и въ то же время полезны для здоровья, или же для здороваго тѣлеснаго состоянія и для всѣхъ другихъ удовольствій, насколько они не предосудительны, или насколько они не противорѣчатъ благородному поведенію и не превосходятъ его средствъ. Ибо если человѣкъ не ограничиваетъ себя на этомъ пути, то онъ пользуется удовольствіями больше, чѣмъ онъ имѣетъ права, между тѣмъ какъ умѣренный человѣкъ всегда руководствуется здравымъ разумомъ“. Далѣе, раскрывая внутренній принципъ, онъ говоритъ: „Всякая добродѣтель дается не судьбою, но есть только результатъ порядка, истины и искусства. „Я“ составляетъ здѣсь центральный интересъ: оно полно матеріала, изъ котораго можетъ быть высѣчена прекрасная статуя; познать, какъ это дѣлать—это исходный путь всякаго моральнаго движенія. „Я“, остающееся невѣжественнымъ съ этой стороны, не можетъ имѣть нравственной цѣнности; его можно ставить ни во что. Здѣсь мы имѣемъ то заблужденіе, которое Филонъ подъ вліяніемъ христіанства, такъ мѣтко охарактеризовалъ. „Человѣкъ, говоритъ онъ, не долженъ смотрѣть на міръ, какъ на приложеніе къ себѣ, но на себя, какъ на приложеніе къ міру“. Это „Я“, которое смотритъ на міръ, какъ на свою собственность, есть сила, стоящая между Богомъ и человѣкомъ и между человѣкомъ и человѣкомъ. Это я имѣетъ большое значеніе въ греческомъ ученіи *implicite*, и особенно если взять его, какъ оно воплотилось въ моральныхъ наставленіяхъ Аристотеля.

Обобщаемъ все сказанное. Самая сила эллинской культуры была вмѣстѣ съ тѣмъ первымъ источникомъ ея недостатковъ. Цивилизація, взятая въ совокупности, такъ сложна, что очень трудно разложить ее на составные элементы или описать ее. Ея значеніе лежитъ не столько здѣсь, или тамъ, но скорѣе въ тѣхъ цѣляхъ, которыя она поставила въ тѣ, или другіе періоды. Разсматриваемая съ этой стороны, греческая культура, если не есть самая значительная фаза въ ходѣ цивилизаціи, то среди всѣхъ условій является однимъ изъ значительнѣйшихъ. Это составляетъ ея постоянную силу. Совершенство греческаго общества лежитъ въ томъ обстоятельстве, что оно создало такое цивилизованное государство, какого никогда не было прежде.

Какъ высшая прогрессивная ступень въ развитіи человѣчества, эта культура характеризуется близостью къ идеалу и добру, скорѣе, чѣмъ влеченіемъ къ худому и несовершенному (регрессивному). Это свойство открывается главнымъ образомъ у свободорожденныхъ гражданъ. Культура одного класса въ государствѣ достигла значительной степени совершенства. Однако она была доступна только для немногихъ. Организмъ истощается, когда растетъ одинъ членъ. Затѣмъ наступаетъ неизбежная реакція и общая слабость охватываетъ все. Граждане, сильные въ началѣ и преданные осуществленію своихъ идеаловъ, въ концѣ сдѣлались изнѣженными, легкомысленными, безнравственными и неспособными къ труду. Наконецъ, они были поработаны чужеземной силой и тогда то, что они имѣли, было отнято у нихъ. Но ихъ трудъ не былъ напрасенъ. Ибо ихъ давнія традиціи остались заключенными въ возвышенныхъ сочиненіяхъ, которыя воплотили типъ наилучшаго человѣка, развитъ который было миссіей ихъ общества. Паденіе еллинскаго государства было слѣдствіемъ присущей ему слабости; но эта слабость зависѣла отъ его сравнительнаго превосходства. Совершенство греческой цивилизаціи было несомнѣннымъ, но оно было для немногихъ. Это было дѣло рабовъ, которые доставляли гражданамъ безпримѣрныя условія для самоусовершенія. Граждане эти осуществляли идеалъ своей жизни, но это было возвышеніе, только ихъ, а не возвышеніе всѣхъ людей. Они достигли уровня, который не имѣетъ себѣ подобнаго; но путь его не совсѣмъ хорошъ, а потому и установленія, рожденные отъ него уступали мѣсто другимъ.

Однако въ одномъ отношеніи греческое міросозерцаніе до извѣстной степени закончено. Каждое общество всегда соединяло добро и добрую жизнь съ пріобрѣтеніемъ мірскихъ наградъ. И во времена Платона и Аристотеля господствовало не болѣе возвышенное возрѣніе. Но эти философы говорятъ намъ другое, добродѣтельная жизнь не та, въ которой добродѣтель ведетъ къ личному довольству, но она скорѣе процессъ развитія характера, въ которомъ добродѣтели являются цѣлью сами по себѣ. „Разъ навсегда они сознали и выразили понятіе о свободной и чистой нравственности, покоящейся на томъ, что мы осмѣ-

лимся назвать безкорыстнымъ интересомъ добра“. Моральная теорія Платона и Аристотеля закончена въ томъ отношеніи, что нравственная жизнь у нихъ является не поприщемъ удовольствій, поговей за внѣшними предметами, но напротивъ, упражненіемъ въ добродѣтеляхъ, которыя являются ея истинной цѣлью. Но въ то время, какъ ихъ понятіе нравственной жизни такъ совершенно, ихъ представленіе добраго человѣка не таково. Имъ не удалось исполнить даже того идеала, который они создали. Та нравственность, которую они имѣли въ виду, была относительна во время ихъ жизни. Ихъ добродѣтельный человѣкъ былъ совершенный грекъ. Отличительная черта его— мужество. Умереть за варвара или раба, въ ихъ глазахъ, было нарушеніемъ права собственности. Умереть за свое отечество— самая большая ихъ слава. Итакъ греческое понятіе высочайшей жизни, можно сказать, далеко не соотвѣтствовало теоретическому совершенству. Общество являлось организмомъ, существовавшимъ для блага греческихъ гражданъ; всѣ другіе были лишены его привилегій, или владѣли ими въ малой степени. Поэтому цивилизація исчезла, потому что общая (универсальная) идея, заключенная въ ней, необходимо должна была разорвать тѣ формы, въ которыхъ она находилась. Нуженъ былъ всемірный космополитическій духъ, а не національный, необходимо было религіозное воодушевленіе, а не интеллектуальная любознательность, прежде чѣмъ человѣчество могло дѣйствительно стать въ рядъ съ вѣчными идеями, впровозглашенными Аѳинскими мудрецами.

К. Г. Вобльи.

(Продолженіе будетъ).

ФИЛОСОФІЯ МОНИЗМА.

(Критическій разборъ сочиненія Геккеля „Die Welträthsel.
Bonn. 1899).

(Продолженіе *).

II.

Антропологическая часть: человекъ.

Въ своемъ сужденіи о человекѣ *Геккель* остается самымъ преданнѣйшимъ послѣдователемъ *Дарвина*. По его мнѣнію, человекъ ничѣмъ существенно не отличается отъ всѣхъ вообще позвоночныхъ животныхъ; но въ особенности онъ имѣетъ много существенно сходнаго и близко-родственнаго съ обезьяною; слѣдовательно, онъ и произошелъ отъ обезьяны путемъ естественнаго и постепеннаго развитія видовъ.

Какъ послѣдователь *Дарвина*, *Геккель* естественно является самымъ непримиримымъ противникомъ того взгляда, который онъ называетъ *антропизмомъ*, разумѣя подъ этимъ словомъ „широко распространенную смѣсь ошибочныхъ представлений, поставляющихъ человѣческой организмъ въ противоположность ко всей остальной природѣ и признающихъ его преднамѣренною конечною цѣлю органическаго творенія и принципиально отличимымъ отъ послѣдняго, богоподобнымъ существомъ“. „При болѣе точной критикѣ этого общераспространеннаго взгляда, говоритъ *Геккель*, оказывается, что онъ состоитъ собственно изъ трехъ различныхъ догмъ, которыя мы называемъ *антропоцентрическими*, *антропоморфическими* и *антрополятри-*

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1900 г., № 4.

ческими. 1) *Антропоцентрическая догма* завершается представлениемъ, что человекъ есть преднамѣренный центральный пунктъ и конечная цѣль всей земной жизни—или—въ обширномъ смыслѣ—цѣль всего міра. Такъ какъ эта погрѣшность крайне любезна для человѣческаго самолюбія, и такъ какъ она тѣсно срослась съ мифами о твореніи трехъ великихъ *средиземныхъ религій*, съ догматами *моисееваго, христіанскаго и магометанскаго* ученія, то она еще и нынѣ господствуетъ въ большей части культурнаго міра. 2) *Антропоморфическая догма* такъ же присоединяется къ мифамъ о твореніи трехъ названныхъ, какъ и многихъ другихъ религій. Міротвореніе и міроуправленіе Бога уподобляются искусственнымъ произведеніямъ умнаго техника или инженера и государственному правленію мудраго государя. Богъ Господь, какъ Творецъ, Промыслитель и Правитель міра, въ Своемъ мышленіи и поведеніи при этомъ представляется совершенно человѣкоподобно. Отсюда затѣмъ снова слѣдуетъ и обратное, что человекъ богоподобенъ. „Богъ сотворилъ человека по Своему образу“. Древняя наивная мифологія есть чистый *гомотеизмъ*, и сообщаетъ своимъ богамъ человѣческой образъ, плоть и кровь. Менѣе наглядною представляется новѣйшая мистическая теософія, почитающая личнаго Бога какъ „невидимое“—собственно газообразное! (?!)—существо и заставляющая Его въ то же время мыслить, говорить и поступать по—человѣчески; чрезъ это она достигаетъ до парадоксальнаго понятія—„газообразнаго позвоночнаго животнаго“ (!!)—3) *Антрополятрическая догма* сама собою вытекаетъ изъ этого сравненія человѣческой и божественной душевной дѣятельности, она ведетъ къ божественному *почитанію* человѣческаго организма, къ „антропистической маніи величія“. Отсюда слѣдуетъ опять высоко цѣнимая „вѣра въ личное бессмертіе души“, равно какъ и дуалистическая догма о двойственной природѣ человека, бессмертная душа котораго только временно обитаетъ въ смертномъ тѣлѣ. Такъ какъ эти три антропистическія догмы,—говоритъ *Геккель*,—развивались различно и соотвѣтствовали измѣнчивой формѣ вѣры различныхъ религій, то съ теченіемъ времени онѣ достигли чрезвычайнаго значенія и стали источникомъ опаснѣйшихъ заблужденій. *Антропи-*

стическое міровоззрѣніе, которое изъ него произошло, находится въ непримиримомъ противорѣчіи съ нашимъ монистическимъ познаниемъ природы“.

Изложивъ въ каррикатурномъ видѣ это *антропистическое* міровоззрѣніе, приписавъ ему понятіе о Богѣ, какъ о „газообразномъ позвоночномъ животномъ“, понимая слово духъ, какъ кажется, въ смыслѣ физическаго дыханія или вѣтра, *Геккель* однако же не привелъ никакого основанія въ опроверженіе этого міровоззрѣнія, которое находится въ непримиримомъ противорѣчіи съ его собственнымъ міровоззрѣніемъ; онъ думаетъ, повидимому, опровергнуть его истинность „изъ противнаго“, т. е., онъ намѣренъ только противупоставить ему свое міровоззрѣніе,—и только. Антропистическое міровоззрѣніе, по словамъ *Геккеля*, лучше всего опровергается *космологическою перспективою* монизма. Конечно, приѣмъ этотъ совершенно не философскій и не научный; на простомъ языкѣ онъ можетъ быть выраженъ въ слѣдующей формѣ: „ты говоришь такъ, а я говорю иначе; слѣдовательно, не ты, а я говорю правду“. „Не только три антропистическія догмы, но и многія другія воззрѣнія дуалистической философіи и ортодоксальной религіи обнаруживаютъ свою несостоятельность, говорятъ *Геккель*, какъ только мы критически рассмотримъ ихъ съ *космологической перспективы* нашего монизма“. Космологическая же перспектива *Геккелевскаго* монизма, подъ которою разумѣется общее міровоззрѣніе нашего новѣйшаго западно-европейскаго философа, состоитъ въ слѣдующемъ. 1. Вселенная (универсъ или космосъ) вѣчна, безконечна и безпредѣльна. 2. Ея субстанція двумя своими атрибутами (матерією и энергією) наполняетъ безконечное пространство и находится въ вѣчномъ движеніи. 3. Это движеніе происходитъ безконечное время какъ общее развитіе, съ періодическимъ измѣненіемъ быванія и исчезновенія, прогресса и регресса. 4. Безчисленныя міровыя тѣла, раздѣленныя наполняющимъ пространство эфиромъ, всѣ вообще подчинены закону субстанціи; въ то время какъ въ одной части универса вращающіяся тѣла идутъ медленно на встрѣчу своему повороту назадъ и уничтоженію, въ другой части вселенной слѣдуетъ новообразование и разви-

тіе. 5. Наше солнце есть одно изъ этихъ безчисленныхъ переходящихъ міровыхъ тѣлъ, а наша земля есть одна изъ многочисленныхъ переходящихъ планетъ, которыя его окружаютъ. 6. Наша земля испытала продолжительный процессъ охлажденія, прежде чѣмъ на ней могла произойти каплями текущая вода и вмѣстѣ съ тѣмъ первое условіе органической жизни. 7. Слѣдовавшій затѣмъ біогенетическій процессъ, медленное развитіе и образованіе безчисленныхъ органическихъ формъ, происходилъ многіе милліоны лѣтъ (гораздо болѣе ста!). 8. Между различными животными существами, которыя развивались на нашей землѣ въ болѣе поздній періодъ біогенетическаго процесса, племя позвоночныхъ животныхъ быстро превзошло всѣ другія въ конкуренціи развитія. 9. Только поздно (въ третичный періодъ) изъ низшихъ рептилій и амфибій, какъ самая значительнѣйшая отрасль племени позвоночныхъ животныхъ, развился классъ млекопитающихъ. 10. Совершеннѣйшая и наивысше развитая отрасль этого класса есть рядъ господствующихъ животныхъ или приматовъ, который произошелъ только въ началѣ третичнаго періода (по меньшей мѣрѣ, три милліона лѣтъ тому назадъ) изъ низшихъ косматыхъ животныхъ (прохоріатовъ). 11. Самая юная и совершеннѣйшая вѣточка этого племени приматовъ есть человѣкъ, который только въ концѣ третичнаго періода произошелъ изъ ряда человѣко-обезьянъ.— Вотъ та „космологическая перспектива“, которую предлагаетъ *Геккель* вмѣсто не нравящагося ему антропизма!...

Каждый знакомый съ исторіею развитія философской мысли, конечно, хорошо знаетъ, что даже и эта неудачная „космологическая перспектива“ вовсе не принадлежитъ монизму *Геккеля*, и въ рукахъ *Геккеля* она ничуть не стала лучшею, чѣмъ какою мы встрѣчаемъ ее у германскихъ матеріалистовъ 60-хъ годовъ. Первая половина ея (именно гипотеза образованія небесныхъ тѣлъ), какъ извѣстно, была изложена еще *Кантомъ* и потомъ развита въ подробностяхъ *Лапласомъ*. Почему же только одинъ матеріализмъ или монизмъ *Геккеля* предъявляютъ на нее свои права? Она можетъ быть принята столько же пантеистами и даже теистами, сколько и матеріалистами. „Эти фактическія изслѣдованія, говоритъ В. Д. Кудрявцевъ, могутъ

оставаться въ цѣлости при самыхъ противоположныхъ взглядахъ на первую причину міра и только по какому-то недоразумѣнію матеріализмъ можетъ считать ихъ своею исключительною собственностію“. Теорія мірообразования, предложенная *Кантомъ*, является болѣе осмысленною и разумною, когда ею пользуются ученые, признающіе бытіе личнаго и высочайшаго Творца міра, и предлагаютъ намъ опыты объясненія исторіи мірообразования на основаніи результатовъ, достигнутыхъ естествознаніемъ—астрономіею, геологіею и палеонтологіею. „Космологическая перспектива“ *Геккеля*, собственно говоря, совершенно вичего не объясняетъ. Произошли, говоритъ *Геккель*, небесныя тѣла; произошли планеты; произошли позвоночныя животныя и т. д. Если мы видимъ ихъ существующими, то, конечно, они какъ-то произошли. Но вопросъ въ томъ: какъ же они именно произошли? Почему они произошли именно въ извѣстный моментъ, а не раньше и не позже его? Что это за таинственная субстанція, которую мы должны признать первопричиною міра? Кто надѣлилъ ее атрибутами—матеріею и энергіею? Почему она стала раскрываться въ міровой жизни именно въ опредѣленный моментъ? Какой смыслъ заключается въ томъ, что она пребываетъ въ постоянномъ движеніи то впередъ, то назадъ, то появляясь, то исчезая? Какъ могли появиться на землѣ живые организмы? и т. д., и т. д. На всѣ эти и подобныя вопросы мы не найдемъ у *Геккеля* никакого отвѣта, а потому не можемъ признать удовлетворительною и его „космологической перспективы“.

Впрочемъ, главный интересъ въ разсматриваемомъ отдѣлѣ книги *Геккеля* сосредоточивается на человѣкѣ. Въ основаніе своего изслѣдованія *Геккель*, какъ и слѣдовало ожидать, полагаетъ результаты, достигнутыя анатоміею и въ частности такъ называемою *сравнительною анатоміею*. Выводъ, къ которому онъ приходитъ здѣсь, тотъ, что между строеніемъ человѣческаго тѣла и строеніемъ тѣла позвоночныхъ и млекопитающихъ животныхъ существуетъ большое сходство. Въ особенности же онъ усматриваетъ существенное сходство въ построеніи тѣла человѣка и человѣко-обезьянъ. Подъ послѣдними *Геккель* разумѣетъ орангутанга, гиббона, гориллу и шимпансе. Человѣче-

ская и сравнительная физиологія приводятъ нашего философа къ выводу, что и въ физиологическихъ функціяхъ жизни должно быть признано много существенно сходнаго между чело-вѣкомъ и млекопитающими животными. Но особенно много сходства въ физиологическомъ отношеніи *Геккель* думаетъ видѣть между чело-вѣкомъ и обезьянами. „Какъ сильно жизненныя привычки обезьянъ, ихъ движенія, функціи чувствъ, жизнь душевная и уходъ за дѣтьми приближаются къ привычкамъ, движеніямъ, функціямъ чувствъ и душевной жизни чело-вѣка, говоритъ *Геккель*, это знаетъ каждый. Но научная физиологія указываетъ такое же значительное сходство и для другихъ менѣе извѣстныхъ явленій, особенно же она указываетъ на дѣятельность сердца, отдѣленіе железъ и половую жизнь“. „Наконецъ, чрезвычайно интересенъ тотъ фактъ, что звуковой языкъ (*Lautsprache*) обезьянъ, сравниваемый физиологически, является предварительною ступенью къ члено-раздѣльному чело-вѣческому языку. Между живущими еще нынѣ чело-вѣко-обезьянами (?) есть индійскій видъ, который даже способенъ къ музыкѣ: *Nyctalobates syndactylus* поетъ всю октаву въ совершенно чистыхъ и звучныхъ полутонахъ. Теперь,—заключаетъ *Геккель*,—для безпристрастныхъ филологовъ не можетъ болѣе подлежать никакому сомнѣнію, что нашъ высоко развитой языкъ понятій медленно и постепенно произошелъ изъ несовершеннаго языка звуковъ нашихъ пліоценовыхъ предковъ-обезьянъ“.

Отъ чело-вѣческой и сравнительной физиологіи *Геккель* переходитъ къ чело-вѣческой и сравнительной онтогеніи и старается указать существенное сходство въ образованіи зародыша и въ развитіи чело-вѣка и позвоночныхъ животныхъ. Этотъ отдѣлъ въ книгѣ *Геккеля* мы не будемъ излагать подробно, такъ какъ ознакомленіе съ нимъ не для всякаго можетъ быть пріятнымъ; подобные вопросы не только въ судебныхъ засѣданіяхъ, но и въ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ слѣдовало бы разсматривать только „при закрытыхъ дверяхъ“. Скажемъ только, что, по истолкованію *Геккеля*, и онтогенія (т. е., эмбриологія и метаморфика) также будто бы ведетъ къ заключенію, что между млекопитающими животными и чело-вѣкомъ существуетъ не только близкое сходство, но и сродство по происхожденію.

Указаніемъ на результаты сравнительной анатоміи, фізіологіи и онтогеніи *Геккель* старался подготовить себѣ почву для разрѣшенія вопроса о происхожденіи человѣка. Но прежде чѣмъ высказать свое собственное мнѣніе, онъ рѣшается пересмотрѣть нѣкоторыя другія теоріи и предположенія. Повѣствованіе Моисея онъ обзываетъ „миѣической исторіею творенія“, но не указываетъ никакого основанія для того, чтобы показать его несостоятельность. Мало этого,—онъ порицаетъ даже знаменитаго шведскаго естествоиспытателя *Карла Линнея* за то, что онъ признаетъ повѣствованіе Моисея о сотвореніи міра заслуживающимъ наибольшаго довѣрія даже при критическомъ отношеніи къ нему. Теорію *Кювье*, открывшаго рядъ окаменѣлыхъ животныхъ (т. е. окаменѣлыхъ костей нѣкоторыхъ четвероногихъ позвоночныхъ животныхъ), *Геккель* также осуждаетъ за то, что *Кювье* примкнулъ къ ученію *Линнея* и для объясненія появленія на землѣ новыхъ видовъ и породъ животнаго міра пришелъ къ заключенію, что въ исторіи земли необходимо предположить рядъ великихъ катастрофъ, которыя могли быть произведены только сверхъестественною силою.

Иначе относится *Геккель* къ теоріи *трансформизма*, виновникомъ которой признается извѣстный нѣмецкій поэтъ и мыслитель *Вольфгангъ Гёте*. Въ своемъ сочиненіи „Метаморфоза растений“ *Гёте* высказалъ мысль, что всѣ различныя формы растений произошли отъ одного перворастанія, и всѣ различныя органы ихъ—отъ одного перво-органа, листа. Затѣмъ онъ, какъ извѣстно, выработалъ особую теорію черепа, которою старался доказать, что черепа всѣхъ различныхъ позвоночныхъ животныхъ и даже человѣка одинаково составлены изъ опредѣленно устроенныхъ костевыхъ группъ и что послѣднія суть не что иное, какъ преобразованные позвонки. Вообще же изученіе сравнительной остеологіи привело *Гёте* къ заключенію о единствѣ организаціи въ томъ смыслѣ, что скелетъ человѣка составленъ по такому же самому типу, какъ и скелетъ всѣхъ остальныхъ позвоночныхъ животныхъ, сформированъ по первообразу, хотя испытываетъ большія или меньшія измѣненія даже въ своихъ постоянныхъ частяхъ и ежедневно преобразуется чрезъ свое развитіе (трансформация).

Эту основную мысль *Гёте* съ большею рѣшимостію провелъ французскій натурфилософъ *Жанъ Лямаркъ* въ своей теоріи *десценденціи* или *ученіи о происхожденіи*. Онъ высказалъ какъ новый догматъ естествознанія то предположеніе, что виды неустойчивы, что они постоянно измѣняются и преобразуются, что они суть только *искусственная абстракція*, какъ и сродныя имъ понятія рода, семейства, порядка и класса, что въ теченіе весьма продолжительнаго періода времени они произошли чрезъ преобразование изъ болѣе древнихъ видовъ,—что общія племенные формы, отъ которыхъ они произошли, первоначально были совершенно простыми и низшими организмами. Главными факторами въ развитіи и преобразованіи видовъ *Лямаркъ* признавалъ унаслѣдованіе и приспособленіе, привычку, упражненіе органовъ въ извѣстномъ направленіи и т. п. Нашъ человѣческій организмъ такимъ же точно образомъ, т. е., совершенно естественно, чрезъ преобразование, произошелъ изъ ряда обезьяновидныхъ млекопитающихъ животныхъ. Хотя теорія *Лямарка*, по своей идеѣ, ничѣмъ въ сущности не уступаетъ дарвинизму, но она вовсе не пользовалась такою популярностію, какою пользуется послѣдній. У нея были защитники,—какъ, напр., *С. Илеръ*, *Каспаръ Фридрихъ Вольфъ* и др.,—но рѣшительная побѣда осталась за *Кювье*, который выступилъ самымъ непримиримымъ противникомъ *Лямарка* и ясно обнаружилъ всѣ недостатки его теоріи. Только спустя полвѣка, *Лямаркъ* нашелъ могущественнаго защитника своихъ предположеній въ лицѣ англійскаго естествоиспытателя *Дарвина*.

Геккель—не только преданнѣйшій ученикъ, но и рѣдкій почитатель *Дарвина*. Онъ говоритъ о немъ почти съ благоговѣніемъ. „Безпримѣрный успѣхъ *Дарвина*, говоритъ онъ, извѣстенъ всѣмъ; благодаря ему, *Дарвинъ* является нынѣ, въ концѣ столѣтія, если и не величайшимъ (этотъ эпитетъ *Геккель*, кажется, оставляетъ для себя), то всетаки вліятельнѣйшимъ естествоиспытателемъ его. Ибо изъ многочисленныхъ великихъ духовныхъ героевъ нашего времени никто другой не достигъ такого сильнаго, такого серьезнаго, такого обширнаго успѣха единственнымъ классическимъ произведеніемъ, какъ *Дарвинъ*“

въ 1859 году своимъ знаменитымъ главнымъ сочиненіемъ „О происхожденіи видовъ въ царствѣ животныхъ и растений чрезъ естественный подборъ или сохраненіе усовершенствованныхъ расъ въ борьбѣ за существованіе“. Теорію *Дарвина*, которую *Геккель* называетъ теоріею *селекціи* или *дарвинизмомъ* въ собственномъ смыслѣ, онъ превозноситъ главнымъ образомъ за то, что она разрушила „мистическую теорію творенія“, т. е., повѣствованіе Библии о сотвореніи міра и человѣка, и произнесла неопровержимое (будто бы) сужденіе объ истинной сущности и происхожденіи человѣка. *Дарвину* онъ отдаетъ преимущество предъ *Лямаркомъ* 1) потому, что онъ въ своихъ изслѣдованіяхъ пользуется примѣненіемъ индукціи, а не дедукціи (какъ *Лямаркъ*); 2) потому, что отдѣльныя части теоріи десценденціи онъ, насколько возможно, старается обосновать наблюденіемъ и экспериментомъ, наконецъ, 3) потому, что въ *принципъ селекціи* онъ открылъ ту прямую причину трансформациі, которая *Лямарку* еще не была извѣстна.

Теорія *Дарвина* общеизвѣстна; но въ какое отношеніе къ ней ставить себя *Геккель*? Самъ онъ приписываетъ себѣ великую заслугу главнымъ образомъ въ области біологіи и въ частности въ области філогеніи. „Между многочисленными и важными задачами, которыя поставилъ *Дарвинъ* новѣйшей біологіи,—говоритъ *Геккель*,—одною изъ ближайшихъ является реформа зоологической и ботанической *системы*. Если безчисленные виды животныхъ и растений не „созданы“ чрезъ сверхъестественное чудо, а развились чрезъ естественное преобразованіе, то „естественная система“ ихъ оказывалась какъ бы ихъ естественнымъ *родовымъ деревомъ*. Первый опытъ образовать въ этомъ смыслѣ систему сдѣлалъ именно я въ своей „Генеральной морфологіи организмовъ“ (въ 1866 году). Насколько былъ удаченъ этотъ опытъ и какъ велика заслуга *Геккеля*, объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ откровенное признаніе его: „Такъ какъ новыя, въ „Генеральной морфологіи“ изложенныя воззрѣнія, не смотря на ихъ строго научный характеръ, у свѣдущихъ спеціалистовъ встрѣтили очень мало вниманія, а еще менѣе одобренія, то важнѣйшую часть ихъ я попытался сдѣлать доступною большому кругу обра-

зованныхъ читателей въ меньшемъ и популярномъ трудѣ. Это я сдѣлалъ въ 1868 году въ „Естественной исторіи творенія“ (общепонятныя научныя чтенія объ ученіи о развитіи вообще и объ ученіи *Дарвина*, *Гете* и *Лямарка* въ особенности). Предполагавшійся успѣхъ „Генеральной морфологіи“ оказался гораздо ниже моего справедливаго ожиданія“. Изъ этихъ словъ ясно видно, что даже, по сознанию самаго *Геккеля*, основная идея дарвинизма не нашла для себя серьезной поддержки въ дѣйствительной наукѣ; къ ней сочувственно могли относиться только дилетанты и притомъ подъ условіемъ простаго и популярнаго изложенія ея въ небольшомъ объемѣ ¹⁾).

Не менѣе важную заслугу *Геккель* приписываетъ себѣ въ разрѣшеніи вопроса о происхожденіи рода человѣческаго отъ обезьяны. „Основатель ученія о происхожденіи, *Лямаркъ*, говоритъ *Геккель*, уже въ 1809 году справедливо призналъ, что оно имѣетъ всеобщее значеніе и что, слѣдовательно, также и *человѣка*, какъ наиболѣе развитое млекопитающее животное, слѣдуетъ производить отъ того же племени, какъ и всѣхъ другихъ млекопитающихъ (*Mammalien*). Онъ также указывалъ уже на явленія, по которымъ научно можетъ быть объяснено *происхожденіе человѣка отъ обезьяны*, какъ близко-родственнаго млекопитающаго животнаго. *Дарвинъ*, естественно достигшій того же самаго убѣжденія, въ своемъ главномъ трудѣ (1859) намѣренно обошелъ молчаніемъ этотъ соблазнительный выводъ своего ученія и гениально сдѣлалъ его лишь впослед-

¹⁾ Изъ русскихъ ученыхъ профессоръ московскаго университета по кафедрѣ сравнительной анатоміи *Я. А. Борзенковъ* вполне справедливо оцѣнилъ этотъ трудъ *Геккеля* (см. Ученыя Записки Московскаго Университета, 1884 г. стр. 141 и 142). Именно Борзенковъ утверждаетъ, что „вліяніе, которое геккелизмъ оказывалъ и продолжаетъ еще оказывать на зоологическія науки“, можно выразить такъ: „вообще, уменьшеніе количества и ухудшеніе качества наблюденій и совершенная фантастичность ихъ объясненій“. Въ частности Борзенковъ утверждаетъ, что чрезъ Геккеля пострадала и классификація, и эмбриологія. „Въ дѣлѣ классификаціи, говоритъ онъ, вмѣсто изученія сходства и различія организаціи различныхъ группъ нынѣ живущихъ и ископаемыхъ животныхъ, вмѣсто изученія тѣхъ соотношеній, въ которыхъ дѣйствительно находятся различныя животныя,— наступило стремленіе строить генеалогію всего живущаго царства,—и при этомъ построеніи *полный произволъ*“. Срв. Страхова, Борьба съ Западомъ, кн. III, Спб. 1896, стр. 106.

ствіи (въ 1871 г.) въ двухтомномъ сочиненіи о „Происхожденіи человѣка и половомъ подборѣ“. Впрочемъ, уже другъ его *Гексли* (въ 1863 г.) весьма остроумно изслѣдовалъ этотъ важный выводъ изъ ученія о происхожденіи въ своемъ знаменитомъ небольшомъ сочиненіи о „Положеніи человѣка въ природѣ“. „Опираясь на сравнительную анатомію, онтогенію и факты палеонтологіи *Гексли* показалъ, что „происхожденіе человѣка отъ обезьяны“ есть необходимый выводъ дарвинизма и что вообще не можетъ быть иного научнаго объясненія происхожденія человѣческаго рода. Это убѣжденіе раздѣлялъ уже тогда и *Карлъ Гегенбауръ*, выдающійся представитель сравнительной анатоміи. Дальнѣйшимъ слѣдствіемъ этой *питекоидной теоріи* (или „ученія о происхожденіи человѣка отъ обезьяны“) оказалась трудная задача—изслѣдовать не только близко родственныхъ млекопитающихъ животныхъ—*предковъ человека* въ третичный періодъ, но также и длинный рядъ болѣе древнихъ животныхъ предковъ, которые жили въ ранніе періоды земной исторіи и развились въ теченіе неисчислимыхъ милліоновъ лѣтъ. Гипотетическое разрѣшеніе этой-то великой исторической (?) задачи я и принялъ на себя“, говоритъ *Геккель*. И вотъ тотъ длинный рядъ животныхъ, отъ которыхъ, по Геккелю, произошелъ родъ человѣческой. „За силурическими рыбами слѣдуютъ девоническія рыбы (*Lurchfische*), карбоническія амфибіи, пермскія рептиліи и мезозойскія млекопитающія,—изъ послѣднихъ опять въ третичный періодъ являются прежде всего самыя низшія формы, вилообразныя или одводырчатыя животныя (*Gabelthiere, Monotremen*), затѣмъ въ юрскомъ періодѣ двуутробки, сумчатыя или чревосумчатыя животныя (*Marsupialien, Beutelthiere*) и далѣе—въ мѣловомъ періодѣ—древнѣйшія косматыя животныя (*Placentalien*). Изъ этихъ послѣднихъ опять въ древнѣйшій третичный періодъ (*Eocaen*) прежде всего появляются самыя низшіе приматы—предки, полу-обезьяны, затѣмъ (въ міоценовый періодъ) дѣйствительныя обезьяны, и притомъ изъ *Catarrhin'овъ* прежде всего собако-обезьяны (*Sinopitheken*), позже—человѣко-обезьяны (*Anthropomorphen*); изъ вѣтви этихъ послѣднихъ уже въ пліоценовое время произошелъ безсловесный *обезьяно-человѣкъ*

(*Pithecanthropus alalus*), а изъ этого послѣдняго, наконецъ, и говорящій человѣкъ. Такъ *историческимъ* путемъ Геккель разрѣшаетъ взятую имъ на себя нелегкую задачу—прослѣдить весь длинный рядъ четвероногихъ и безногихъ предковъ человѣка. Указать еще болѣе длинный рядъ, который долженъ былъ предшествовать даже силурическимъ рыбамъ, Геккель совершенно отказывается, такъ какъ въ этомъ случаѣ ему пришлось бы говорить о безпозвоночныхъ животныхъ, не имѣющихъ скелета, а отъ нихъ не осталось до нашего времени никакихъ окаменѣлыхъ слѣдовъ. Впрочемъ, Геккель, къ удивленію, оказывается настолько безпристрастнымъ, что охотно уступаетъ своимъ противникамъ, которые и указанный имъ рядъ позвоночныхъ предковъ человѣка признаютъ болѣе фантастическимъ, чѣмъ *историческимъ*. „Для нашей монистической философіи, говоритъ онъ, совершенно безразлично, какъ въ частностяхъ долженъ быть съ несомнѣнностію установленъ послѣдовательный рядъ нашихъ животныхъ предковъ. Для нея остается *несомнѣннымъ историческимъ (!) фактомъ* то выведенное познаніе, что *человѣкъ происходитъ ближайшимъ образомъ отъ обезьяны*, а затѣмъ уже—отъ длиннаго ряда низшихъ позвоночныхъ животныхъ“. Убѣжденіе Геккеля, что человѣкъ произошелъ именно отъ обезьяны, находитъ будто бы для себя неопровержимую опору въ *палеонтологическихъ открытіяхъ* трехъ послѣднихъ десятилѣтій. Эти палеонтологическія открытія состоятъ въ томъ, что были найдены многія окаменѣлыя части вымершихъ млекопитающихъ животныхъ третичнаго періода, которыя, впрочемъ, не имѣютъ никакого прямого отношенія къ вопросу о происхожденіи человѣка. Это—части хищныхъ животныхъ, грызуновъ и животныхъ копытныхъ. Впрочемъ, Геккель хочетъ увѣрить своихъ читателей, что были открыты будто-бы и такія окаменѣлыя животныя, которыя должны быть признаны непосредственными предками человѣка, составляющими необходимое звено или переходную ступень отъ обезьяны къ человѣку. Приводимъ его собственныя слова: „Важнѣйшія изъ всѣхъ новыхъ палеонтологическихъ открытій, которыя уяснили исторію происхожденія волосатыхъ животныхъ, касаются нашего собственнаго племени, легіона *господствующихъ*

животныхъ (Herrenthiere, Primates). Раньше окаменѣлые остатки ихъ были крайне рѣдкими. Еще *Кювье*, великій основатель палеонтологіи, утверждалъ до самой своей смерти (1832), что нѣтъ никакихъ окаменѣлостей приматовъ, хотя онъ самъ описалъ уже черепъ одной эоценовой полуобезьяны (*Adapis*), принявъ ее однако же ошибочно за копытное животное. Но въ два послѣднія десятилѣтія были открыты въ достаточномъ числѣ хорошо сохранившіеся, окаменѣлые скелеты полуобезьянъ и обезьянъ; между ними находятся всѣ важные промежуточные члены, представляющіе связную цѣпь предковъ отъ древнѣйшихъ полуобезьянъ до самаго даже человѣка. Замѣчательнѣйшая и интереснѣйшая изъ этихъ ископаемыхъ находокъ есть *окаменѣлый обезьяна—человѣкъ изъ Явы*, *Pithecanthropus erectus*, открытый голландскимъ военнымъ врачомъ *Евгеніемъ Дюбуа* въ 1894 году. Онъ дѣйствительно есть многоискомый „Missing link“, мнимо „недостающій членъ“ въ цѣпи приматовъ, которая непрерывно тянется отъ самыхъ низшихъ катариновыхъ обезьянъ до наиболѣе развитого человѣка. То важное значеніе, которое принадлежитъ этой замѣчательной находкѣ, я подробно раскрылъ въ лекціи „О нашихъ теперешнихъ свѣдѣніяхъ относительно происхожденія человѣка“, которую 26 августа 1898 года я читалъ на четвертомъ международномъ зоологическомъ съѣздѣ въ Кембриджѣ. Палеонтологъ, знающій условія образованія и сохраненія окаменѣлостей, признаетъ открытіе этого питекантропа (обезьяны—человѣка) особенно счастливою случайностію. Ибо, какъ обитающія на деревьяхъ, обезьяны послѣ своей смерти (если случайно онѣ не падаютъ въ воду) только рѣдко находятся при такихъ условіяхъ, которыя дѣлаютъ возможнымъ сохраненіе и окаменѣніе ихъ скелета. Такимъ образомъ находкою этого окаменѣлаго обезьяны—человѣка изъ Явы также и со стороны *палеонтологіи* столь же ясно и несомнѣнно доказано „происхожденіе человѣка отъ обезьяны“, какъ раньше это было сдѣлано уже давными *сравнительной анатоміи* и *онтогеніи*; теперь,—заключаетъ Геккель,—мы владѣемъ всѣми главными свидѣтельствами исторіи нашего происхожденія“.

Мы изложили довольно подробно и съ безупречнымъ безпристрастіемъ все то, что высказалъ *Геккель* о человѣкѣ въ „антропологической части“ своего обширнаго сочиненія „*Die Welträthsel*“. Теперь мы должны подвергнуть критической оцѣнкѣ его сужденія и его выводы. Но прежде чѣмъ дѣлать такую оцѣнку, мы ставимъ вопросъ: съ кѣмъ собственно мы имѣемъ дѣло? Самому ли *Геккелю* принадлежать тѣ данныя, изъ которыхъ онъ дѣлаетъ извѣстный выводъ, или же и данныя, и выводъ принадлежать другимъ? Самъ ли онъ—производитель предлагаемаго намъ товара, или онъ только посредникъ между производителями и потребителями? Отъ такого или иного рѣшенія поставленныхъ вопросовъ должна зависѣть, очевидно, и наша критическая оцѣнка, такъ какъ иныя обязанности лежатъ на производителяхъ, и иныя—на посредникахъ между производителями и потребителями. Въ первомъ случаѣ возникаетъ вопросъ о доброкачественности матеріала, во второмъ—и о добросовѣстности его передачи потребителямъ.

Никто, конечно, не затруднится отвѣтомъ на поставленные нами вопросы. Самая рассматриваемая нами книга ясно даетъ видѣть читателю, что онъ имѣетъ дѣло только съ посредникомъ между производителями и потребителями, а не съ самымъ производителемъ предлагаемаго товара. *Геккель* не даетъ намъ ничего собственнаго. Результаты сравнительной анатоміи и фізіологіи, на основаніи которыхъ можно судить о *сходствѣ* построенію тѣла и фізіологическимъ отправленіямъ между человѣкомъ и позвоночными животными, онъ, по его собственнымъ словамъ, позаимствовалъ у *Иоганна Мюллера*, теорію клѣточекъ—у *Шлейдена* и *Шванна*, результаты онтогеніи—у *Базэра*, законъ субстанціи—у *Роберта Майера* и *Гельмгольца*; даже самая главная мысль, которая проводится чрезъ всю „антропологическую часть“ рассматриваемаго сочиненія,—что человѣкъ произошелъ отъ обезьяны,—ни въ какомъ случаѣ не принадлежитъ *Геккелю*,—она взята имъ у *Лямарка*, *Дарвина*, *Гексли* или *Гегенбаура*. Даже тѣ двѣ важныя заслуги, которыя хотѣлъ было приписать себѣ *Геккель*, на самомъ дѣлѣ оказались только неудавшимися попытками, не приведшими ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Итакъ, что же *Геккель*

предложилъ читателямъ *своего* во всей антропологической части своего сочиненія?—Совершенно ничего! Онъ является лишь простымъ передатчикомъ чужихъ взглядовъ и чужихъ работъ. Такимъ образомъ намъ остается только рѣшить вопросъ: насколько добросовѣстно онъ выполнилъ свою обязанность какъ посредника между кабинетными учеными и „широкимъ кругомъ образованныхъ читателей“, т. е., насколько онъ можетъ быть названъ добросовѣстнымъ популяризаторомъ чужихъ научныхъ выводовъ.

Къ сожалѣнію, мы должны сказать, что и въ этомъ отношеніи трудъ *Геккеля* не заслуживаетъ одобренія. Ученые представители сравнительной анатоміи, сравнительной фізіологіи и сравнительной онтогеніи *Мюллеръ*, *Шваннъ* и *Шлейеръ* остаются слишкомъ далекими отъ тѣхъ метафизическихъ и совершенно не логичныхъ скачковъ, которыми отличаются выводы *Геккеля*, сдѣланные имъ будто бы на основаніи результатовъ, достигнутыхъ указанными учеными. Они не вышли изъ предѣловъ своихъ точныхъ наукъ; самое большее, что они могли сказать на основаніи своихъ научныхъ наблюденій, такъ это то, что между организмами человѣка и животныхъ есть анатомическое, фізіологическое и онтогенетическое *сходство*. Но такъ какъ между *сходствомъ* и *происхожденіемъ* лежитъ большая, ничѣмъ не наполнимая пропасть, то и естественно, если они воздержались отъ всякихъ скороспѣлыхъ и неосновательныхъ заключеній. Такого разумнаго поведенія этихъ ученыхъ не одобряетъ, быть можетъ, только одинъ *Геккель*. „Съ сожалѣніемъ, говоритъ онъ, мы должны замѣтить, что очень многіе представители такъ называемаго точнаго естествознанія довольствуются спеціальнымъ изученіемъ своей тѣсной области наблюденія и опыта и считаютъ излишнимъ болѣе глубокое познаніе всеобщей связи наблюдаемыхъ явленій, т. е. философію! Эти чистые эмпирики „не видятъ за деревьями лѣса“... Эта неестественная и вредная противоположность между естествознаніемъ и философіею, между результатами опыта и мышленія безспорно всегда живо и болѣзненно чувствуется въ широкихъ кругахъ образованныхъ лицъ“... Не трудно однако рѣшить, на чьей сторонѣ правда. Представители точнаго есте-

ствознанія, занятые спеціально своими весьма полезными изслѣдованіями, поступаютъ совершенно научно, когда не снѣшатъ съ выводами на основаніи только ограниченнаго количества данныхъ, добытыхъ наблюденіемъ и опытомъ. Они никогда не поставятъ себя въ то смѣшное положеніе, въ какое попадаютъ метафизики подобныя *Геккелю* съ ихъ поспѣшными выводами, противорѣчащими несомнѣннымъ результатамъ точныхъ наукъ. Если бы когда либо дѣйствительно случилось то, чего желаетъ *Геккель*, то точныя науки навсегда бы покончили свое существованіе. *Геккель* называетъ себя натурфилософомъ, т. е., мыслителемъ, соединившимъ совершенно правильно эмпирической и спекулятивной методы, какъ два пути познанія истины. Но это—пустое хвастовство! Естествоиспытателемъ онъ никогда не былъ,—и свою философію онъ поставилъ подъ модный флагъ естествоиспытанія безъ всякаго на то права. Онъ, какъ нищій, протягиваетъ свою руку за милостынею чуть ли не къ каждому естествоиспытателю: то къ *Мюллеру*, то къ *Шванну*, то къ *Шлейхеру*. Самъ онъ въ области естествознанія не оставилъ никакого слѣда: не открылъ ни одной рептиліи, ни одного рака. Какой же онъ естествоиспытатель! Но еще большимъ профаномъ онъ оказывается въ области философскаго мышленія. Схвативъ поверхностно результаты, добытые двумя тремя учеными естествоиспытателями, онъ уже дѣлаетъ выводы, но выводы—опять такіе чужіе, сдѣланные давнымъ—давно раньше его! Но, быть можетъ, эти выводы, хотя и чужіе, все время оставались неизвѣстными „широкому кругу образованныхъ читателей“ и *Геккелю* принадлежатъ честь въ первый разъ возвѣстить ихъ міру? Ни чуть не бывало! О нихъ такъ много говорили виновники ихъ, начиная съ *Анаксимандра*, доказывавшаго происхожденіе человѣка отъ визшихъ существъ, *Эмпедокла*, *Демелле* (онъ же *Tellamed*), *Бюффона*, *Лямарки*, *Этьена Жофруа Сенз Илера*, *Дарвина*, *Гексли*, *Гегенбура* и оканчивая многими множествомъ ихъ популяризаторовъ,—что, наконецъ, даже и надоѣли всѣмъ. Вѣдь *Геккель*, на примѣръ, одну и ту же дарвиновскую теорію о происхожденіи человѣка отъ обезьяны излагаетъ теперь уже въ *четвертомъ* сочиненіи, не прибавляя

ничего новаго, а только повторяя одно и то же! Неужели же это не надоѣсть! И это называется новѣйшею философіею! Такъ намъ въ концѣ 19-го вѣка разрѣшаютъ міровыя загадки!

Геккель объясняетъ изданіе разбираемаго сочиненія тѣмъ, что старая гипотеза о происхожденіи человѣка отъ обезьяны въ настоящее время будто бы нашла для себя новую опору въ результатахъ біологіи—въ сравнительной анатоміи, фізіологіи и онтогеніи. Но и это увѣреніе *Геккеля* не заслуживаетъ никакого вниманія. Въ самомъ дѣлѣ, что новаго сказала біологія такого, чего не зналъ бы *Лямаркъ*, *Дарвинъ* и др.? Для рѣшенія вопроса о происхожденіи человѣка—совершенно ничего! По заявленію самаго *Геккеля*, результаты новѣйшей біологіи состоятъ въ томъ, что теперь уже нельзя сомнѣваться, что организмъ человѣка имѣетъ *сходство* съ организмомъ наиболее развитой обезьяны. Но кто же этого не зналъ и кто это когда либо отрицалъ? Самъ *Геккель* утверждаетъ, что „это знаетъ каждый“ и что „научная фізіологія“ указала только еще на нѣкоторое сходство для другихъ менѣе извѣстныхъ явленій, а именно—для дѣятельности сердца, отдѣленія железъ и полового отношенія. Но существованіе нѣ котораго сходства между человѣкомъ и обезьяною, какъ мы сказали уже, еще не представляетъ достаточнаго основанія для заключенія, что человѣкъ произошелъ отъ обезьяны. Такое сходство анатомія и фізіологія находятъ между человѣкомъ и другими животными, напримѣръ, кроликами, надъ которыми ученые медики главнымъ образомъ и производятъ свои опыты; почему же *Геккель* заключаетъ, что человѣкъ произошелъ *именно* отъ обезьяны, а не отъ кролика? Если одинаковы основанія, то одинаковы должны быть и выводы.

Кромѣ того, *Геккель* поступаетъ ненаучно, когда всю область естествознанія ограничиваетъ только анатоміею, фізіологіею и онтогеніею, и не принимаетъ во вниманіе другихъ опытныхъ наукъ, которыя достигли иныхъ результатовъ и потому представляютъ основанія для совершенно иныхъ выводовъ. Возьмемъ для примѣра химію. Анализъ, произведенный лучшими представителями этой науки, показалъ, что человѣческое тѣло состоитъ изъ *четырнадцати* неорганическихъ элементовъ:

1) кислорода, 2) водорода, 3) азота, 4) хлора, 5) фтора, 6) углерода, 7) кальція, 8) фосфора, 9) желѣза, 10) сѣры, 11) натрія, 12) калия, 13) силиція и 14) магнія. На этомъ основаніи англичанинъ *Маннингъ* высказалъ очень остроумныя соображенія, по которымъ содержащійся въ человѣческомъ тѣлѣ водородъ можетъ наполнить воздушный шаръ объемомъ въ 2400 кубическихъ футовъ, изъ фосфора человѣческаго тѣла можно изготовить 483,840 спичекъ, изъ углерода—9360 карандашей, изъ желѣза—пять большихъ гвоздей, водою, содержащеюся въ человѣческомъ тѣлѣ, можно наполнить бочку вмѣстимостію въ 44 литра, газами—газометръ объемомъ въ 3649 кубическихъ футовъ, изъ мыльной массы можно приготовить цѣлый кусокъ мыла, солью можно наполнить шесть порядочныхъ солонокъ, сахаромъ—цѣлую сахарницу. Но что для насъ важно, такъ это то, что эти же самыя химическія элементы входятъ въ составъ земли и вообще неорганической природы. Почему же мы на этомъ основаніи не имѣемъ права заключать, что тѣло человѣка создано *изъ земли*? Не говоритъ ли человѣку этотъ химическій анализъ того же, что изрекли и уста Божіи: „прахъ ты и въ прахъ возвратишься!“ (Быт. 3, 19).

Теперь перейдемъ къ тому выводу, который сдѣланъ *Геккелемъ* на основаніи будто бы новѣйшихъ результатовъ естествознанія, т. е., къ гипотезѣ о происхожденіи человѣка отъ обезьяны. Какъ мы сказали, эта гипотеза принадлежитъ не *Геккелю*, а *Лямарку* или *Дарвину*. Поэтому намъ приходится высказывать критическое сужденіе не о монизмѣ *Геккеля*, а о дарвинизмѣ. Но нужно ли такое сужденіе? Дарвинизмъ, какъ философское міровоззрѣніе, уже опредѣлился вполне, занявъ извѣстное мѣсто въ исторіи развитія человѣческой мысли. Теперь уже точно указаны и его достоинства, и его недостатки. Мы не будемъ говорить о той богатой критической литературѣ, которая вызвана дарвинизмомъ въ западной Европѣ. Въ этомъ отношеніи достаточно было бы указать только на сочиненія *Планка*, *Шписа*, *Ю. Мейера*, *Пфаффа*, *Фрошаммера*, *Г. Гофмана*, *Губера*, *Левенталя*, *Э. Аскенази*, *Земпера*, *Виланда*, *Крамера*, *Дю-буа-Реймона*, *Раде* и *Шмида*. Но мы можемъ назвать не мало серьезныхъ сочиненій по этому во-

просу и на русскомъ языкѣ. Изъ нихъ одни носятъ чисто-филозофскій характеръ, другія—естественно-научный. Къ первымъ нужно отнести труды двухъ лучшихъ русскихъ мыслителей В. Д. Кудрявцева и Н. Н. Страхова („Борьба съ западомъ въ нашей литературѣ, кв. 2-я: „Дарвинъ“ и „Полное опроверженіе дарвинизма“ въ Русск. Вѣст. 1887 г.); ко вторымъ—Н. Я. Данилевскаго („Дарвинизмъ. Критическое изслѣдованіе. Т. I. ч. 1. т. I, ч. 2-я и т. II. 1885. 1889). Мы рекомендуемъ эти труды. Они принадлежатъ ученымъ неподкупной честности и добросовѣстности. По своей эрудиціи и богатству свѣдѣній въ области естествознанія, нѣкоторые изъ этихъ ученыхъ, безъ сомнѣнія, не уступятъ и самому Дарвину. Что же касается логичности и систематичности мышленія, то едва ли возможно кого бы то ни было изъ дарвинистовъ поставить на ряду съ ними. Неудивительно послѣ этого, что они сзумѣли съ полнымъ безпристрастіемъ и безупречною основательностію показать всѣ недостатки дарвинизма, какъ филозофскаго міровоззрѣнія. При настоящемъ состояніи естествознанія, конечно, даже трудно что либо прибавить къ сказанному ими въ опроверженіе одностороннихъ выводовъ *Дарвина* и его послѣдователей. Самый основной принципъ дарвинизма, по которому его смѣшиваютъ съ теоріями развитія или эволюціи, денсенденціи и трансформациі, совершенно не выдерживаетъ критики, какъ принципъ филозофскаго или натурфилозофскаго міровоззрѣнія. „Изъ несомнѣнныхъ свойствъ теоріи (Дарвина) оказывается,—говорить, напр., *Н. Я. Данилевскій*,—что напрасно причисляютъ ее къ теоріямъ развитія, теоріямъ эволюционнымъ. Подъ развитіемъ разумѣется рядъ измѣненій, *необходимо* одно изъ другаго вытекающихъ какъ бы въ силу опредѣленнаго, постояннаго закона, хотя бы въ сущности мы этой необходимости и не понимали, какъ на дѣлѣ почти никогда и не понимаемъ, а заключаемъ о ней лишь изъ постоянства повторенія ряда. Такъ развивается бабочка изъ куколки, куколка изъ гусеницы, и вообще всякій органическій индивидуумъ изъ зародыша. Но *ничего подобнаго* у Дарвина нѣтъ. У него, вмѣсто развитія по нѣкоторому закону, накопленіе *случайныхъ* мелкихъ измѣненій подъ вліяніемъ не внутренней, а *внѣшней* причины, отвергаю-

щей одни измѣненія и принимающей другія“. По этой же самой причинѣ въ другомъ мѣстѣ *Н. Я. Данилевскій* совершенно справедливо называетъ дарвинизмъ не цѣльнымъ и систематическимъ философскимъ міровоззрѣніемъ, а „безсвязною кучею мусора“ ¹⁾. И дѣйствительно, отвергнувъ телеологическое пониманіе міровой жизни, допустивъ, что въ мірѣ все произошло и происходитъ безъ разумнаго водительства, безъ идеи, плана и цѣли, *Дарвинъ* неизбежно долженъ былъ все приписать только одной *случайности* и все стройное, гармоническое и цѣлесообразное развитіе міровой жизни свести къ „безсвязной кучѣ мусора“. Гдѣ вмѣсто разумныхъ причинъ для объясненія тѣхъ или другихъ явленій прибѣгаютъ къ указанію на *случай*, тамъ, очевидно, не можетъ быть и рѣчи о *наукѣ*, которая только знаетъ законы, производящіе извѣстныя и всегда одинаковыя дѣйствія, и причины, влекущія за собою извѣстныя и всегда одинаковыя послѣдствія. И нашъ ученый натуралистъ былъ совершенно правъ, утверждая, что „дарвинизмъ лишенъ всякаго положительно-научнаго значенія“ и что безпримѣрный успѣхъ его теоріи слѣдуетъ объяснять *только* ея появленіемъ въ эпоху господства крайняго матеріализма и ея простымъ и популярнымъ изложеніемъ. Впрочемъ, прежде чѣмъ достигъ такого заключенія, *Н. Я. Данилевскій* долженъ былъ идти шагъ за шагомъ по слѣдамъ *Дарвина* и на каждомъ шагу показывать читателямъ ошибки, заблужденія, естественно-научные и логическіе недочеты своего противника,—шелъ тихо, безъ всякой предвзятой мысли, шелъ въ теченіи многихъ лѣтъ, неуклонно и неустанно. Мы не можемъ, да въ настоящее время нѣтъ уже и нужды посвящать дарвинизму столько труда, времени и силъ, сколько было посвящено ему многими учеными въ началѣ его появленія. Мы укажемъ здѣсь лишь кратко тѣ недостатки, которые присущи дарвинизму и не даютъ ему права на положительное научное значеніе.

По мнѣнію *Дарвина*, „всѣ органическія существа, когда либо жившія на землѣ, произошли, вѣроятно, изъ одной какой либо первоначальной формы, клѣточки, ячейки или органическаго пузырька. Факторами развитія всего органическаго міра

¹⁾ Т. I. ч. I. стр. 23.

изъ такой единой клѣточки, по мнѣнію *Дарвина*, были: 1) наследственность, 2) борьба за существованіе, 3) естественный подборъ для растеній и животныхъ въ ихъ природномъ состояніи, какъ искусственный подборъ для растеній и животныхъ домашнихъ, т. е., прирученныхъ и ставшихъ подъ руководство человѣка и 4) измѣнчивость органическихъ существъ подъ вліяніемъ различныхъ внѣшнихъ условій ихъ жизни. Но если мы рассмотримъ внимательно эти „факторы“, то увидимъ, что ихъ вовсе недостаточно для развитія жизни всего органическаго міра; мало этого, они именно неизбежно и приведутъ насъ къ опроверженію самой теоріи *Дарвина*.

Подъ *наслѣдственностію* Дарвинъ разумѣетъ способность родителей переносить характеристическія особенности своего организма на потомковъ, которые передаютъ ихъ дальнѣйшимъ поколѣніямъ и т. д., и т. д. Ни одинъ скотоводъ не сомнѣвается въ силѣ стремленія животныхъ къ наследственности; что подобное произведено подобнымъ,—это составляетъ его вѣрованіе. „Всѣ какіе бы то ни было признаки, какъ древніе, такъ и недавно пріобрѣтенные, говоритъ *Дарвинъ*, стремятся къ передачѣ; но можно принять за общее правило, что тѣ, которые уже долго успѣшно сопротивлялись противодѣйствующимъ вліяніямъ, будутъ и впредь также успѣшно сопротивляться имъ, а слѣдовательно будутъ прочно передаваться потомству“. Вслѣдствіе этого *Дарвинъ* признаетъ „наслѣдственность съ какими бы то ни было признаками—за правило, а ненаслѣдственность—за исключеніе“. Изъ приведеннаго ясно видно, что самъ *Дарвинъ*, объявившій наследственность главнымъ факторомъ развитія всѣхъ органическихъ существъ, въ дѣйствительности призываетъ за нимъ только одно консервативное значеніе, приписываетъ ему только силу сопротивленія всякому вообще развитію. Это самопротиворѣчіе *Дарвина* отмѣчено уже многими критиками его. „Наслѣдственность, по самой сущности своей, говоритъ *Страховъ*, есть начало консервативное, сохраняющее типъ, принадлежащій организму, такъ что *наслѣдственность* и *постоянство видовъ* представляютъ одинъ и тотъ же принципъ, только различно выраженный. Если всѣ видовые признаки неизмѣнно передаются по наслѣдству, то никакое случайное отступленіе не мо-

жетъ удержаться наравнѣ съ ними и должно исчезнуть. Для того, чтобы новый признакъ могъ остаться, онъ съ самаго начала долженъ явиться со всѣми правами наследственности, слѣдовательно, онъ долженъ соответствовать нѣкоторой нормѣ, долженъ въ силу какого то закона, составлять исключеніе изъ числа тѣхъ колеблющихся отступленій отъ типа, которыя, какъ показываетъ ежедневный опытъ, безпрестанно появляются, но исчезаютъ безъ слѣда". Такое же мнѣніе о наследственности, какъ ложномъ принципѣ въ ученіи *Дарвина*, высказываютъ и другіе ученые—*Кудрявцевъ*, *Данилевскій* и т. д., только послѣдній обосновываетъ его еще многими данными, заимствованными изъ области естествознанія.

Второй факторъ для развитія жизни органическаго міра и преобразованія самыхъ организмовъ *Дарвинъ* усматриваетъ въ такъ называемой борьбѣ за существованіе, поводомъ къ которой всегда будто бы служитъ соперничество индивидовъ въ отысканіи наилучшихъ условій для обезпеченія своей жизни и для распространенія своего вида. По справедливому замѣчанію *Данилевскаго*, и этотъ факторъ—скорѣе консервативный, чѣмъ прогрессивный дѣятель, скорѣе—условіе сохраняющее, чѣмъ измѣняющее. Мысль о борьбѣ за существованіе изъ—за тѣсноты мѣста, изъ—за недостатка пищи и другихъ необходимыхъ условій *Дарвиномъ* заимствована, безъ сомнѣнія, изъ *соціально-политической* жизни *современныхъ* народовъ и перенесена на жизнь организмовъ вообще. Но внимательное изслѣдованіе дѣйствительности, какъ оно, на примѣръ, представлено намъ въ переполненномъ несомнѣнными фактами изслѣдованіи *Данилевскаго*, ясно показываетъ, что гибель организмовъ зависитъ, большею частію, не отъ недостатка средствъ къ жизни, не отъ состязанія, а производится многими другими причинами, изъ которыхъ важнѣе всего—климатическія перемѣны. Но если и вѣрно, что въ *настоящее время* тѣснота мѣста и недостатокъ средствъ жизни часто бываютъ поводомъ къ борьбѣ за существованіе, къ ссорамъ, интригамъ, войнамъ, взаимнымъ истребленіямъ и т. п., то въ началѣ міровой жизни, о которой говоритъ *Дарвинъ*, когда на земномъ шарѣ не могло быть много ни людей, ни животныхъ, нельзя даже ука-

затѣ и никакого повода къ борьбѣ за существованіе. Кромѣ того, самое выраженіе: „борьба за существованіе“ показываетъ, что это принципъ сохраненія, а не развитія. Жизнь природы какъ органической, такъ и неорганической создается, видоизмѣняется и поддерживается не борьбою силъ и вещей, а ихъ взаимодействіемъ, согласіемъ, ассоціаціею, родовымъ чувствомъ и взаимно полезнымъ сожитіемъ. И странно! Если дарвинисты считаютъ борьбу за существованіе необходимымъ факторомъ развитія органической жизни вообще,—зачѣмъ же они, какъ *Геккель* въ теологической части разбираемаго сочиненія, проповѣдуютъ необходимость уничтоженія этого столь важнаго фактора жизни? Зачѣмъ они осуждаютъ людскія войны, грубое обращеніе съ животными, охоту на звѣрей, неразумный ловъ рыбы и т. п.? Такое поведеніе ихъ можно объяснить только непослѣдовательностію. Кто призналъ мировое тяготѣніе необходимымъ и неизмѣннымъ закономъ природы, тотъ, оставаясь въ здоровомъ умѣ, не потребууетъ его отмѣны или уничтоженія.

Подъ измѣнчивостію *Дарвинъ* разумѣетъ способность организмовъ усвоить черты новыя для ихъ вида,—такія, которыя по тѣмъ или другимъ причинамъ не имѣли ихъ предки. Такой измѣнчивости въ особенности содѣйствуетъ естественный или искусственный подборъ, привычка, упражненія, климатическія и географическія условія, борьба за существованіе и т. д. До *Дарвина* существовало убѣжденіе, что виды постоянны и неизмѣнны, что при всѣхъ условіяхъ лошадь остается лошадью, быкъ быкомъ, дубъ дубомъ, сосна сосною, что разновидности, индивидуумовъ, при извѣстныхъ условіяхъ, возможны, но что онѣ никогда не могутъ быть такими, чтобы чрезъ нихъ индивидуы переставали быть членами своего вида и являлись представителями какого либо новаго вида. *Дарвинъ* отрицаетъ такое постоянство и устойчивость видовъ, допуская образованіе новыхъ. Исслѣдованія и опыты ученыхъ, чуждыхъ увлеченія дарвинизмомъ, признали однако же такое предположеніе *Дарвина* слишкомъ фантастичнымъ. Правда, дарвинистамъ удавались опыты произведенія многихъ разновидностей; но эти разновидности никогда не выходили за предѣлы своего вида. Дарви-

нисты утверждаютъ, что организмъ „такъ гибокъ, какъ воскъ“, и что они, при помощи искусственнаго подбора, могутъ развить организмъ съ какимъ угодно клювомъ, съ какимъ угодно перомъ; но самый тщательный уходъ за голубями и лошадьми у англичанъ не произвелъ никакого новаго вида. Какъ ни разнообразны у нихъ породы голубей, но каждый считаетъ ихъ только голубями. Ни одного голубя они не сумѣли еще и до сихъ поръ превратить ни въ орла, ни въ гуся. Дарвинисты любятъ ссылаться на палеонтологію; но палеонтологія-то именно и говоритъ больше всего противъ ученія *Дарвина*. Въ наслоеніяхъ земли и въ египетскихъ гробницахъ открыто много хорошо сохранившихся животныхъ и растеній, древность которыхъ восходитъ до четырехъ и пяти тысячъ лѣтъ. И что же? Эти животныя и растенія оказываются точно такими же, какъ и тѣ, которыя нынѣ находятся въ странѣ Нила или въ его окрестностяхъ. *Агасисъ* производилъ многолѣтнія наблюденія надъ коралловыми флоридскими рифами,—и оказалось, что они неизмѣнно сохраняютъ свой видъ, если бы имъ геологи и справедливо насчитывали свыше 100,000 лѣтъ! *Диксонъ* и *Браунъ* нашли въ *Луизианѣ* десять, другъ надъ другомъ лежащихъ, слоевъ окаменѣлыхъ стволовъ новоорлеанскаго кипариса, нынѣ еще растущаго въ той же мѣстности, раздѣленныхъ одинъ отъ другаго прослойками земли. Между ними встрѣчаются стволы въ 10 футовъ въ поперечникѣ, возрастъ которыхъ былъ опредѣленъ по числу годовыхъ колецъ (концентрическихъ слоевъ нарастанія) въ 5,700 лѣтъ. Надъ послѣднимъ изъ этихъ слоевъ растутъ вѣчно зеленые дубы, возрастъ которыхъ принимаютъ въ 1500 лѣтъ¹⁾. И что же? эти кипарисы ни чѣмъ существенно не отличаются отъ кипарисовъ и нынѣ растущихъ въ луизианскихъ лѣсахъ и извѣстныхъ подъ именемъ *Taxodium distichum*. Указавъ множество еще другихъ примѣровъ подобнаго рода, *Данилевскій* говоритъ: „И такъ, положительные факты указываютъ на постоянство видовыхъ формъ, не на нашихъ глазахъ только, не въ теченіе какихъ либо тысячелѣтій, подлежащихъ вѣдѣнію исторіи, а въ теченіе сотенъ тысячъ, а иногда, можетъ быть,

¹⁾ Данилевскій, т. I. ч. I. стр. 238.

и миллионовъ лѣтъ доисторическаго, геологическаго времени. Противъ этихъ фактическихъ доказательствъ постоянства и неизмѣнности по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ, но однако-же довольно многочисленныхъ видовъ какъ животныхъ, такъ и растительныхъ,—какой фактъ могутъ выставить приверженцы противоположнаго мнѣнія? Ни одного, буквально ни одного дѣйствительнаго факта, а одни лишь только умозрѣнія и мнимыя требованія логики, какъ слѣдствія теоріи развитія, которая сама не имѣетъ фактической основы, а главное ложно примѣнена“. Неудивительно послѣ этого, если постоянство и неизмѣнность видовъ вынуждены были признавать даже и такіе знаменитые представители естествознанія, какъ *Линней* и *Кювье*. Впрочемъ, даже и противникъ *Линнея*, дарвинистъ раньше *Дарвина*, естествоиспытатель 18-го вѣка *Бюффонъ* (1707—1788) говоритъ въ смыслѣ устойчивости и неизмѣнности видовъ: „должно считать тѣмъ же видомъ тотъ, который посредствомъ совокупленія постоянно продолжается и сохраняетъ свое видовое сходство, а за разные виды тѣ, которые этимъ же средствомъ ничего произвести между собою не могутъ“. Но если виды животныхъ и растеній устойчивы и неизмѣнны, если, какъ доказала наука, даже самыя сильныя измѣненія и отклоненія отъ дикаго типа въ домашнихъ животныхъ и растеніяхъ не достигаютъ дальше видоваго предѣла и суть только колебанія около извѣстной и неподвижной нормы,—то гипотеза *Дарвина*, какъ философская система, совершенно несостоятельна.

Профессоръ Харьковскаго Университета, *Прот. Т. Буткевичъ*.

(Продолженіе будетъ).

ЕСТЕСТВЕННОЕ БОГОПОЗНАНИЕ.*)

ГЛАВА I-я.

Видимый міръ, какъ начало, приводящее къ мысли о Невидимомъ Творцѣ.

Первая истина Откровенія, которая была возвѣщена первому человѣку, была безъ сомнѣнія та, которая потомъ въ видѣ первой заповѣди была возвѣщена евреямъ съ вершины Синая: „Я Господь, Богъ твой“ (Исх. XX, 2). Религіозныя отношенія человѣка къ причинѣ своего бытія и благополучія возможны лишь, если эта причина есть не только сила, но и воля, есть субъектъ, личность. Первому человѣку Господь открывается, какъ личность, и первый человѣкъ мыслилъ Его личнымъ (Быт. III, 10). Но религіозныя представленія перваго человѣка утверждались на откровеніи непосредственномъ, личномъ; религіозныя представленія послѣдующихъ поколѣній должны были утверждаться на откровеніи наследственномъ, историческомъ, между Богомъ и человѣчествомъ сталъ грѣхъ. Божественныя Откровенія въ богоявленіяхъ стали удѣломъ немногихъ избранниковъ, большая часть человѣчества свои знанія о Богѣ должна была получать отъ другихъ и была недостойна и неспособна получать ихъ непосредственно отъ Бога. Но въ такихъ случаяхъ, когда истины Откровенія возвѣщались людямъ лицами имъ подобными, что могло дать имъ вѣру и увѣренность, что онѣ дѣйствительно—истины? Несом-

*) Предлагаемая статья составляетъ собою продолженіе статьи того же автора, напечатанной въ журналѣ «В. и Р.» въ прошломъ году подъ заглавіемъ „Сверхъ-естественное Откровеніе и естественное Богопознаніе въ истинной церкви“. Но она имѣетъ и самостоятельное значеніе. *Ред.*

нѣнно, эти истины должны были бы являться для ихъ слуха мѣдью звенящею или кимваломъ звучащимъ, если бы видимая природа, собственный духъ, жизнь, какъ она открывается въ мѣрѣ, не давали бы людямъ ихъ подтвержденія и не направляли бы людей къ ихъ принятію. Исслѣдованія и показываютъ намъ, что и есть и всегда было нѣчто, что направляло человѣка къ безконечному, къ отечеству Небеснаго Отца и даже при полномъ забвеніи историческаго Откровенія, при крайне низкомъ умственномъ уровнѣ, при сильномъ извращеніи нравственныхъ понятій, человѣчество въ окутывавшемъ его духовномъ мракѣ всегда пыталось составлять представленія о нѣкоторомъ духовномъ свѣтѣ, о высшихъ духовныхъ силахъ, во власти и распоряженіи которыхъ оно находится, и о средствахъ вступаній въ общеніе съ этими силами и располагать ихъ къ себѣ. Видимый вещественный мѣръ всегда приводилъ людей къ мысли объ управляющихъ имъ невидимыхъ духовныхъ силахъ.

Объ этомъ свидѣтельствуетъ теологическое истолкованіе природы, которое мы находимъ и у древнихъ культурныхъ и у современныхъ некультурныхъ народовъ. Дикари древняго, какъ и новаго времени, за каждою группою физическихъ явленій всегда предполагали управляющія ими духовныя или вещественно-духовныя существа. И не только водами вѣдали водяные и лѣсами лѣшіе, но и за каждою рѣкою, за каждою отдѣльною областію стояло особое существо. Для древняго германца старикъ Рейнъ былъ нѣкоторымъ живымъ человѣкообразнымъ существомъ, подобнымъ же образомъ древній римлянинъ представлялъ себѣ божество Тибра. О современныхъ дикаряхъ говорятъ (факты собраны и сгруппированы Спенсеромъ въ его *principles of sociology*), что они вообще не признаютъ естественнаго характера явленій, за каждымъ видимымъ явленіемъ они ищутъ произведшаго его невидимаго духа. Человѣкъ чихнулъ, это есть слѣдствіе вліянія на него духа, на деревѣ задрожали листья, ихъ привелъ въ движеніе обитающій въ деревѣ духъ. Древніе культурные народы въ своихъ натуралистическихъ теологіяхъ упорядочили какъ физическія явленія, такъ и систему управляющихъ ихъ боговъ. Наши

арійскіе предки (періода ведъ) или по крайней мѣрѣ старшіе братья причину явленій огня приписали богу Агни, за солнцемъ они предположили бога Суріа или Савитри, богомъ грозъ у нихъ былъ Рудра, богомъ неба Діасъ, пространства—Адинги, богомъ опьяненія—Сома, богомъ—производителемъ (создателемъ) вещей—Праджапати (изъ котораго впоследствии вышла брама браминовъ). У народовъ семитическихъ, напр., у ассиро-вавилонянъ, о которыхъ нѣкоторые говорятъ, что они въ противоположность арійцамъ видѣли божества въ исторіи, а не въ природѣ, мы на самомъ дѣлѣ находимъ—Ану—бога неба, Еа—бога океана, Синъ—бога луны, Самасъ—бога солнца, Раммона—бога грозъ, Нергала—бога иссушающаго зноя, Гибеля—бога огня и т. д. Древнѣйшія формы историческихъ религій очень часто обозначаются именемъ пандемонизма, потому что эти религіи предполагаютъ, что все наполнено и всѣ явленія производятся духами (демонами). Съ этимъ характеромъ является сумеро—аккадская религія—предшествовавшая вавилонской на месопотамской почвѣ, такою является древнѣйшая римская религія (до эпохи греческаго вліянія), такою является древнѣйшая религія японцевъ—Шинто. Пандемонизмъ обыкновенно смѣняется системою натуралистическихъ боговъ, происходитъ процессъ классификаціи и объединенія.

Какая причина заставляла и заставляетъ людей населять этотъ видимый міръ невидимыми богами? Несомнѣнно, прежде всего присущая человѣческому духу идея причины. Причина есть то, что даетъ бытіе явленію или вещи. Древній человѣкъ, не заходившій далеко въ своихъ изысканіяхъ и размышленіяхъ, могъ представлять, что матерія—этотъ субстратъ, видоизмѣненія котораго представляютъ жизнь міра,—есть бытіе изначальное; онъ могъ затѣмъ мыслить міръ, какъ бытіе множественное и разрозненное, т. е. такимъ, какимъ онъ является непосредственному взору, но онъ не могъ мыслить, чтобы перемѣны въ мірѣ могли происходить сами собою. Человѣкъ видѣлъ, что неодушевленная вещь обыкновенно остается въ неизмѣнномъ положеніи и никогда не начинаетъ двигаться, если на нее не воздѣйствуетъ одушевленное существо. Отсюда его выводъ, что причина движенія матеріи есть духъ. Но мало

того, что движеніе вещей не возникаетъ само собою; древніе постоянно видѣли еще, что всякое движеніе стремится прекратиться, отсюда формула древней физики: все тѣла стремятся къ покою (мы увидимъ потомъ, что эта формула въ сущности справедлива). Но если тѣла стремятся къ покою, если, слѣдовательно, видимый міръ стремится къ тому, чтобы заснуть сномъ неподвижности, то спрашивается: почему же онъ не погружается въ этотъ сонъ смерти? Очевидно, должно предположить, что за этимъ міромъ стоятъ существа, которыя двигаютъ его элементы и стихіи, производятъ міровыя явленія, даютъ жизнь вселенной. Послѣдовательное изученіе міра и размысленіе о невещественныхъ причинахъ вещественныхъ явленій должно бы было повидимому привести людей по мѣрѣ того, какъ они выяснили себѣ единство міра, къ признанію единства его трансцендентной духовной причины. Но однако случилось иное. Въ философской мысли уже за нѣсколько вѣковъ до Р. Х. образовалось теченіе, направлявшееся къ отрицанію существованія духовныхъ причинъ у вещественныхъ явленій. Повидимому два рода основаній породили это теченіе. Невидимыя духовныя силы, населеннымъ которыми представляли физическій міръ, нигдѣ не открывались и не являлись искавшимъ ихъ людямъ. Утомленные безплоднымъ исканіемъ люди стали склоняться къ мысли, что и совсѣмъ не существуетъ того, что они ищутъ. Это одно основаніе. Затѣмъ стали постепенно открывать нѣкоторые законы физическихъ явленій. По прежнему не простираясь далеко въ глубь и не ставя вопроса о происхожденіи этихъ законовъ, фактъ ихъ существованія стали считать достаточнымъ для объясненія явленій міра. Это—другое основаніе. На мѣсто прежнихъ духовныхъ силъ поставили физическіе законы. Такъ возникъ философскій матеріализмъ. Первые опыты матеріалистическаго истолкованія природы связываются съ именами греческихъ натурфилософовъ: Фалеса, Анаксимандра и Анаксимена. Въ своихъ опытахъ матеріалистическій субстратъ міра они разсматривали, какъ нѣчто единое и непрерывное (вода, безпредѣльное, воздухъ). Въ противоположность имъ позднѣе Левкиппъ и Демокритъ стали истолковывать явленія міра изъ атомистической теоріи вещества.

Подобный же взглядъ на строеніе міра—надо полагать, совершенно независимо,—развился на мидійской почвѣ въ системѣ Вайсешика. Еще позднѣе Лукрецій Каръ далъ блестящее *profession de foi* материалистическаго атомизма въ своей знаменитой поэмѣ „*De rerum natura*“. Въ глазахъ Лукреція Эпикуръ, истолковавшій природу, заслуживаетъ великой славы за то, что онъ поправилъ ногами вѣру въ боговъ и сдѣлалъ людей равными небу. Ни одна вещь никогда не происходитъ изъ ничего и все происходитъ безъ участія боговъ. Атомы суть начала или элементы, изъ которыхъ образуются всѣ вещи (*primordia rerum*). Природа состоитъ изъ атомовъ и изъ безграничнаго пустого пространства. Атомы, двигаясь по различнымъ направленіямъ въ безконечномъ пространствѣ, даютъ образованіе міру; каковое образованіе невѣжды приписываютъ божеской силѣ. Со времени написанія поэмы Лукреція скоро исполнится 2000 лѣтъ (Лукрецій умеръ приблизительно въ 55 г. до Р. Х.) и вотъ теперь говорятъ, что изученіе видимаго міра подтверждаетъ безусловно правду основначаль его философіи, что инстинктивное заключеніе отъ видимаго міра къ бытію невидимыхъ духовныхъ силъ есть заблужденіе, что за видимымъ міромъ не скрывается ничего невидимаго. Таковы будто бы результаты и выводы естественно-научныхъ изысканій. Мы безусловно отрицаемъ это. Мы утверждаемъ, что изысканія и открытія новѣйшей науки и объясняютъ и оправдываютъ бессознательныя умозаключенія древнихъ отъ видимаго міра къ невидимой его духовной причинѣ.

Съ точки зрѣнія современнаго естествознанія достаточно допустить существованіе 4 началъ для объясненія всѣхъ явленій физическаго міра. Эти 4 начала суть пространство, время, матерія и движеніе. Они существовали отъ вѣка и будутъ существовать вѣчно. Изъ этихъ 4 началъ только вопросъ о томъ, что понимать подъ третьимъ (подъ матеріей), возбуждаетъ между натуралистами недоразумѣнія и споры; о томъ, какъ понимать прочія три начала, въ естествознаніи не существуетъ никакихъ споровъ и никакихъ объясненій: съ выраженіями пространство, время, движеніе естествознаніе соединяетъ тотъ же смыслъ, какой соединяютъ съ нимъ и дѣти

и дикари. Пониманіе матеріи у различныхъ ученыхъ различно. Самое простое и распространенное слѣдующее. Матерія есть совокупность безконечнаго числа атомовъ. Атомъ это, по воззрѣнію однихъ, абсолютно твердое, по воззрѣнію другихъ—абсолютно упругое тѣло, имѣющее чрезвычайно малые размѣры и снабженное нѣкоторымъ (тѣмъ или инымъ) количествомъ движенія. По закону инерціи всякое тѣло, получившее стремленіе двигаться въ какомъ-либо направленіи съ тою или иною скоростію, сохраняетъ и осуществляетъ это стремленіе вѣчно, если не встрѣчаетъ себѣ препятствій со стороны другихъ тѣлъ, сила стремленія, присущая тѣлу, и есть то количество движенія, которымъ оно обладаетъ. Сталкиваясь одни съ другими, атомы стремятся передавать одинъ другому имѣющееся у нихъ количество движенія, передавать такъ, что атомъ, имѣющій избытокъ движенія сравнительно съ другимъ, дѣлитъ съ этимъ другимъ избытокъ такъ, что въ концѣ концовъ у нихъ обоихъ будетъ равное количество движенія (при предварительномъ равенствѣ массъ атомовъ движеніе стремится распредѣлиться равномерно въ равныхъ массахъ). Существованіе атомовъ съ такими свойствами и достаточно для объясненія всѣхъ явленій міра. Приведемъ примѣръ объясненія возникновенія въ тѣлахъ вѣса, возникновенія цвѣтовъ тѣлъ и происхожденія звука. Невѣсомые атомы должны были превратиться въ вѣсомыя тѣла слѣдующимъ образомъ. Положимъ, что какой-нибудь случай произвелъ, что въ одномъ мѣстѣ два атома соединились такъ, что потомъ стали продолжать движеніе вмѣстѣ, какъ одно цѣлое; допустимъ, что подобный же случай произвелъ подобное соединеніе и въ другомъ пунктѣ. Тогда въ морѣ безконечно малыхъ и равныхъ между собою атомовъ явятся два сравнительно большія тѣла. Не трудно показать, что они немедленно начнутъ оказывать притягивающее дѣйствіе одно на другое. Вотъ почему, каждое изъ этихъ тѣлъ явится для другого экраномъ, защищающимъ его отъ толчковъ атомовъ съ своей стороны. Наши тѣла будутъ подвергаться толчкамъ атомовъ со всѣхъ сторонъ, но со сторонъ, которыми они обращены другъ къ другу, этихъ толчковъ ими будетъ получаться меньше, такимъ образомъ окажется, что атомы будутъ толкать

ихъ по направленію другъ къ другу, и они задвигаются одно по направленію къ другому, какъ будто взаимно притягиваемыя. Въ безконечномъ пространствѣ агрегаціи двухъ, трехъ и большаго числа атомовъ, конечно, должны происходить часто, отсюда явятся притягивающіяся или вѣсовыя тѣла, ибо вѣсомъ называютъ силу стремленія притягиваемаго тѣла къ притягивающему. Не трудно показать, что дѣйствія притяженія въ этомъ пространствѣ будутъ происходить согласно закону Ньютона, т. е., прямо пропорціонально массѣ и обратно пропорціонально квадрату разстоянія. Пусть представятъ себѣ пространство, наполненное атомами, двигающимися во всѣхъ направленіяхъ съ равными скоростями и въ равныхъ количествахъ и пусть введутъ въ это пространство два большихъ шара разной величины. Нетрудно видѣть, что большой шаръ защититъ малый отъ толчковъ атомовъ съ своей стороны во столько разъ больше, во сколько поверхность большого шара больше поверхности малаго, вслѣдствіе этого малый шаръ, испытывая менѣе сопротивленія въ своемъ стремленіи къ большому, задвигается по направленію къ большому быстрѣе, чѣмъ большой по направленію къ нему. Отсюда вытекаетъ законъ о значеніи массы въ дѣлѣ притяженія. Точно также на примѣрѣ нашихъ шаровъ можно изслѣдовать и законъ относительно разстоянія. Можно видѣть, что при сближеніи шары въ большей мѣрѣ будутъ служить экранами одинъ для другого и такимъ образомъ притяженіе между ними будетъ увеличиваться, при удаленіи ихъ одного отъ другого они менѣе могутъ защищать другъ друга отъ толчковъ атомовъ съ своей стороны, и потому притяженіе между ними ослабѣетъ. Изъ этого простого изложеннаго нами начала объясняются и молекулярныя свойства тѣлъ (сцѣпленіе, упругость) и химическія свойства (сродство, термохимическія явленія) и вся система небесныхъ тѣлъ. Гипотезы образованія небесныхъ тѣлъ, явившіяся въ послѣдніе годы, особенно соответствують изложеннымъ нами началамъ. Укажемъ на гипотезу Лакіера. Даже на Руси явилась самостоятельная работа, объясняющая возникновеніе міровъ изъ изложеннаго нами принципа. Разумѣемъ работу Ярковскаго. Сущность

всѣхъ этихъ гипотезъ состоитъ въ томъ, что разъ въ мировомъ пространствѣ изъ разсѣяннаго въ немъ вещества образуется агрегатъ частицъ, образуется случайно, то онъ потомъ будетъ расти по естественному неизбѣжному закону. Съ этой точки зрѣнія наше солнце будетъ постоянно увеличиваться въ объемъ вслѣдствіе паденія на него метеоритовъ и другихъ мелкихъ небесныхъ тѣлъ (этимъ нѣкоторые хотятъ объяснить и то, почему солнцемъ сохраняется такъ долго столь высокая температура), будетъ расти и наша земля вслѣдствіе паденія на нее космической пыли (это подтверждается прямыми наблюденіями, наприм., Норденшильда). Впослѣдствіи солнце растущее быстрѣе, чѣмъ земля, можетъ быть, поглотитъ и землю, можетъ быть, и вся солнечная система будетъ притянута какимъ-нибудь нами еще неоткрытымъ небеснымъ тѣломъ, около котораго по неизвѣстной намъ кривой совершаетъ свое движеніе солнечная система.

Изъ изложенныхъ нами началъ легко объясняются и всѣ физическія и химическія явленія. Свѣтъ разсматривается, какъ дрожаніе эфира, т. е., какъ дрожаніе невѣсомыхъ атомовъ; звукъ признается результатомъ дрожанія вѣсомыхъ массъ (обыкновенно воздуха). Въ природѣ нѣтъ ни свѣта, ни звука, но въ природѣ происходятъ колебанія атомовъ со скоростію 280 тысячъ верстъ въ секунду около нѣкоторыхъ неподвижныхъ центровъ (т. е. атомы движутся около этихъ центровъ на весьма незначительномъ разстояніи, но если измѣрить всю величину пройденнаго ими пространства въ секунду, то она окажется равною 280 тысячамъ верстамъ). Эти колебанія атомовъ передаются другимъ атомамъ и наконецъ доходятъ до глазъ организмовъ, на которые производятъ впечатлѣніе свѣта. Смотря по различію видовъ колебанія эфира, получаютъ ощущенія различныхъ цвѣтовъ. Явленія звуковъ представляютъ собою подобный же результатъ волнообразнаго движенія воздушныхъ или иныхъ массъ, достигающихъ слуховаго органа. Теорія звука и свѣта разработана уже давно. Давно также теплота разсматривается, какъ родъ движенія. О томъ, что явленія магнетизма и электричества въ своей сущности то же суть явленія движенія, говорили уже десятки лѣтъ назадъ, но

строгой теоріи, истолковывающей факты электро-магнетизма, нѣтъ до сихъ поръ, однако многое уже сдѣлано въ этомъ направленіи. Работы Максвелла установили связь явленій свѣтовыхъ съ электро-магнитами. Работы Герца дали много матеріала для утвержденія, что явленія магнитныя и электрическія суть явленія чрезвычайно различныхъ видовъ волнообразнаго дрожанія эфира, свѣтовыея и тепловыя явленія представляютъ частный видъ этихъ движеній. Подтвержденіе этому находятъ и въ открытіи Рентгена.

Сущность химическихъ явленій состоитъ въ томъ, что въ результатѣ соединенія нѣсколькихъ тѣлъ получается новое тѣло, обладающее совершенно особенными свойствами, чѣмъ тѣ тѣла, изъ которыхъ оно составлено. Такъ вода—эта общезвѣстная жидкость—образуется изъ соединенія двухъ тѣлъ—водорода и кислорода, которые газообразны и обладаютъ горючими свойствами, т. е. значить, совершенно не похожи на то, что производятъ. Другой обратный рядъ химическихъ явленій состоитъ въ томъ, что данное тѣло разлагается на нѣсколько новыхъ, изъ которыхъ оно было составлено, непохожихъ на него. Такъ, воду при помощи электрическаго тока можно разложить на водородъ и кислородъ. Еще нѣсколько десятилѣтій назадъ химическія явленія были покрыты таинственнымъ покровомъ и не существовало мало-мальски удовлетворительнаго ихъ объясненія. Съ возникновеніемъ термохиміи этотъ окутывавшій ихъ покровъ началъ мало по малу подниматься. Термохимія есть наука, опредѣляющая количество теплоты, выдѣляемое или поглощаемое при химическихъ реакціяхъ. Теплота есть родъ движенія. Оказывается, что всѣ химическія измѣненія въ тѣлахъ обуславливаются количествомъ выдѣляемой или поглощаемой теплоты, т. е. иначе говоря, являются слѣдствіемъ измѣненія характера движенія въ соединяемыхъ или разлагаемыхъ тѣлахъ. Предполагаютъ, что молекулы различныхъ химическихъ тѣлъ одарены различнаго рода движеніями. Если мы смѣшаемъ два тѣла, движенія молекулъ въ которыхъ происходятъ по сходственнымъ, такъ сказать, приблизительно параллельнымъ путямъ, то, очевидно, соединенія ихъ не произойдетъ, ибо не произойдетъ столкновенія между

атомами. Будетъ только смѣшеніе. Но если мы соединимъ тѣла, обладающія совершенно различными молекулярными движеніями, то тогда между молекулами этихъ тѣлъ начнутся столкновенія, произойдетъ выдѣленіе теплоты, являющееся обыкновенно при химическихъ соединеніяхъ; столкнувшіяся молекулы соединятся, энергія ихъ измѣнится (уменьшится, о чемъ свидѣтельствуется выдѣленіе теплоты), и явится новое тѣло съ новыми свойствами. Это объясненіе избирательнаго сродства, по которому тѣла съ наиболѣе противоположными свойствами (напримѣръ, элементы стоящіе по концамъ одного періода химической системы) должны наиболѣе энергично стремиться къ соединенію, подтверждается фактами химіи. Подтверждаясь этими фактами, оно вмѣстѣ съ тѣмъ объясняетъ, почему химическія соединенія такъ или иначе отличаются отъ образующихъ его элементовъ.

Явленія біологическія тоже суть явленія движенія. Что фізіологическіе процессы управляются исключительно законами физики и химіи, въ этомъ не сомнѣваются. Невыясненнымъ пока остается вопросъ о томъ, какъ неорганическая матерія преобразуется въ органическую. Пржеде предполагали здѣсь участіе какого-то таинственнаго виталистическаго начала, но теперь признаютъ, что и въ этомъ началѣ нѣтъ нужды. Элементы матеріи, говорятъ, могутъ вступать въ соединенія троякаго рода: механическое, химическое и органическое, и соединеніе становится тѣмъ или инымъ, смотря потому, какъ близко частицы соединились между собою и какой характеръ движенія онѣ имѣютъ. Что между этими тремя родами соединенія нѣтъ радикальнаго различія, это подтверждается все болѣе. Такъ, можно указать соединенія, о которыхъ трудно сказать—механическаго или химическаго они характера, таковы, наприм., растворы и сплавы. Повидимому это соединенія механическаго характера, ибо здѣсь нарушается одинъ изъ основныхъ химическихъ законовъ, по которому два или нѣсколько тѣлъ могутъ вступать въ соединеніе въ опредѣленныхъ вѣсовыхъ отношеніяхъ. Если намъ нужно образовать поваренную соль и намъ дано извѣстное количество натрія, то мы должны будемъ взять строго опредѣленное количество

хлора. Но въ растворахъ мы можемъ подливать сколько угодно растворителя, а въ сплавахъ можемъ сплавлять какое угодно количество одного металла съ другимъ. Такимъ образомъ, повидимому, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ явленіями механическими. Но обратившись къ другой сторонѣ дѣла, мы должны будемъ отвергнуть это предположеніе. Такъ, напримеръ, оказывается, что сплавы тверже каждаго изъ сплавляемыхъ металловъ. Въ суммѣ такимъ образомъ оказывается больше, чѣмъ въ слагаемыхъ. Этого не бываетъ при механическихъ явленіяхъ, но это происходитъ при явленіяхъ химическихъ. Точно также растворы являютъ намъ новыя свойства, которыхъ не было ни въ растворителѣ, ни въ растворяемомъ веществѣ. Вслѣдствіе этихъ фактовъ установился взглядъ на растворы и сплавы, какъ на соединенія частію механическаго, частію химическаго характера (неустойчивыя химическія соединенія). Полагаютъ, что подобнымъ образомъ и между химическими и органическими соединеніями не существуетъ непереходимой грани. Уже со времени Велера, когда онъ путемъ выпариванія ціано-аміачной соли получилъ мочевины, мысль эта стала представляться возможной. Съ тѣхъ поръ много тѣхъ соединеній, которыя приготовляетъ организмъ, было приготовлено въ лабораторіяхъ. Правда, всѣ приготовленныя искусственнымъ путемъ вещества не суть составныя части организма, а его отбросы; того, что живетъ и что участвуетъ въ жизни, химики искусственнымъ путемъ произвести не могли. Но что и это живое возникло нѣкогда изъ неживого, что положеніе *omne vivum ex vivo* невѣрно или, что пожалуй, вѣрно положеніе *omne est vivum*, это представляется несомнѣннымъ всѣмъ натуралистамъ.

Съ фізіологической стороны жизнь можетъ быть опредѣляема, какъ *процессъ, состоящій въ томъ, что вещество употребляетъ себѣ окружающую среду*. Все живое питается и размножается; принимая въ себѣ постороннія вещества, живое дѣлаетъ ихъ тѣмъ, что оно есть само, въ размноженіи все живое стремится повторять само себя. Сравнительно простѣйшая форма, въ которой проявляетъ себя жизнь, есть растительная клѣточка. Элементарная анатомія клѣточки такова;

замкнутая оболочка, внутри которой содержится полужидкое вещество (протоплазма), въ которомъ находится небольшое твердое тѣльце (ядро). Существуетъ много одноклѣточныхъ организмовъ; таковы многія одноклѣточные водоросли. Ихъ жизнь заключается въ слѣдующемъ: изъ окружающей среды сквозь оболочку въ клѣточку проникаютъ по закону диффузіи газообразныя вещества и соли въ растворѣ, здѣсь они вступаютъ въ химическое соединеніе съ содержимымъ клѣточки и уподобляются ему, лишнее путемъ диффузіи выходитъ изъ клѣточки (напр., кислородъ, освобождающійся вслѣдствіе разложенія углекислоты), но въ общемъ въ клѣточку входитъ всего гораздо болѣе, чѣмъ, изъ нея выходитъ, вслѣдствіе чего она увеличивается. Затѣмъ въ клѣточкѣ происходитъ рядъ механическихъ процессовъ, вслѣдствіе которыхъ изъ одного ядра въ клѣточкѣ образуются два, между этими ядрами вырастаетъ пленка, такая же, какъ оболочка клѣточки, и клѣточка распадается на двѣ, изъ которыхъ каждая затѣмъ начинаетъ жить самостоятельною жизнью. Таковъ процессъ въ одноклѣточныхъ организмахъ. Въ многоклѣточныхъ организмахъ жизнь въ сущности сводится къ тому же, только тамъ въ отпращиванія клѣточекъ внесено болѣе раздѣленія труда. Это раздѣленіе труда или, говоря иначе, раздѣленіе отпращиваній мы видимъ уже и въ одной клѣточкѣ: въ ней много различныхъ химическихъ соединеній, обуславливающихъ физическое различіе составляющихъ ее частей. Различныя физически и химически тѣла находятся въ клѣточкѣ въ такомъ соединеніи, что изъ нея почти ничего не выходитъ нужнаго ей, а въ нее открытъ свободный притокъ извнѣ полезнаго для нея. Понять возможность такого механизма, который беретъ, но не отдаетъ, не трудно: припомнимъ изъ физики хотя бы нагнетательный насосъ; понять, почему клѣточка беретъ извнѣ только нужное для нея, тоже неособенно затруднительно; припомнимъ изъ физики законъ диффузіи. Частицы газовъ, а затѣмъ и жидкостей стремятся равномерно разсѣяться въ пространствѣ, притомъ онѣ обладаютъ способностію проникать черезъ перепончатыя перегородки, каковую перегородку представляетъ собою и оболочка клѣточки. Проникнувъ въ клѣ-

точку, нужныя ей вещества преобразуются въ новыя соединенія, которыя уже не могутъ переходить черезъ перепончатыя перегородки. Вслѣдствіе этого нужныя клѣточкѣ вещества снова будутъ устремляться къ ней и проникать въ нее, ибо ихъ тамъ нѣтъ (онѣ перешли въ новыя соединенія), а онѣ стремятся къ равномерному распредѣленію; не нужныя же, проникнувъ въ клѣточку въ незначительномъ количествѣ, перестанутъ притекать болѣе, потому что и внѣ клѣточки находятся въ такомъ же количествѣ, какъ и внутри ея, между ними установится равновѣсіе. Понятно, для того, чтобы быть такимъ механизмомъ, который принимаетъ въ себя все нужное и выбрасываетъ изъ себя негодное, одноклѣточный организмъ долженъ быть въ сущности очень сложнымъ комплексомъ частей и химическихъ соединеній. Онъ такимъ и является. Въ многоклѣточныхъ организмахъ это раздѣленіе на различныя части (органы и полы) выступаетъ все болѣе и болѣе по мѣрѣ того, какъ мы поднимаемся по біологической лѣстницѣ. Но все это разнообразіе органовъ и внѣшняго строенія, все это разнообразіе внѣшнихъ формъ приспособлено лишь къ одной цѣли, чтобы изъ внѣшней среды въ организмъ входили нужныя вещества и уподоблялись ему. Все, съ чѣмъ организмъ вступаетъ во взаимоотношеніе, онъ стремится уподобить себѣ и, увеличиваясь въ объемѣ и размножаясь, онъ стремится превращать въ себя все большее и большее количество вещества; мохъ въ самое короткое время покрылъ бы весь земной шаръ своимъ унылымъ покровомъ, если бы онъ не встрѣчалъ себѣ противодѣйствія со стороны другихъ растительныхъ организмовъ. Внѣшнія неблагопріятныя условія и противодѣйствіе другихъ организмовъ препятствуютъ стремленію каждой органической особи уподобить себѣ окружающее. Механизмъ возникновенія, размноженія и распространенія организмовъ не выясненъ со всею строгостію въ своихъ основахъ, но изъ изложеннаго можно видѣть, что имѣются основанія падѣяться, что онъ будетъ выясненъ. Съ одной стороны, теперь готовятъ химическія соединенія все болѣе и болѣе приближающіяся къ органическимъ, съ другой стороны, теперь выяснено, что клѣточка не есть самый простой типъ жизни, она сама образуется изъ простѣйшихъ

элементовъ—біобластовъ, которые уже близко подходят къ неорганическому міру.

Таково въ общихъ чертахъ міровоззрѣніе научнаго матеріализма, истолковывающее механическую и фізіологическую стороны міра (о психической жизни мы пока не говоримъ). Матерія здѣсь представляется сущностію и принципомъ всего. Ея комбинаціи производятъ все разнообразіе жизни во вселенной. Обращаться за объясненіемъ міровыхъ явленій еще къ какому-то высшему началу, говорятъ, и излишне и неразумно, но, конечно, и позволительно и желательно выяснитъ себѣ, какъ можно строже, что же представляетъ собою это начало? Что такое матерія? Если матерія есть совокупность атомовъ, то спросимъ: что такое атомъ? Прежде всего повидимому какая-то геометрическая форма: шаръ, эллипсоидъ, параллелипипедъ, пирамида? Однако изъ одной формы нельзя построить міра, и вотъ—въ нее вливаютъ содержаніе. Говорятъ, что атомы обладаютъ абсолютной твердостью, но здѣсь при первой попыткѣ выйти за предѣлы чистой геометріи мы вступаемъ въ безъисходный логическій кругъ противорѣчій. Твердость есть свойство тѣлъ, выводимое изъ законовъ тяготѣнія. Твердость тѣла обусловливается степенью близости его частицъ между собою и силою ихъ взаимнаго притяженія. Такимъ образомъ твердость объясняется притяженіемъ, а не притяженіе твердostí. Затѣмъ, если атому присуща абсолютная твердость, то спрашивается, какъ съ этою абсолютною твердostí можетъ у него связываться какое-либо количество энергіи? Согласно современной фізической теоріи, которую нельзя оправдать опытомъ, фізическое тѣло станетъ абсолютно твердымъ, когда температура его будетъ доведена до 273 градусовъ ниже нуля по Цельсію. Между частицами такого тѣла не будетъ никакихъ промежутковъ, оно представитъ собою одно сплошное цѣлое, въ которомъ не происходитъ никакихъ движеній, свойства атома и свойства этого тѣла повидимому тождественны. Возможно ли такое абсолютно твердое тѣло, возможно ли движеніе такого тѣла, возможна ли передача однимъ такимъ тѣломъ движенія другому тѣлу? Механика

постоянно предполагаетъ это, ея теоремы прежде всего относятся къ абсолютно твердымъ тѣламъ, но во всякомъ случаѣ предположеніе о движеніи такихъ тѣлъ есть фикція, недопустимая съ философской точки зрѣнія. По закону инерціи такое тѣло, разъ начавши движеніе, будетъ продолжать его и тогда, когда сила, вызвавшая это движеніе, прекратитъ свое дѣйствіе. Положимъ, какое-нибудь такое тѣло и двигается со скоростью U по направленію AB . Въ данный моментъ, положимъ, оно находится въ точкѣ C . Спрашивается, какая причина заставила наше тѣло двигаться далѣе? По отношенію къ обыкновеннымъ тѣламъ, движущимся по инерціи, мы предполагаемъ, что они заключаютъ въ себѣ сообщенное имъ количество движенія; мы не знаемъ, какъ передается эта движущая сила; какъ связывается она съ веществомъ тѣла, но мы знаемъ, что это—фактъ. Мы не умѣемъ объяснить его, но мы допускаемъ возможность его объясненія, ибо мы не знаемъ въ сущности строения тѣла, не знаемъ его субстанціи. Но если намъ говорятъ, что данное тѣло характеризуется свойствомъ абсолютной твердости и только этимъ свойствомъ, то связь этой абсолютной твердости, абсолютной непроницаемости или—что тоже—абсолютной смерти съ энергіей представляется намъ недопустимой. Особенно наглядно это открывается при разсмотрѣніи вопроса о передачѣ движенія. Атомъ ab въ своемъ движеніи точкою b коснулся точки c атома cd и передалъ ему нѣкоторую долю своего движенія. Какъ могла совершиться эта передача? Для простоты предположимъ ударъ центральнымъ (т. е. что точка столкновенія c лежитъ на прямой линіи, соединяющей центры атомовъ). Въ атомѣ ab не можетъ происходить никакихъ молекулярныхъ движеній, въ атомѣ cd ихъ тоже не происходитъ. Движеніе атома cd послѣ толчка должно начаться съ точки d (діаметрально противоположно точкѣ c), но b дѣйствуетъ не на d , а на c . Но c не имѣетъ возможности двигаться подѣ дѣйствіемъ этого толчка, ибо все пространство на пути движенія передъ c наполнено массою атома cd , для c можетъ быть освобождено мѣсто только движеніемъ, начавшимся съ d . Но мы не видимъ причины этого движенія, и у

насть получается, что движеніе возникаетъ не тамъ, гдѣ есть причина движенія, а тамъ, гдѣ ея нѣтъ.

Вмѣсто теоріи абсолютно твердыхъ другіе выдвигаютъ теорію абсолютно упругихъ атомовъ. Но упругость, если ее разсматривать, какъ первоначальное свойство, представляетъ собою нѣчто очень мистическое и непонятное, напротивъ, механика очень удобно выводитъ намъ свойство упругости изъ формулы притяженія. Механика называетъ упругими тѣ тѣла, которыя, будучи деформированы и затѣмъ предоставлены сами себѣ, возвращаются въ свое первоначальное состояніе. Въ природѣ не существуетъ ни абсолютно упругихъ, ни абсолютно неупругихъ тѣлъ. Но въ изслѣдуемой нами теоріи предполагается, что свойствомъ абсолютной упругости обладаютъ тѣ первоначальные элементы, изъ которыхъ строится природа— атомы. Но, вѣдь, если это такъ, если упругость есть первоначальное свойство, не допускающее объясненія, то тогда мы лишены возможности объяснять дѣтямъ упругость резинового мячика, упругость легко объяснимую изъ нѣкоторыхъ высшихъ законовъ. Затѣмъ, въ такомъ случаѣ законъ тяготѣнія, оставаясь по старому непонятнымъ, вдобавокъ явится уже не первоначальнымъ фѣзическимъ закономъ, а вторичнымъ и притомъ всетаки не подлежащимъ объясненію. Дѣло вотъ въ чемъ. По теоріи должно предполагаться, что явленія притяженія должны быть слѣдствіемъ существованія сталкивающихся между собою упругихъ атомовъ. Мы показали выше, что притяженіе можетъ обнаружиться, когда въ двухъ или нѣсколькихъ мѣстахъ нѣсколько атомовъ соединятся вмѣстѣ. Дѣйствительно, два абсолютно твердыхъ тѣла, будучи соединены вмѣстѣ, становятся однимъ. Это можно пояснить опытомъ. Если два прекрасно отшлифованныхъ плоскихъ стекла сложить вмѣстѣ и подвергнуть сильному давленію, то они соединятся въ одно и станутъ однимъ. Но если два упругія тѣла довести до непосредственнаго соприкосновенія, то отъ этого не получится неразрывнаго соединенія и малѣйшее давленіе на одно произведетъ то, что отъ него отскочитъ другое. Такимъ образомъ теорія абсолютно упругихъ атомовъ не можетъ намъ объяснить проис-

хождение притягивающихся или—что тоже—вѣсомыхъ тѣлъ. Вотъ почему лица, держащіяся этой теоріи, допускаютъ обыкновенно существованіе нѣсколькихъ видовъ первоначальной матеріи: эфира и вѣсомой матеріи или даже зона, эфира и вѣсомой матеріи. Что дѣйствительно существуетъ два вида матеріи: вѣсомая и невѣсомая, и что простое сгущеніе первой не превращаетъ ее во вторую, утверждать это современная физика имѣетъ много основаній. Пытаются доказывать это опытомъ. Повѣсимъ между полюсами электромагнита на нити монету и заставимъ ее вращаться. Монета будетъ вращаться—закручивать нить. Пропустимъ черезъ электромагнитъ электрическій токъ. Мы увидимъ тогда, что ранѣе свободно вращавшаяся монета станетъ двигаться, какъ бы въ нѣкоторой тѣстообразной средѣ—движеніе ея замедлится или даже совсѣмъ прекратится. Это объясняютъ тѣмъ, что въ данной средѣ произошло сгущеніе эфира, однако вѣсъ этой среды не увеличился и не уменьшился, она по прежнему вѣситъ столько, сколько вѣситъ находящійся въ ней воздухъ.

Попытки объяснить міровой законъ тяготѣнія изъ какого-либо свойства матеріи, полагаемъ, всегда были и будутъ неудачными. Въ основѣ ихъ всѣхъ лежитъ *petitio principii*. Всегда притяженіе объясняли ихъ такого свойства матеріи, которое само есть и всегда считалось слѣдствіемъ дѣйствія притяженія. Но достаточно признать притягивающую и отталкивающую силу изначальными силами, тогда не только не нужно будетъ приписывать матеріи какихъ либо еще свойствъ для объясненія міровыхъ явленій, но не нужно будетъ даже допускать особаго существованія матеріи, тогда ее можно будетъ разсматривать, какъ явленіе, какъ видимое обнаруженіе невидимыхъ силъ—прежде всего притягивающей и отталкивающей. Силу отталкивающую обыкновенно пытаются тоже объяснить изъ силы притягивающей. Если опустятъ въ воду деревянный шаръ и будутъ придерживать его рукою то почувствуютъ, что вода отталкиваетъ его кверху. Однако это отталкиваніе, говорятъ, есть исключительно слѣдствіе притягивающаго дѣйствія центра земли. Вода, какъ вещество болѣе тяжелое, чѣмъ дерево,

стремится занять по отношенію къ центру земли болѣе близкое мѣсто и тѣснить дерево кверху отъ себя. Но если анализировать глубже и этотъ фактъ, то окажется, что вывести отталкиваніе изъ притяженія нельзя. Вода толкаетъ дерево кверху, потому что въ ней, когда въ нее введено дерево, давленіе снизу вверхъ сильнѣе давленія сверху въ низъ, между тѣмъ какъ, когда въ водѣ нѣтъ постороннихъ тѣлъ, то въ ней давленія во всѣхъ направленіяхъ равны. Что же это такое за давленіе, производимое частицами воды во всѣ направленія? А это—упругость, состоящая въ томъ, что когда частицы тѣла сблизятъ между собою больше, чѣмъ въ какомъ разстояніи онѣ находятся нормально, то въ нихъ развивается отталкивательная сила. Такимъ образомъ въ выведеніи силы отталкивающей изъ силы притягивающей лежитъ то же злополучное *petitio principii*, какъ и въ объясненіяхъ явленія тяготѣнія. Говорятъ, что если допустить существованіе этихъ обѣихъ силъ, то при равенствѣ ихъ онѣ уничтожатъ одна другую, при преобладаніи какой либо одной остается одна или притягивающая или отталкивающая преобладающая. Это—неправда, если мы представимъ, что эти силы равны, но что законы ихъ дѣйствія различны, то онѣ обѣ будутъ сохранять свое дѣйствіе. Притяженіе происходитъ обратно пропорціонально квадрату разстоянія, законъ дѣйствія отталкивающей силы въ матеріи намъ неизвѣстенъ (въ магнитныхъ и электромагнитныхъ явленіяхъ отталкиваніе дѣйствуетъ то же обратно пропорціонально квадрату разстоянія; но тамъ отталкиваніе и притяженіе дѣйствуютъ иначе, чѣмъ въ матеріи вообще и поэтому законы электромагнитныхъ явленій нельзя распространять на все вещество), но достаточно только предположить, что онъ иной, и все будетъ можно объяснить. Допустимъ, что отталкиваніе дѣйствуетъ обратно пропорціонально кубу разстоянія. вмѣсто куба можно взять какую угодно только не первую степень и не квадратъ. Выводъ будетъ аналогичнымъ, можно даже взять и въ концѣ концовъ можетъ быть окажется, что это и соотвѣтствуетъ дѣйствительности—какое нибудь сложное выраженіе. Для простоты дока-

зательства удобнѣе всего взять кубъ. Допустимъ, что къ какой нибудь точкѣ А приложена сила притягивающая и сила отталкивающая. Пусть на разстояніи R отъ А напряженность притягивающей силы будетъ равна f, напряженность отталкивающей f₁, совокупное дѣйствіе этихъ взаимныхъ силъ будетъ равно $\frac{f}{R^2} - \frac{f_1}{R^3} = \frac{1}{R^2} (f + \frac{f_1}{R})$. При возрастаніи разстоянія отъ А дробь $\frac{f_1}{R}$ будетъ быстро уменьшаться, сдѣлается столь ничтожною, что ея вліянія нельзя будетъ замѣтить въ опытѣ и точка А представится намъ, какъ исключительно притягивающая обратно пропорціоально квадрату разстоянія. При уменьшеніи R дѣло измѣнится. На нѣкоторомъ (опытъ показываетъ: на весьма маломъ, молекулярномъ) разстояніи отъ А величины $\frac{f}{R^2}$ и $\frac{f_1}{R^3}$ должны оказаться равными; при дальнѣйшемъ приближеніи къ центру (R тогда становится дробью) будетъ преобладать сила отталкивательная и быстро возрастающая въ точкѣ А эта сила становится безконечною (∞). Важно разсмотрѣть взаимодѣйствія силъ f и f₂, въ той области, гдѣ напряженность ихъ равна; тамъ, $\frac{f}{R^2} = \frac{f_1}{R^3}$. Это равенство будетъ имѣть мѣсто на всѣхъ точкахъ удаленныхъ отъ А на разстояніи R. Оно, слѣдовательно, осуществится на сферической поверхности $4 \Pi R^2$, принадлежащей шару, имѣющему объемъ $\frac{4}{3} \Pi R^3$. Въ названной сферѣ нашъ шаръ будетъ притягивать, на своей поверхности онъ не будетъ оказывать ни притягивающаго, ни отталкивающаго дѣйствія, попыткамъ проникнуть внутрь сферѣ онъ будетъ выражать сопротивленіе отталкиваніемъ. Очевидно, сочетаніе притягивающей и отталкивающей силъ f и f₁, дадутъ явленіе матеріальнаго шара, имѣющаго радіусъ R. Сторонники динамическаго міровоззрѣнія и полагаютъ, что матерія есть ни болѣе, ни менѣе, какъ подобное явленіе, видимое обнаруженіе невидимыхъ силъ. Но на самомъ дѣлѣ здѣсь еще кое-чего не достааетъ. Матеріальный шаръ не только притягиваетъ и отталкиваетъ, но еще притягивается и отталкивается, не только дѣйствуетъ, но и подчиняется воздѣйствіямъ. Въ обыденномъ представленіи и

мышленіи матерією собственно и называется эта пассивная, страдательная сторона бытія, а силу представляютъ какимъ-то внѣшнимъ активнымъ началомъ. Ихъ раздѣляютъ, и это раздѣленіе ведетъ къ очень страннымъ выводамъ. Если бы на самомъ дѣлѣ существовала сила дѣйствующая, но сама не подчиняющаяся никакому воздѣйствію, то эта сила—какъ бы она ни была ничтожна—могла бы переверотить весь міръ. Съ другой стороны, если бы въ матеріи не было активного элемента, мы бы никогда не узнали о ея существованіи: она отступала бы передъ нашимъ воздѣйствіемъ, не оказывая намъ сопротивленія, и она не могла бы дѣйствовать на наши чувства. Для того, чтобы было то, что существуетъ дѣйствительно, физическій міръ, нужно, чтобы тѣ начала, изъ которыхъ онъ слагается, были вмѣстѣ активны и пассивны, дѣйствовали и воспринимали бы дѣйствія. Бытіе, чтобы быть, должно быть и активнымъ и пассивнымъ. Разнообразіе міровыхъ явленій утверждаетъ далѣе, что активныя и пассивныя міровыя начала не суть нѣчто уныло—однообразное, но что и съ своей активной и пассивной стороны они чрезвычайно различны и многообразны. Теорія единства матеріи и силы, по которой все разнообразіе природы слагается изъ движенія однообразныхъ атомовъ, по которой въ природѣ нѣтъ ни вкусовъ, ни цвѣтовъ, ни запаховъ, ни тепла, ни холода и по которой глухой и слѣпой имѣютъ болѣе правильное представленіе о мірѣ, чѣмъ зрячій и слышачій, эта теорія противорѣчащая непосредственнымъ наблюденіямъ, всѣмъ требованіямъ человеческой природы, оказывается опровергающеюся и научными изслѣдованіями. Говорятъ о единствѣ матеріи, но на самомъ дѣлѣ принятіе этой гипотезы ведетъ только ad absurdum и нисколько не помогаетъ уясненію дѣйствительности. Гипотеза эта стоитъ въ противорѣчій съ фактами теплоемкости. Житейскій опытъ, какъ и физика, постоянно показываютъ намъ, что теплоемкость различныхъ тѣлъ различна: желѣзо нагрѣть легко, воду нагрѣть очень трудно. Для того, чтобы нагрѣть одинъ килограммъ ртути съ 0° на 1° по Цельсію, нужно только $\frac{1}{30}$ часть той теплоты, которая требуется для такого

же нагрѣванія такого же количества воды. Новѣйшая химія установила, что произведеніе атомнаго вѣса на удѣльную теплоту есть величина постоянная. Атомный вѣсъ золота равенъ 197, удѣльная теплота 0,0324, произведеніе 6,38; атомный вѣсъ желѣза 6,37 (колебанія, надо полагать, зависятъ отъ различія въ физическомъ состояніи элементарныхъ веществъ, по устраненіи различія условій, произведеніе у всѣхъ тѣхъ вѣроятно будетъ равно 6,34). Этотъ фактъ очень удобно объясняютъ тѣмъ, что атомы всѣхъ простыхъ тѣлъ обладаютъ одинаковою теплоемкостію, но они качественно различны между собою. Атомъ желѣза вѣситъ въ два раза менѣе, чѣмъ атомъ кадмія. Для нагрѣванія атома кадмія и атома желѣза нужно одно и то же количество теплоты, но очевидно для нагрѣванія фунта желѣза нужно вдвое болѣе тепла, чѣмъ для нагрѣванія фунта кадмія, потому что въ фунтѣ желѣза атомовъ вдвое болѣе, чѣмъ въ фунтѣ кадмія. Если бы была справедлива теорія единства матеріи, то тогда равныя по вѣсу количества различныхъ веществъ требовали бы для своего нагрѣванія равнаго количества теплоты. Представляющееся возраженіе, что различіе теплоемкости, можетъ быть, обусловливается различіемъ характера соединеній, а не качественнымъ различіемъ атомовъ, устраняется тѣмъ, что опытъ показываетъ, что въ тѣлахъ сложныхъ теплоемкость нисколько не зависитъ отъ характера соединеній, а есть прямая функція теплоемкости элементовъ. Точно также спектральный анализъ показываетъ, что на солнцѣ и звѣздахъ находятся тѣ же простыя тѣла, какъ и на землѣ. Температура этихъ небесныхъ свѣтилъ несомнѣнно должна быть измѣряема тысячами градусовъ. Сложныя тѣла разлагаются подъ дѣйствіемъ высокихъ температуръ, но, оказывается, при самыхъ высокихъ температурахъ неба нѣкоторыя вещества являются какъ простыя. Они оказываются простыми при всѣхъ условіяхъ опыта и наблюденія. Къ чему же положительная наука будетъ дѣлать предположенія объ ихъ сложности? Въ опытѣ и наблюденіи они—предѣлъ простоты; бесполезно разсужденіе о возможности разложенія этого предѣла. Философія извѣстнаго направленія, не считающая для

себя затруднительнымъ отъ тысячъ градусовъ тепла шагать къ милліонамъ можетъ утверждать, что при температурѣ въ 10 милліоновъ градусовъ всѣ тѣла, которыя мы называемъ простыми, разложатся, но во—1) она не можетъ представить никакихъ доказательствъ своего утвержденія, во—2) это ея утвержденіе совершенно бесполезно для науки. Проходя амплитуду немного болѣе 100 градусовъ, вода три раза измѣняетъ свое состояніе: изъ твердаго переходитъ въ жидкое и изъ жидкаго въ газообразное. До температуры въ 273° холода не спустились ни опытъ, ни наблюденіе, и эта цифра носитъ названіе температуры абсолютнаго нуля. При температурѣ выше 1000 градусовъ вода разлагается на водородъ и кислородъ. Что будетъ съ кислородомъ и водородомъ при милліонѣ градусовъ? Возможно ли даже существованіе такой температуры? Это—область праздныхъ предположеній. Наука должна признать множественность началъ, не увлекаясь гипотезами, затрудняющими пониманіе дѣйствительности. (Эту множественность и признавалъ, напр., покойный Гирнъ, у насъ ее признаетъ Менделѣевъ). Нельзя признать и теоріи единства силы, разсматривающей всѣ явленія—тепловыя, звуковыя, свѣтovyя и т. д., какъ различные роды движенія.—Сила тяготѣнія проявляется въ томъ, что привлекаетъ матеріальные атомы другъ къ другу всюду въ необъятномъ пространствѣ. Сила тепла обнаруживается въ томъ, что она сдерживаетъ при перемѣнныхъ разстояніяхъ тѣ части, которыя сила тяготѣнія стремится сблизить. Электричество проявляется въ томъ, что оно группируетъ молекулы согласно принципу сродства. Напряженіе силы тяготѣнія остается неизмѣннымъ,—электрическія и тепловыя напряженія постоянно измѣняются. Еслибы теплота и электричество были особыми состояніями силы тяготѣнія, то напряжимость послѣдней измѣнялась бы при превращеніи ея части въ другія силы, но этого нѣтъ; слѣдовательно, тяготѣніе—особый динамическій дѣятель, а не модификація того же начала, которое въ другихъ случаяхъ проявляется, какъ электричество и тепло. Къ тому же выводу приводятъ и другіе факты. Сила тяготѣнія дѣйствуетъ на всю массу мате-

ри, на матеріальный атомъ въ его цѣломъ, электричество и тепло дѣйствуютъ только на периферію атомовъ, имѣютъ дѣло лишь съ ихъ числомъ. Представимъ себѣ два равныхъ неупругихъ шара движущихся съ равною скоростію одинъ на встрѣчу другому. Они встрѣчаются и останавливаются. Куда исчезла сила движенія? Она, говорятъ, перешла въ теплоту, температура шаровъ повысилась. Сущность этого явленія по теоріи единства силъ состояла въ томъ, что видимое движеніе шаровъ превратилось въ невидимое движеніе ихъ частицъ. Но если эти шары атомы и у нихъ нѣтъ частицъ? Тогда они, говорятъ, непременно должны владѣть упругостію, и колебаніями упругихъ атомовъ собственно и объясняются явленія теплоты. Мы уже говорили, что упругость естественнѣе представить вторичнымъ, чѣмъ первичнымъ свойствомъ матеріи. Прибавимъ, что упругость есть функція температуры: съ повышеніемъ температуры упругость тѣлъ повышается. Какимъ же образомъ то, что является слѣдствіемъ теплоты, представляетъ его причиною? Приводятъ еще доводъ въ защиту теоріи единства физическихъ силъ. Указываютъ, что явленія свѣтоты, звуковыя суть субъективныя состоянія нашего сознанія, что различнаго рода движенія различнымъ образомъ воспринимаются нашими органами чувствъ: глазъ всякое движеніе воспринимаетъ, какъ свѣтъ; ухо—какъ звукъ. Ударъ по глазу—дастъ искры, ударъ по уху—шумъ. Разсуждающіе такъ упускаютъ изъ вида, что сложное явленіе удара можетъ заключать въ себѣ, какъ составные элементы, и звукъ, и свѣтъ, и ухо, и глазъ сообразно своей природѣ и воспринимаютъ эти специфическія стороны явленія. Поэтому сильный ударъ можетъ быть познанъ, какъ слабый звукъ. Съ другой стороны, если отъ удара произойдутъ патологическія измѣненія въ оконечностяхъ нервовъ, то, конечно, они будутъ реагировать неправильно, но сущность этой неправильности еще нуждается въ истолкованіи (ощущеніе шума въ ушахъ, происходящее при болѣзненномъ состояніи органа слуха, можетъ быть слѣдствіемъ усилившейся восприимчивости органа слуха къ мѣстнымъ проявленіямъ звуковой энергіи). Мы склонны думать, что энергій въ природѣ не

только не меньше, чѣмъ сколько знаетъ ихъ нашъ опытъ, но, напротивъ, пожалуй значительно больше. Что такое электричество? мы говоримъ о немъ, какъ о какой то особой силѣ, но, вѣдь, оно является намъ, какъ движеніе, какъ свѣтъ, звукъ, какъ химическія соединенія; мы ощущаемъ его какъ уколъ (извлеченіе искры статическаго электричества), какъ сотрясеніе (въ цѣпи), какъ сѣрный запахъ (носящійся въ воздухѣ послѣ разряда). Отчего бы намъ не отвести всѣ эти явленія подъ соотвѣтствующія группы—тепловыхъ, свѣтовыхъ, химическихъ соединеній и перестать говорить объ электричествѣ? Но мы не дѣлаемъ этого, потому что руководимся мыслию, что во всѣхъ приводимыхъ случаяхъ свѣтъ, звукъ суть только замѣщеніе электрической энергіи, отличной и отъ свѣта и отъ звука. Электричество вызываетъ въ насъ какое-то состояніе напряженія, какъ бы ощущеніе присутствія чего-то невидимаго, неслышимаго, неосязаемаго. Не есть ли оно обнаруженіе какого-то начала, для воспріятія котораго у насъ нѣтъ соотвѣтствующаго органа чувства? Не испытываютъ ли слѣпые, переходя изъ области мрака въ область свѣта, чувства подобнаго тому, какое испытываемъ мы, когда переходимъ изъ нейтральнаго въ наэлектризованное пространство?

Физическій міръ есть гармоническое сочетаніе различныхъ силъ, часть которыхъ—должно прибавить—только отчасти открывается намъ. Нашъ познавательный аппаратъ не можетъ сразу воспринять всего, дѣйствіе силъ онъ воспринимаетъ по частямъ: различныя силы, это—различныя стороны единаго бытія. Если вращать многогранникъ, то онъ будетъ обращаться къ намъ то плоскостью, то двуграннымъ, то тѣлеснымъ угломъ. Такъ и бытіе является намъ, то какъ тепло, какъ звукъ, то какъ свѣтъ. Это послѣдовательное воспріятіе различныхъ элементовъ бытія познается нами, какъ эквивалентное замѣщеніе однихъ силъ другими. Есть свѣтъ; исчезаетъ свѣтъ, является электричество (если въ проволоку, соединяющую два гальваническихъ элемента, вставить селенъ, то въ присутствіи свѣта тока не явится; исчезнетъ свѣтъ и гальванометръ покажетъ присутствіе электричества). Исчезаетъ

электричество, является движеніе (хотя бы въ электрическихъ трамваяхъ). Исчезаетъ движеніе, является теплота (тѣло, упавшее на землю, нагрѣвается). Исчезаетъ теплота, является притяженіе (шаръ съ нагрѣтымъ воздухомъ держится въ атмосферѣ, не подвергаясь дѣйствию земного притяженія; охлаждается находящійся въ немъ воздухъ, онъ сжимается, тяжелеетъ—т. е., сохраняетъ тотъ же вѣсъ въ меньшемъ объемѣ—и подъ дѣйствиемъ земного притяженія падаетъ на землю). Можно найти математическія формулы, выражающія законы замѣщенія силъ, но эти формулы ничего не будутъ говорить въ пользу теоріи ихъ единства.

Наше сравненіе взаимнаго сочетанія силъ съ сочетаніемъ элементовъ въ многогранникѣ направляетъ мысль къ двумъ выводамъ, 1) что силы соединены между собою также нерасторжимо, какъ элементы въ многогранникѣ (нельзя отдѣлить ребра отъ плоскостей и тѣлеснаго угла отъ ребръ) и 2) что чѣмъ совершеннѣе орудія познанія, тѣмъ въ большей мѣрѣ силы могутъ быть воспринимаемы сразу (какъ бы ни былъ великъ шаръ, человекъ можетъ помѣститься надъ нимъ на такомъ пунктѣ, что ему сразу будетъ видно все полушаріе).

То, что мы называемъ матеріею и силою, оказывается сложнымъ и многообразнымъ. Природу матеріи и силъ постигнуть не легко и она далеко еще не постигнута. Матерія и сила дѣйствуютъ въ пространствѣ и во времени. Разсматривая явленія по ихъ напряженности (интенсивности), мы разсматриваемъ еще ихъ по ихъ притяженности (въ пространствѣ) и продолжительности (во времени). Чтобы лучше понять ихъ съ этихъ сторонъ, мы должны стараться по возможности понять, что такое протяженность и продолжительность, что такое пространство и время. Обычное естественно-научное міро-пониманіе не занимается изслѣдованіемъ этихъ формъ, въ которыхъ открывается все чувственное бытіе. Оно принимаетъ ихъ, какъ онѣ даются непосредственно. Не трудно показать, что это ведетъ къ нелѣпымъ выводамъ.

На основаніи обычныхъ воззрѣній на пространство построе-

на Эвклидова геометрія. Есть въ этой геометріи теорія, имѣющая очень важное значеніе на практикѣ, это—теорія подобныхъ фигуръ и тѣлъ. Двѣ фигуры или два тѣла называются подобными, когда взаимоотношеніе элементовъ въ одномъ изъ нихъ совершенно тождественно съ взаимоотношеніемъ соотвѣтствующихъ элементовъ въ другомъ. Такъ, если мы представимъ себѣ одинъ треугольникъ, стороны котораго равны a , b и c и затѣмъ другой, стороны котораго равны ma , mb , mc , то такіе треугольники будутъ подобны, углы въ нихъ будутъ одинаковы (α , β и $2d-\alpha-\beta$ въ одномъ и другомъ), отношенія сторонъ лежащихъ противъ равныхъ угловъ въ треугольникахъ будутъ тождественны ($ma:mb=a:b$). Точно также, если мы представимъ себѣ два цилиндра, отношеніе осей у которыхъ къ діаметрамъ основаній равны ($nR:nR=R:R$), то такіе цилиндры тоже называются подобными. На подобіи подобныхъ фигуръ и тѣлъ основывается устройство моделей, снятіе плановъ и т. д. Такъ, глобусъ есть модель земнаго шара. Если мы представимъ себѣ глобусъ, имѣющій два аршина въ діаметрѣ, и припомнимъ, что діаметръ земнаго шара равенъ 12 тысячамъ верстамъ (не много менѣе), то мы получимъ, что всѣ обозначенія на нашемъ глобусѣ соотвѣтственно меньше обозначаемыхъ ими разстояній на земномъ шарѣ въ 9 милліоновъ разъ, т. е., во столько же, во сколько 2 аршина менѣе 12 тысячъ верстъ. Въ подобныхъ тѣлахъ отношеніе поверхностей равно отношенію квадратовъ линейныхъ разстояній. Такъ, поверхность нашего глобуса будетъ не въ 9 милліоновъ разъ меньше поверхности земнаго шара, а 9 милліоновъ разъ въ квадратѣ ($9,000,000^2$). Таково будетъ отношеніе поверхности Европы на глобусѣ къ дѣйствительной Европѣ, таково будетъ отношеніе поверхностей острововъ, материковъ, озеръ, морей на глобусѣ къ соотвѣтствующимъ поверхностямъ земли. Отношеніе подобныхъ тѣлъ равно кубу отношенія ихъ линейныхъ разстояній. Такъ нашъ глобусъ окажется въ 9 милліоновъ разъ въ кубѣ ($9,000,000^3$) меньше земнаго шара.

Теперь представимъ себѣ, что какое-нибудь существо съ сверхчеловѣческими силами и способностями, руководясь изложенною нами теоріею, захотѣло бы построить модель солнечной системы. Положимъ, модель настолько малую, что ее легко могла бы зажать рука ребенка. Положимъ, далѣе, что наше воображаемое существо обладало бы способностями произвести подобныхъ намъ людей, животныхъ, растеній, живущихъ жизнью совершенно тождественною съ нашею и отличающихся отъ насъ только своими чрезвычайно микроскопическими размѣрами. Дѣйствіе всѣхъ физическихъ законовъ въ нашемъ новомъ мірѣ должно быть подчинено новымъ условіямъ. Такъ, свѣтъ въ нашемъ новомъ мірѣ долженъ пробѣгать въ секунду 280 тысячъ верстъ тамошнихъ, а не нашихъ и свѣтовая волна должна быть тамъ востолько разъ меньше нашей, востолько тамъ разстояніе между солнцемъ и землею меньше, чѣмъ у насъ. Теперь перенесемся мысленно въ эту систему. Передъ нами челоѣкъ съ той земли—земли настолько малой, что при помѣщеніи ее отъ насъ на разстояніи наилучшаго зрѣнія она не можетъ быть видима ни въ какіе микроскопы. Но мы легко и безъ микроскопа можемъ представить себѣ, какъ разсуждаетъ, чувствуетъ и оцѣниваетъ вещи нашъ проблематическій челоѣкъ. Совершенно такъ же, какъ и мы. Его земля для него такъ же велика, какъ для насъ наша, его солнце отъ него такъ же далеко, какъ и отъ насъ наше. Онъ съ такою же гордостію, какъ и мы, говоритъ о величіи силъ челоѣка, создавшаго желѣзныя дороги въ короткое время переносящія путешественниковъ на громадныя разстоянія, онъ гордится телескопомъ, при помощи котораго ему удалось наблюдать удивительныя явленія на солнцѣ, гордится микроскопомъ, при помощи котораго онъ открылъ удивительный міръ микроорганизмовъ. Онъ такъ же, какъ и мы, говорилъ бы о безконечности пространства. Сдѣлаемъ еще одно предположеніе. Допустимъ, что какой-нибудь челоѣкъ съ нашей земли былъ незамѣтнымъ для него образомъ перенесенъ на ту землю, причемъ размѣры его соотвѣтственно бы уменьшились. Такъ какъ

между тою землею и нашею мы предполагаемъ полное соотвѣтствіе, то допустимъ, что соотвѣтствующее лице нашему человѣку, перенесенному туда, было бы перенесено на нашу землю, причемъ соотвѣтствующимъ образомъ увеличилось бы. Замѣтили бы наши лица происшедшія съ ними перемѣны? Нѣтъ, не замѣтили бы: отношенія ихъ къ окружающимъ ихъ предметамъ и лицамъ остались бы неизмѣнными. Отсюда слѣдуетъ выводъ, что въ какое бы количество разъ не уменьшилась (или все равно и увеличилась) вселенная, мы этого бы не замѣтили; если бы сейчасъ, вотъ въ это самое мгновеніе вся вселенная свелась бы къ размѣрамъ одной точки, мы по-прежнему удивлялись бы ея величію и говорили бы о громадномъ разстояніи между звѣздами. Протагоръ говорилъ, что человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей, и это выраженіе справедливо въ геометрическомъ (измѣреніе разстояній) и въ физическомъ (измѣреніе силъ) смыслѣ. Между—звѣздныя пространства кажутся ему громадными, ибо число, выражающее отношеніе его собственной величины къ этимъ пространствамъ, превышаетъ его разумѣніе. Совокупность силъ, дѣйствующихъ въ мірѣ, оцѣнивается имъ также и по той же причинѣ. Но будучи мѣрою всѣхъ вещей, человѣкъ не имѣетъ мѣры для измѣрененія самого себя. Такимъ образомъ онъ познаетъ лишь отношенія между вещами, но не вещи. Онъ знаетъ, во сколько разъ разстояніе между солнцемъ и землею меньше разстоянія между солнцемъ и Нептуномъ, онъ знаетъ, во сколько разъ солнце сильнѣе притягиваетъ землю, чѣмъ земля солнце. Но онъ не только не знаетъ дѣйствительной величины ни одного предмета, но, какъ будто съ точки зрѣнія излагаемаго нами міропониманія, должно замѣтить, міропониманія всѣхъ ученыхъ, ему эти величины и не требуются. Онъ можетъ сказать: дайте мнѣ какое-нибудь малое количество пространства, матеріи и силъ и вообще тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ образуется все существующее во вселенной, и я построю вамъ вселенную, которая для существъ живущихъ въ ней будетъ казаться такою же, какою для насъ кажется на-

ша. Онъ можетъ добавить, что можетъ быть и наша вселенная въ сущности бесконечно мала, и что только то обстоятельство, что мы сами представляемъ собою бесконечно малую часть этого бесконечно малаго цѣлаго, т. е., являемся тѣмъ, что алгебра называетъ бесконечно малой величиной втораго порядка, только это обстоятельство заставляетъ насъ разсматривать нашу вселенную, какъ бесконечно большую.

Профессоръ С. С. Глаголевъ.

(Продолженіе будетъ).

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

31 Марта № 6. 1900 года.

Содержаніе. Высочайшая отмѣтка.—Разъяснительныя постановленія Святѣйшаго Синода.—Отъ Хозяйственнаго Управленія при Святѣйшемъ Синодѣ.—Записка о засѣданіяхъ Харьковскаго Миссіонерскаго Совѣта 18—20 августа п. г. съ участіемъ священниковъ изъ зараженныхъ сектантствомъ селеній (продолженіе).—Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 18⁹⁸/99 учебный годъ (продолженіе).—Объявленіе.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Высочайшая отмѣтка.

Отъ Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, поступило къ Г. Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода сообщеніе о томъ, что, въ память и въ ознаменованіе Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, причтъ, староста и прихожане Георгіевской церкви слободы Гусинки, Кулянскаго уѣзда, Харьковской епархіи, пожертвовали въ сію церковь колоколъ, стоимостью 1,819 руб., и, кромѣ сего церковный староста крестьянинъ Константинъ Черный пожертвовалъ въ ту же церковь дарохранительницу, стоимостью 143 р.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ Синодальнаго Оберъ-Прокурора о такихъ выраженіяхъ вѣрноподданнческихъ и религіозно-патріотическихъ чувствъ Его Императорскому Величеству, въ 27-й день ноября 1899 года, благоугодно было Собственноручно начертать: „Прочелъ съ удовольствіемъ“.

Разъяснительныя постановленія Святѣйшаго Синода.

1) Отъ 13 января—2 марта 1900 г. за № 130, по вопросу: *можетъ-ли быть допускаемъ при выборахъ церковныхъ старостъ способъ избранія ихъ посредствомъ закрытой баллотировки.*

По § 14. Высочайше утвержденной 12 іюня 1890 года Инструкціи церковнымъ старостамъ, въ случаѣ, если въ собраніи избирателей не состоится открытаго и общаго согласенія на избраніе въ церковныя старосты одного изъ предложенныхъ прихожанамъ

кандидатовъ, выборы производятся простымъ большинствомъ голосовъ явившихся избирателей, причемъ пѣтъ указанія на самый способъ избранія—посредствомъ-ли открытой подачи голосовъ, или закрытой баллотировки, и по сему выборъ въ церковные старосты посредствомъ закрытой баллотировки не противорѣчить требованіямъ названной Инструкціи. Вслѣдствіе сего и имѣя въ виду, что выборъ, посредствомъ закрытой баллотировки въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ предупредить нарушеніе церковнаго благочинія криками и спорами, нетерпимыми по § 13 той же Инструкціи, Святѣйшій Синодъ, руководствуясь § 6 Инструкціи, по коей разъясненіе, дополненіе и измѣненіе правилъ оной принадлежитъ Святѣйшему Синоду, разъяснилъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда въ собраніи избирателей не состоится открытаго и общаго соглашенія на избраніе въ церковные старосты одного изъ предложенныхъ прихожанами кандидатовъ, выборы могутъ быть производимы и открытою подачею голосовъ, и закрытою баллотировкою.

2) Отъ 27 января—4 февраля 1900 г. за № 353, по вопросу *о правахъ по отбыванію воинской повинности учениковъ приготовительнаго и перваго классовъ духовныхъ училищъ.*

Принявъ во вниманіе, что въ духовномъ училищѣ, по § 9 Устава, полагается только четыре класса, приготовительный же классъ открывається по желанію мѣстнаго духовенства съ цѣлью дать дѣтямъ, поступающимъ въ духовныя училища, возможность получить правильную подготовку къ систематическому обученію въ послѣдующихъ классахъ, вслѣдствіе чего обучавшимся только въ приготовительномъ классѣ не выдаются установленныя для учениковъ штатныхъ классовъ свидѣтельства о поведеніи и успѣхахъ, Святѣйшій Синодъ, согласно заключенію Учебнаго Комитета, разъяснилъ, что ученики, прошедшіе курсъ приготовительнаго класса, а равно и поступившіе непосредственно въ первый классъ духовнаго училища, но выбывшіе изъ онаго до окончанія учебнаго года, не могутъ пользоваться по отбыванію воинской повинности правами окончившихъ курсъ въ заведеніяхъ третьяго разряда, и что права эти, на основаніи Устава о воинской повинности (изд. 1897 г., прилож. къ ст. 61, разр. второй, подразд. 1, п. 1), предоставляются лишь тѣмъ изъ неокончившихъ курса въ третьемъ классѣ духовнаго училища, которые пробыли не менѣе года въ штатномъ классѣ училища и получили отъ училищнаго начальства установленное свидѣтельство.

Отъ Хозяйственнаго Управленія при Святѣйшемъ Синодѣ.

Въ нѣкоторыхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ сообщены свѣдѣнія, заимствованныя изъ опубликованной въ «Пензенскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» за 1899 годъ (№№ 18 и 19) частной записки о проектируемомъ при Хозяйственномъ Управленіи при Святѣйшемъ Синодѣ учрежденіи для завѣдыванія страхованіемъ церковей и церковно-приходскихъ строеній, а также о расходахъ на это учрежденіе и страховыхъ тарифахъ.

По поводу этихъ сообщеній Хозяйственное Управленіе, по порученію Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что по настоящее время къ выработкѣ подробныхъ предположеній объ устройствѣ страхованія при семъ Управленіи, согласно преподаннымъ на этотъ предметъ указаніямъ Святѣйшаго Синода, еще не приступлено, за неполученіемъ по нѣкоторымъ епархіямъ затребованныхъ для этой цѣли статистическихъ данныхъ, и что, во всякомъ случаѣ, при составленіи означенныхъ предположеній, которыя въ свое время будутъ подлежать разсмотрѣнію и утвержденію Святѣйшаго Синода, имѣется въ виду не увеличеніе, а уменьшеніе существующихъ расходовъ на страхованіе зданій духовнаго вѣдомства.

Настоящее сообщеніе Хозяйственное Управленіе проситъ епархіальныя начальства перепечатать въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ.

Записка о засѣданіяхъ Харьковскаго Миссіонерскаго Совѣта 18—20 августа п. г. съ участіемъ священниковъ изъ зараженыхъ сектантствомъ селеній.

(Продолженіе *).

Такова фактическая сторона состоянія шундизма въ Харьковской епархіи. Сравнивая положеніе шундизма съ тѣмъ его развитіемъ, въ какомъ находился онъ четыре года тому назадъ и какъ изображено его состояніе въ „Журналѣ засѣданій Миссіонерскаго Совѣта по сектантскимъ дѣламъ Харьковской епархіи“, бывшихъ 2—5 сентября 1896 года, мы видимъ, что шунда вообще значительно ослабѣла въ своей интенсивности, хотя и нельзя сказать, чтобы въ количественномъ отношеніи она сократилась. Впрочемъ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, за 1900 г. № 5.

это послѣднее обстоятельство зависить отъ неправильной приходской статистики, которая въ настоящее время находится, можно сказать, въ желательномъ состояніи.

Точная приходская статистика имѣетъ весьма важное значеніе для миссіонерской дѣятельности духовенства. Приводя въ извѣстность пункты, зараженные сектантствомъ, указывая имена и фамиліи вожаковъ сектантства и совращенныхъ ими лицъ, она даетъ возможность духовенству знать, съ какой стороны угрожаетъ опасность, какихъ лицъ наиболѣе слѣдуетъ опасаться и на комъ пастырь долженъ останавливать свое особенное вниманіе. Въ виду этого г. епархіальный миссіонеръ во время своихъ бесѣдъ съ духовенствомъ выставлялъ на видъ не только важное значеніе точной регламентаціи совращенныхъ въ сектантство лицъ, но и обращалъ вниманіе духовенства на болѣе серьезное отношеніе къ открытію сектантовъ.

III.

Опредѣливъ наличное состояніе штундизма въ Харьковской епархіи, г. епархіальный миссіонеръ вслѣдъ затѣмъ перешелъ къ изложенію вѣроученія штундизма и совмѣстному рѣшенію наиболѣе важнѣйшихъ вопросовъ, затрогиваемыхъ штундистами епархіи. Но чтобы сами священники были обстоятельно подготовлены къ рѣшенію сихъ вопросовъ, имъ заблаговременно были предложены каждому въ отдѣльности особыя, намѣченные Миссіонерскимъ Совѣтомъ, пункты вѣроученія для разработки и размышленія путемъ изученія существующей литературы и главнымъ образомъ въ примѣненіи къ рѣшенію тѣхъ же вопросовъ сектантами подвѣдомыхъ имъ приходовъ. Эти вопросы, по нуждамъ времени и по характеру самаго сектантства съ раціоналистическимъ направленіемъ, отличавсь полемическимъ духомъ, были взяты непосредственно изъ опыта и въ своемъ рѣшеніи были направлены къ обличенію сектантовъ.

Вопросы эти были предложены нижеслѣдующимъ священникамъ:

1. Антоновичу Константину, свящ. сл. Павловокъ: ученіе Св. Писанія о Богѣ (противъ толстовцевъ), о клятвѣ, о лицѣ Іисуса Христа, о молитвѣ.

2. Флорянскому Виктору, свящ. сл. Вировъ: о Св. Писаніи, его богодуховенности, подлинности и равночестности всѣхъ каноническихъ книгъ Библіи (противъ толстовцевъ); о существѣ Божіемъ

Его личности и всевѣдѣніи; о войнѣ, о различіи людей по правамъ и обязанностямъ.

3. Иванову Василію, свящ. сл. Большой Бабка: о непротивленіи злу, о судахъ, о повиновеніи властямъ, о присягѣ, о правѣ государства ограничивать своеволие сектантовъ (протвѣвъ штудно-толстовцевъ).

4. Торанскому Феодору, свящ. сл. Ястребеннаго: о безсмертіи души и загробной жизни, о присягѣ, о необходимости для спасенія правой вѣры, а не однихъ добрыхъ дѣлъ, о воинской повинности.

5. Ляткевичу Гавріилу, свящ. с. Ободовъ: о храмѣ, объ иконахъ, о крестномъ знаменіи, о присягѣ.

6. Капустянскому Петру, свящ. сл. Рѣчекъ: о богодухновенности и достоинствѣ Св. Писанія; о чудесахъ, какъ доказательствѣ Божества Христа; о вегетаріанствѣ, о непротивленіи злу.

7. Бондареву Іліи, свящ. сл. Печенѣгъ: о Церкви Христовой—ея составѣ, единствѣ и святости; о крещеніи младенцевъ, о почитаніи мощей.

8. Никитину Петру, свящ. Великихъ хуторовъ: о крестномъ знаменіи, о храмѣ, объ истинныхъ и недостойныхъ пастыряхъ.

9. Слюсареву Іліи, свящ. г. Валокъ: о трехчинной іерархіи, о молитвахъ за умершихъ, объ иконахъ, о присягѣ.

10. Смирнскому Александру, свящ. сл. Новаго Мерчива: о Церкви Христовой (по 9 чл. Символа вѣры), о крестѣ, объ иконахъ, о ходатайствѣ умершихъ святыхъ за живыхъ людей.

11. Мигулину Алексѣю, свящ. сл. Мурафы: о церковномъ судѣ—кому онъ принадлежитъ и въ чемъ долженъ проявляться, о крестномъ знаменіи, о крещеніи младенцевъ, о составѣ православнаго богослуженія и соотвѣтствіи его Слову Божію.

12. Уманцеву Адріану, свящ. сл. Хрущевой Никитовки: объ иконахъ, о возженіи свѣчей и кажденіи ѳиміама, о трехчинной іерархіи, о священномъ преданіи, какъ источникѣ христіанской вѣры.

13. Петрову Моисею: о поклоненіи Богу духомъ и истиною, о крещеніи младенцевъ, о молитвахъ за умершихъ, о причащеніи и правильномъ совершеніи его (просфоры, лжица, копіе).

14. Левандовскому, протоіерею г. Купянска: объ иконахъ, о церковномъ судѣ надъ грѣшниками, о крещеніи младенцевъ, о ношеніи священниками длинныхъ одеждъ и волосъ.

15. Нечаеву Іоанну, свящ. с. Новой Николаевки: о покаяніи, священствѣ, миропомазаніи, объ истинныхъ пастыряхъ и наемникахъ, о крестномъ знаменіи; изъясненіе 23 гл. отъ Маттея.

16. Дикареву Александру, свящ. сл. Рай-Александровки: о церковномъ судѣ надъ грѣшниками, объ иконахъ, о молитвахъ за умершихъ, о причащеніи.

17. Дмитріеву Іоанну, благоч. г. Славянска: ученіи Св. Писанія о Церкви (9 гл. Символа вѣры), о почитаніи мощей, о руковожденіи епископовъ, какъ главномъ признакѣ истинныхъ пастырей.

18. Вертеловскому Александру, свящ. с. Пересѣчнаго: о Св. Преданіи, изъясненіе 23 гл. Мѣ., о платѣ духовенству за требы, о храмѣ, о крестѣ.

19. Максиму Пономареву, свящ. г. Харькова: о возжиганіи свѣчей и кадилахъ, объ иконахъ, объ истинныхъ и недостойныхъ пастыряхъ, о крещеніи младенцевъ.

20. Ветухову Василію, свящ. г. Харькова: о храмѣ, о почитаніи креста, о святости церкви, о почитаніи мощей.

21. Даніилу Попову, свящ. г. Харькова: о поклоненіи Богу духомъ и истинною, о составѣ православнаго богослуженія, богослужебныхъ молитвъ предъ судомъ Слова Божія, о покаяніи, миропомазаніи и присягѣ.

22. Кратирову Николаю, свящ. г. Харькова: о причащеніи, объ иконахъ, толкованіе 23 гл. Мѣ., о елеосвященіи.

23. Шосте Николаю, свящ. г. Харькова: о присягѣ, о войнѣ, о повинненіи властямъ, о загробной жизни.

24. Захарьеву Ивану, свящ. сл. Снѣжкова Кута: о хлыстовскихъ канонахъ съ точки зрѣнія церковныхъ каноновъ и Слова Божія; о молитвенной пляскѣ хлыстовъ, о яденіи мяса и рыбы, о бракѣ.

25. Могилянскому Сергію, свящ. сл. Огульцовъ: ученіе о Богѣ противъ хлыстовъ, о воплощеніи Христовомъ и „христахъ“ хлыстовскихъ, о постѣ и условіяхъ его богоугодности.

26. Сильванскому Николаю, свящ. сл. Одринки: о хлыстовскихъ „богахъ“ и „богородицахъ“, о св. Духѣ и средствахъ облагодатствованія христіанъ, о признакахъ ложныхъ и истинныхъ пророковъ, о бракѣ и чадородіи.

27. Любарскому Арсенію, свящ. сл. Славгорода: объ источникахъ вѣроученія—Св. Писаніи и Преданіи (противъ хлыстовъ), о дарахъ духовныхъ (1 Кор. 13—14 гл.), о вочныхъ хлыстовскихъ радѣніяхъ.

28. Санухину Антонину, свящ. с. Ямнаго: о. Св. Духъ и средствахъ благодатствованія христіанъ; о постѣ хлыстовскомъ; о „богахъ“, „христахъ“ и „богородицахъ“, о пророкахъ хлыстовскихъ.

29. Уманцеву Сергѣю, свящ. с. Песочина: разборъ хлыстовскихъ заповѣдей—о бракѣ, о постѣ, объ исповѣди; взгляды хлыстовъ на Св. Писаніе.

30. Жуковскому Михаилу, свящ. сл. Ковягъ: о чадородіи, о собраніяхъ хлыстовскихъ, объ иконахъ, о недостойныхъ пастыряхъ.

Уже изъ простаго перечисленія намѣченныхъ вопросовъ видно, насколько разносторонни должны быть занятія совѣщательнаго собранія, насколько полно и обстоятельно обнимались пункты пскажаемаго сектантами христіанскаго вѣроученія и какъ много вниманія и труда надлежитъ имѣть духовенству, чтобы всегда быть на высотѣ своего званія и призванія.

Принимая обязательное участіе въ гласномъ обсужденіи данныхъ каждому вопросовъ, всякій членъ миссіонерскаго собранія и каждый членъ Миссіонерскаго Совѣта, равно какъ и лица постороннія ¹⁾, имѣли право вступать въ обсужденіе и всѣхъ другихъ вопросовъ, такъ что самое совѣщаніе вслѣдствіе этого носило ха-

¹⁾ Кромѣ вышеупомянутыхъ священниковъ, официально вызванныхъ въ Миссіонерскій Совѣтъ, въ явочныхъ листахъ вечернихъ и утреннихъ засѣданій значатся еще нижеслѣдующія лица: прот. Михаилъ Павловъ, благоч. Петръ Полтавцевъ, благоч. Варсонофій Антоновскій, прот. Василій Петровскій, свящ. Іоаннъ Котовъ, свящ. Александръ Червонецкій, свящ. Іаіа Ковтунъ, свящ. Сагарда Николенко, свящ. Григорій Николаевскій, свящ. Михаилъ Ковалевскій, свящ. Георгій Полтавцевъ, свящ. Стефанъ Ильинскій, свящ. Платонъ Ведринскій, свящ. Евгеній Пономаревъ, свящ. Аристархъ Поповъ, свящ. Феодоръ Ковалевскій, свящ. Василій Калужный, свящ. Александръ Церковничій, свящ. Павелъ Будянский, свящ. Феодоръ Якубовичъ, свящ. Михаилъ Гогинъ, свящ. Іоаннъ Поповъ, свящ. Петръ Богдановъ, свящ. Василій Брайловскій, свящ. Андрей Люминарскій, свящ. Никифоръ Полыскій, свящ. Стефанъ Ипкоковъ, свящ. Василій Самойловъ, свящ. Василій Добровольскій, свящ. Петръ Ооминъ, свящ. Михаилъ Гогинъ, свящ. Евлампій Агнищевъ, свящ. Александръ Навродскій, свящ. Алексѣй Доброславскій, свящ. Маркіанъ Федоровскій, свящ. Алексѣй Оптовцевъ, свящ. Николай Загоровскій, свящ. Николай Грызодубовъ, свящ. Іоаннъ Діаконовъ, свящ. Іоаннъ Поповъ, свящ. Іоаннъ Киприановъ, свящ. Петръ Шебатинскій, свящ. Алексѣй Грековъ, свящ. Александръ Подольскій и многіе другіе изъ духовенства Харьковской и Курской епархій и изъ свѣтскихъ лицъ, не внесшихъ своихъ фамилій въ явочные листы.

Сверхъ того миссіонерскія собранія своимъ присутствіемъ почтѣли: Ректоръ Семинаріи, прот. Іоаннъ Зламенскій съ воспитанниками VI класса Семинаріи и Начальница епархіальнаго училища Евгенія Николаевна Гейцыгъ.

рактёръ братства, члены коего назидались опытомъ и знаніемъ своихъ собратьевъ.

При разборѣ и обсужденіи представленныхъ вниманію Собранія предметовъ христіанскаго вѣроученія, искажаемыхъ штундистами, не ставилось цѣлю входить въ основательное выясненіе *всѣхъ* сторонъ вѣроученія и не имѣлось въ виду изложеніе *всѣхъ* возраженій штундистовъ, а преслѣдовалась лишь та цѣль, чтобы ознакомить духовенство съ лучшими методическими приёмами собесѣдованій съ заблуждающимися и показать наглядно практическое примѣненіе теоретическихъ основаній правильнаго и наиболее усиѣннаго веденія бесѣдъ съ отпавшими.

Вѣроученіе штундистовъ, какъ сказано было выше, нельзя установить съ полною опредѣленностью, хотя миссіонерскою практикою духовенства съ достаточною ясностью выяснена отрицательная сторона этого вѣроученія.

Единственнымъ источникомъ вѣры штундисты считаютъ Св. Писаніе и внушеніе Духа Божія. Это мнимое внушеніе свыше выражается у нихъ личнымъ, произвольнымъ пониманіемъ Св. Писанія. На этомъ основаніи штундисты отвергаютъ руководство Церкви и Св. Преданіе, какъ измышленіе человѣческое, не согласное будто бы съ Св. Писаніемъ. Они утверждаютъ, что само слово Божіе побуждаетъ научать и вразумлять другъ друга, безъ руководства Церкви, *псалмами, славословіемъ и духовными пѣснопѣніями* (Колос. 3, 16). Штундистъ Гончаренко въ бесѣдѣ съ священникомъ говорилъ ему, что „отцы церкви осуетились въ несмысленномъ сердцѣ своемъ“ и потому всякое руководство Церкви и ея пастырей въ дѣлѣ спасенія человѣка должно быть отвергнуто. Отсюда у штундистовъ вытекаетъ дальнѣйшее отрицаніе всѣхъ таинствъ Православной Церкви, существующихъ въ ней къ усвоенію спасенія человѣкомъ. вмѣстѣ съ тѣмъ штундисты отвергаютъ церковную іерархію и всѣ тѣ догматы и обряды Православной Церкви, которые, по ихъ мнѣнію, не имѣютъ основанія въ Св. Писаніи, — почитаніе св. креста, иконъ, храмовъ, св. ангеловъ, угодниковъ Божіихъ и мощей, молитвы за усопшихъ, праздники, посты и проч.

Отвергая Православную Церковь, штундисты говорятъ, что Церковь съ ея таинствами, обрядами и іерархіей обязана своимъ происхожденіемъ лукавому разуму человѣческому. Штундисты называютъ Церковь блудницею, сидящею на водахъ многихъ, до-

черью Вавилона (Апок. 17, 1—2; Псал. 136, 8—9). Членовъ священной іерархіи называютъ всевозможными оскорбительными именами и считаютъ ихъ тѣми самыми князиками и фарисеями, которыхъ обличалъ Господь (Мѡ. гл. 23). Православныхъ епископовъ штундисты называютъ сараячею, жезлъ архіерейскій—ключемъ отъ кладезя бездны (Апок. 9, 1—3), а православные священники, по ихъ словамъ, это—„дармоѣды, вымогатели, лѣнтыя, народные оболъстители, лжепророки“.

Тайнства Православной Церкви, какъ благодатныя средства спасенія человѣка, штундисты отвергаютъ совершенно и признаютъ ихъ измышленіемъ Церкви и духовенства. Штундисты отвергаютъ православное крещеніе дѣтей, потому что для крещенія требуется предварительное покаяніе и наученіе истинамъ вѣры крещаемыхъ (Матѡ. 28, 19). О тайствѣ миропомазанія сектанты говорятъ, что оно имѣло мѣсто только въ апостольскія времена (Дѣян. 8, 14—16). Тайнство евхаристіи штундисты отвергаютъ, считая заповѣдь Спасителя—*„сіе творите въ Мое воспоминаніе“* (Лук. 22, 19)—за выраженіе сущности евхаристіи, какъ простаго воспоминанія крестныхъ событій. Сектантъ Гончаренко кощунственно заявлялъ, что Голгоетская жертва не должна быть повторяема, и Православная Церковь суетно вѣруеть въ пресуществленіе „трактирнаго вина въ кровь Христову“. Другой сектантъ говорилъ, что „Спаситель разъ былъ обгрень кровью и вновь распинать Его въ Церкви на престолѣ не слѣдуетъ“. О тайствѣ священства штундисты говорятъ, что богоучрежденность этого тайнства—менѣе всего доказательна, такъ какъ нигдѣ въ Св. Писаніи не говорится о томъ „строгомъ распорядкѣ церковной іерархіи, который такъ ловко управляетъ теперь темною массою народа“. Тайнство покаянія штундисты отвергаютъ на томъ основаніи, что Апостоль заповѣдалъ каяться Отцу Небесному, исповѣдуя грѣхи „другъ передъ другомъ“, а не передъ священниками (Іак. 5, 16). Бракъ также, по мнѣнію штундистовъ, не имѣетъ таинственной силы и есть простой союзъ или договоръ блачущихся лицъ. Наконецъ, что касается тайнства елеосвященія, то таковое отрицается штундистами, какъ не установленное Самимъ Іисусомъ Христомъ. На указаніе апостольскаго свидѣтельства о тайствѣ елеопомазанія (Іак. 5, 14—15), Харьковскіе штундисты отвѣчаютъ, что тайнство тутъ нужно понимать въ духовномъ смыслѣ. Елей—это слово Божіе и слово утѣшенія, которое могутъ дать болящему ближніе.

Существованіе православныхъ храмовъ штундисты считаютъ совершенно излишнимъ, такъ какъ Богъ, по ихъ словамъ, „не въ рукотворенныхъ храмахъ живетъ“ (Дѣян. 7, 48) и Богу надо поклоняться „въ духѣ и истинѣ“ (Іоан. 4, 24). Штундисты глумятся надъ храмами, называя ихъ идольскими банищами, хлѣвомъ, свиною берлогою и проч. Харьковскіе сектанты говорятъ, что православные священники дорожатъ храмомъ, какъ „овощнымъ влагаліщемъ“, откуда они получаютъ себѣ щедрую провизію и проч.

Штундисты не почитаютъ св. ангеловъ, считая послѣднихъ обыкновенными людьми. Ходатайство за насъ св. угодниковъ и молитва за усопшихъ, по миѣнію сектантовъ, также не имѣетъ основанія въ Св. Писаніи. Почитаніе св. иконъ штундисты яростно отвергаютъ. Надъ иконами они глумятся, называя ихъ „нѣмыми идолами“ и „болванами“, воспрещенными еще законодательствомъ Моисея. Глумленіе штундистовъ надъ иконами не знаетъ предѣла, они топчутъ иконы ногами, выкалываютъ имъ глаза, бросаютъ въ печь, употребляютъ для хозяйственныхъ надобностей, какъ обыкновенныя дощечки и проч.

На крестъ Господень штундисты смотрятъ, какъ на постыдное орудіе казни Спасителя, какъ на веселицу, къ которой пригвождено Христомъ проклятіе міра. Харьковскіе сектанты говорятъ, что если для всякаго человѣка орудіе его наказанія плеть, розга, не можетъ быть предметомъ почитанія, то и почитаніе православными креста Господу не угодно. Крестное знаменіе штундисты называютъ печатью антихриста, а священниковъ, носящихъ на себѣ кресты вторичными распинателями Христа. Одинъ харьковскій сектантъ на требованіе священника поцѣловать крестъ, заявилъ, что онъ вѣруеть въ Евангеліе и потому не будетъ цѣловать „бездушныхъ идоловъ“. Другой сектантъ въ подобномъ же случаѣ сказалъ, что не будетъ цѣловать золота и серебра, потому что Богъ не подобенъ золоту и серебру (Дѣян. 17, 29). О праздникахъ и постахъ сектанты умствуютъ, что нигдѣ въ Св. Писаніи не предписано соблюдать таковыя, и все это есть простое измышленіе пастырей Церкви, желающихъ держать народъ въ повиновеніи ради корыстныхъ видовъ.

В. Дивиденко.

(Продолженіе будетъ).

О Т Ч Е Т Ъ

о соетояніи Харьковскаго Епархіального Женскаго Училища въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 18⁹⁸/₉₉ учебный годъ.

(Продолженіе *).

д) Продолжительность учебного года и время экзаменовъ.

Учебная дѣятельность въ отчетномъ году началась переэкзаменовками и пріемными экзаменами, производившимся въ августѣ. Классныя-же занятія начались съ 17 августа и продолжались по 10-е апрѣля. Экзамены произведены съ 26 апрѣля по 24-е мая. Росписаніе экзаменовъ и экзаменскихъ комиссій было составлено инспекторомъ классовъ, рассмотрѣно Совѣтомъ и утверждено Его Высокопреосвященствомъ. Экзамены производили комиссіи, состоявшія изъ преподавателей подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Совѣта училища, начальницы, инспектора классовъ и членовъ училищнаго Совѣта. Послѣ испытаній общимъ собраніемъ Педагогическаго Совѣта, по рассмотрѣніи результатовъ испытаній и годичныхъ успѣховъ, были составлены переводные списки воспитанницъ. Учебный годъ закончился торжественнымъ актомъ 30 мая. Переэкзаменовки воспитанницъ произведены 17 августа 1899 года.

е) Число воспитанницъ, переведенныхъ изъ класса въ классъ, число окончившихъ полный курсъ, число оставленныхъ на повторительный курсъ и число выбывшихъ изъ училища по разнымъ причинамъ.

По окончаніи годичныхъ испытаній и переэкзаменовокъ, постановленіемъ Педагогическаго Совѣта, утвержденнымъ Его Высокопреосвященствомъ, одна воспитанница была переведена въ слѣдующіе классы, другія оставлены на повторительный курсъ и нѣсколько уволено по прошенію родителей.

Нижеслѣдующая таблица показываетъ число воспитанницъ выбывшихъ среди учебного года, принятыхъ вновь, а также результаты экзаменовъ и переэкзаменовокъ:

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1900 г., № 5.

Таковы образомъ изъ 535 воспитанницъ выпущено съ установленными аттестатами объ окончаніи курса 62, переведено въ слѣ-

К Л А С С Ы.		Число воспитан. въ классѣ къ началу учебного года.	Сколько вышло изъ училища.	Сколько принято вновь въ училище.	Сколько состоялось воспитанницъ къ концу года.	Сколько воспитан. переведено безъ перекламен.	Сколько переведено въ 1-й разрядъ.	Сколько переведено въ 1-й разрядъ.
Приготовительный	59	3 увол. 1 умер. 4	4	59	51	28		
I нормальный	42	умерла 1	—	41	34	13		
I параллельный	42	уволена 1	2	43	37	9		
II нормальный	45	1 увол. 1 умер. 2	—	43	35	15		
II параллельный	46	уволены 2	1	45	38	13		
III нормальный	43	—	—	43	39	9		
III параллельный	37	уволена 1	2	38	26	9		
IV нормальный	39	уволена 1	—	38	32	6		
IV параллельный	38	уволена 1	—	37	27	7		
V нормальный	43	уволена 1	—	42	32	14		
V параллельный	42	—	—	42	33	7		
VI нормальный	36	—	—	36	36	—		
VI параллельный	29	умерла 1	—	28	26	—		
И Т О Г О.	541	15	9	535	456	130		

дующіе классы 415, оставлено на повторительный курсъ 51 и уволено 7.

За выключеніемъ воспитанницъ, выпущенныхъ 62 и уволенныхъ 7, къ началу текущаго учебнаго 18⁹⁹/₁₉₀₀ года изъ отчетнаго состава воспитанницъ оставалось 466.

Число выпущенныхъ и переведенныхъ въ слѣдующіе классы составляетъ—89¹⁷/₁₀₇⁰/₀.

Въ августѣ 1899 года принято вновь въ число воспитанницъ 110 дѣвицъ: въ приготовит. классъ—60; въ I—38; во II—4; въ III—5; въ IV—1; въ V—2 воспитанницы.

Учебный годъ начался при 576 воспитанницахъ. По классамъ онѣ распредѣлены такъ: въ приготовит. классъ—66; въ I норм.—52; въ I парал.—51, во II норм.—42, во II пар.—44, въ III норм.—43, въ III пар.—45, въ IV норм.—41, въ IV пар.—40, въ V норм.—42, въ V пар.—34, въ VI норм.—37, въ VI пар.—39 воспитан.

ю) Общія свѣдѣнія объ успѣхахъ, поведеніи и состояніи здоровья воспитанницъ.

Успѣхи воспитанницъ въ отчетномъ году наглядно изображаются въ нижеслѣдующей таблицѣ, показывающей число воспитанницъ каждаго класса, получившихъ баллы 5, 4, 3, 2 по всѣмъ предметамъ вмѣстѣ и неоказавшихъ успѣховъ.

Въ каждомъ классѣ показаны только тѣ воспитанницы, которыя имѣютъ годовые и экзаменскіе баллы по всѣмъ предметамъ.

Примѣчаніе. Въ составъ общаго балла по русскому языку въ III, IV, V и VI классахъ вошли и баллы письменныхъ упражненій по всѣмъ предметамъ, а въ составъ общаго балла по логикѣ въ VI классѣ вошли и отмѣтки за практическія занятія воспитанницъ этого класса въ училищной образцовой церковно-приходской школѣ.

К л а с с ы.	Общее число воспитанницъ	Число получившихъ баллы.				Не оказавшихъ успѣховъ.
		5	4	3	2	
Приготовительный	59	12	16	23	6	2
I нормальный	41	2	10	22	6	1
I параллельный	43	3	10	23	6	1
II нормальный	43	3	12	20	6	2
II параллельный	45	1	14	23	5	2
III нормальный	43	—	11	28	4	—
III параллельный	38	2	7	17	11	1
IV нормальный	38	1	7	24	6	—
IV параллельный	37	—	7	20	9	1
V нормальный	42	2	14	16	10	—
V параллельный	42	—	9	24	9	—
VI нормальный	36	5	11	20	—	—
VI параллельный	28	2	20	4	—	2

Такимъ образомъ, какъ видно изъ представленной таблицы, успѣхи воспитанницъ за отчетный годъ могутъ быть признаны удовлетворительными. Изъ общаго числа 535 воспитанницъ, получившихъ по одному или по нѣсколькимъ предметамъ баллъ 2, было 88

При составленіи таблицы, свидѣтельствующей объ успѣшности воспитанницъ, французскій языкъ, музыка, рукодѣліе, рисованіе и иконописаніе, какъ необязательные предметы, не принимались во вниманіе. Но успѣхи по этимъ предметамъ также вполне удовлетворительны.

Французскому языку во всѣхъ классахъ обучалось 157 воспитанницъ, изъ нихъ: въ I классѣ 23, во II—34, въ III—30, въ IV—17, въ V—25, въ VI—24 воспитанницы.

Музыкѣ обучалось во всѣхъ классахъ 250 воспитанницъ: въ приготовит. кл.—6, въ I—27, во II—45, въ III—50, въ IV—34, въ V—29, въ VI—23.

Рисованію обучалось 66 воспитанницъ, иконописанію—15.

Рукодѣліемъ воспитанницы занимались съ особеннымъ усердіемъ какъ на урокахъ рукодѣлія, такъ и во внѣ классное время.

Лучшія воспитанницы по успѣхамъ и поведенію, согласно опредѣленію Педагогическаго Совѣта, утвержденному Его Высокопреосвященствомъ 29-го мая 1899 года, награждены похвальными листами, а VI класса—книгами. Въ пригот. классѣ удостоены награды—12, въ I—5, во II—4, въ III пар.—2, IV норм.—1, въ V норм.—2 и въ VI норм.—7, въ VI пар.—5 воспитанницъ.

2) Въ поведеніи воспитанницъ въ отчетномъ году не замѣчено было никакихъ особенныхъ проступковъ въ дисциплинарномъ или нравственномъ отношеніи, а потому всѣ онѣ получили годовой баллъ 5 (отлично). Если же въ теченіе года и были случаи уменьшенія балла за поведеніе, то это вызывалось легкими формами нарушенія классной дисциплины и шалостями, вообще свойственными живому дѣтскому возрасту. Особенно предосудительныхъ проступковъ, обнаруживающихъ проявленіе злой воли, за ними не замѣчалось. Такое отрадное явленіе находится въ тѣсной связи съ добросовѣстнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей всѣхъ лицъ воспитательнаго персонала Училища, общими успліями, во главѣ съ начальницей училища, старавшихся утверждать въ воспитанницахъ добрую нравственность и благоповеденіе, не оставляя ихъ безъ своего постояннаго наблюденія и руководства.

Въ отчетномъ году, какъ и въ предыдущіе, было обращено особенное вниманіе на неопустительное и благоговѣйное исполненіе

воспитанницами своихъ христіанскихъ обязанностей и на развитіе въ нихъ добрыхъ навыковъ въ этомъ отношеніи. Главнѣйшими качествами, которыя настойчиво развивались въ воспитанницахъ, были: религіозность, трудолюбіе, скромность и почтительность къ старшимъ. Всѣ воспитанницы читали по очереди утреннія и вечернія молитвы, присутствовали на всенощномъ бдѣніи и литургіи во всѣ воскресные и праздничные дни и обязательно участвовали въ церковномъ чтеніи и пѣніи, при чемъ воспитанницы старшихъ классовъ—V и VI пѣли въ церкви по очереди и читали—воспитанницы VI класса—пареміи, шестопсалміе, канонъ и Апостолъ, V—стихиры и каѳизмы, 3, 6-й и 1-й часъ. Къ чтенію въ церкви воспитанницы готовились подъ руководствомъ инспектора классовъ. На утреннихъ молитвахъ воспитанницы читали дневное Евангеліе.

Передъ праздникомъ Рождества Христова, съ 16 по 21-е ноября и въ постъ Св. Четырдесятницы, съ 1-го по 7 марта, воспитанницы говѣли, исповѣдывались и причащались Св. Тѣлѣ. По средамъ и пятницамъ каждой недѣли Великаго поста присутствовали въ училищной Церкви на Преждеосвященной Литургіи. Установленные Церковные посты соблюдались.

3) Для здоровья воспитанницъ отчетный годъ нельзя назвать вполне благопріятнымъ. Заболѣванія были очень тяжелыя. Послѣ Рождественскихъ каникулъ въ Училище была занесена скарлатина. При большомъ количествѣ воспитанницъ, помѣщавшихся въ общежитіи, всякій случай заболѣванія опасными, особенно заразительными болѣзнями, заставлялъ бояться за опасность всего училища, почему принимались самыя старательныя мѣры предосторожности противъ возможности распространенія болѣзни. Спальни, классы, столовая и корридоры содержались въ надлежащей чистотѣ, своевременно провѣтривались и дезинфекцировались; воспитанницы по пріѣздѣ изъ дому шли въ баню; соблюдалась строгая изоляція больныхъ. Благодаря внимательному уходу и лѣченію заболѣвшихъ, нѣкоторыя болѣзни, какъ, напр., корь, не распространились. Но не смотря на принятыя мѣры, болѣзнь—скарлатина къ половинѣ февраля мѣсяца усилилась, такъ что, согласно совѣту училищнаго врача, по докладу г-жи начальницы училища, Его Высокопреосвященство разрѣшилъ уволить воспитанницъ въ домъ родителей отъ 20-го февраля по 8-е марта съ тѣмъ, чтобы онѣ говѣли въ своихъ приходскихъ церквахъ. Благодаря этой мѣрѣ, болѣзнь прекратилась.

Характеръ заболѣваній и число больныхъ въ отчетномъ году можно видѣть изъ слѣдующей составленной врачомъ таблицы:

НАЗВАНІЕ БОЛѢЗНИ.	Въ больницѣ пользовано.
Воспаленіе роговой оболочки глазъ	3
Воспаленіе дыхательныхъ вѣтвей	3
Воспаленіе подреберной плени	2
Катарръ дыхательныхъ вѣтвей	8
Острое безуміе (сумасшествіе)	1
Воспаленіе яичника	1
Страданіе продолговатаго мозга	1
Хроническое воспаленіе сердца	1
Скарлатинъ	14
Воспаленіе легкаго	2
Брюшной тифъ	2
Воспаленіе средняго уха	1
Воспаленіе наружнаго слуховаго прохода.	2
Заушницы.	23
Эритемъ	7
Язва ноги	1
Корь	1
Краснуха.	1
Лишай	1
Катарръ желудка	1
Золотуха	1
Гриппъ	7
Пузырчатая жаба	11
Вѣтренная оспа	1
Малокровіе	3
Воспаленіе подчелюстной желъзы	2
Трахома	4
Смертныхъ случаевъ	4
Отъ хроническаго воспаленія сердца (въ домѣ родителей)	1
Отъ остраго воспаленія почекъ (въ домѣ родителей)	1
Отъ скарлатины	2

(Продолженіе будетъ).

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Въ селѣ Русской Лозовой Харьковскаго уѣзда продается недорого **ДЕРЕВЯННАЯ ЦЕРКОВЬ** съ иконостасомъ, обширная и крѣпкая.

Епархіальныя извѣщенія.

Священникъ церкви слоб. Соколова, Зміевского уѣзда, Аванасій *Дюковъ* переведенъ на открывшуюся при соборной церкви г. Волчанска вакансію третьяго священника.

— Діаконъ церкви м. Андреевки, Сумскаго уѣзда, Іоаннъ *Закрицкій* опредѣленъ на мѣсто священника къ церкви сл. Груни, Лебединскаго уѣзда.

— Псаломщикъ церкви с. Удѣ, Харьковскаго уѣзда, Іоаннъ *Мартиновъ* назначенъ на діаконское мѣсто при церкви Дмитріевки, Старобѣльскаго уѣзда.

— Учитель церковной школы Михаилъ *Сильванскій* назначенъ на діаконское мѣсто къ церкви слоб. Артемовки, Волчанскаго уѣзда.

— Учитель народнаго училища Николай *Ивановъ* опредѣленъ на вакансію третьяго псаломщика при Волчанской Соборной церкви.

— Бывшій воспитанникъ Харьковской Духовной Семинаріи Леонтій *Дикаревъ* Его Преосвященствомъ 16 марта н. г. опредѣленъ и. д. псаломщика при Покровской церкви слоб. Дмитровки, Изюмскаго уѣзда.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Восмидесятилѣтіе Высокопреосвященнаго Амвросія.—Торжество открытія Гродненской епархіи.—Новое братство.—Къ вопросу о содѣйствіи образованныхъ свѣтскихъ лицъ религіозно-просвѣтительнымъ обществамъ.—Некрологъ.—68 тиражъ выигрышей билетовъ втораго займа, произведенный 1 марта, 1900 года.

18-го марта исполнилось 80 лѣтъ со дня рожденія маститаго нашего Архипастыря, Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго. Скромно прошелъ этотъ праздникъ единственно по желанію самого Владыки, всегда чуждавшася славы и похвалъ челоувѣческихъ, и лишь отмѣченъ былъ въ ходѣ мѣстной епархіальной жизни молебствіями, совершенными во всѣхъ церквахъ духовно-учебныхъ заведеній, а также и во всѣхъ городскихъ, монастырскихъ и сельскихъ храмахъ о здравіи маститаго Архипастыря. Самъ Владыка въ этотъ день совершалъ въ сослуженіи Преосвященнаго Иннокентія равную Божественную литургію въ Крестовой церкви архіерейскаго дома. По окончаніи литургіи нѣкоторые изъ присутствовавшихъ—близкихъ Владыки лицъ—приглашены были въ его покои, гдѣ предложенъ былъ гостямъ чай. При входѣ въ покои Преосвященный Иннокентій встрѣтилъ Владыку краткою рѣчью, въ которой пожелалъ ему долгихъ лѣтъ жизни.

Нѣсколько дней передъ этимъ, въ одномъ изъ ЛМ «Московскія Вѣдомости» въ отдѣльной статьѣ, отмѣчая выдающіяся черты

„словъ и рѣчей“ Преосвященнаго Амвросія и значеніе ихъ для богословской науки, назвали совершившееся 80-лѣтіе *знаменательнымъ*. Вполнѣ раздѣляемъ это названіе почтеннаго московскаго органа, такъ какъ рѣдкіе изъ нашихъ архимандритовъ, среди заботъ и *скорбей* служенія церкви Христовой, достигаютъ *библейскаго* возраста. Преосвященный Амвросій—одинъ изъ немногихъ представителей—филаретовской школы епископовъ. Несмотря на преклонные годы, онъ сохранялъ еще удивительную для своихъ лѣтъ свѣжесть памяти, силу мышленія и разсужденія, интересъ ко всему, что пишется и печатается въ богословской и свѣтской литературѣ, охоту, почти *жажду* дѣятельности. Мы недавно еще наслаждались словомъ Преосвященнаго Амвросія на Новый годъ и поражались свѣжестью и силою его мысли.

Два раза въ послѣднее время тяжкіе недуги угрожали жизни Владыки, но, благодареніе Богу, сила духа всякій разъ одерживала верхъ надъ немощью тѣла, и въ настоящее время здоровье его настолько окрѣпло, что онъ уже занимается дѣлами по управленію епархіею и вообще чувствуетъ себя вполне бодро.

Болѣе чѣмъ гдѣ либо торжественно было отпраздновано исполненное 80-лѣтіе Преосвященнаго Амвросія въ харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ, которое многимъ и многимъ обязано Владыкѣ. Послѣ Божественной литургіи, совершенной въ училищной церкви въ присутствіи всѣхъ учащихъ и учащихся, Предсѣдателемъ Совѣта училища о. Т. Буткевичемъ сказана была прекрасная рѣчь, въ которой, на основаніи библейскихъ и историческихъ примѣровъ, наглядно показано было, что долголѣтіемъ Богъ награждаетъ только тѣхъ людей, жизнь которыхъ нужна для другихъ, а потомъ—примѣнительно къ этому—сказано было о заслугахъ Преосвященнаго Амвросія для русской православной церкви, для харьковской епархіи и особенно—для епархіальнаго женскаго училища. Послѣ рѣчи отслуженъ былъ соборно молебенъ, въ которомъ приняли участіе всѣ служащіе при училищѣ, имѣющіе духовный санъ. —Ко дню исполнившагося 80-лѣтія Совѣтомъ училища изданы были въ отдѣльномъ томѣ (около 400 страницъ) всѣ проповѣди Преосвященнаго Амвросія, сказанныя имъ въ послѣдніи пяти лѣтъ (съ 1895 по 1900 г.). Такимъ образомъ, въ настоящее время издано *четыре* тома проповѣдей Преосвященнаго Амвросія, а именно: 1) проповѣди, сказанныя владыкою въ бытность его приходскимъ священникомъ въ Москвѣ (1848—1872

г.), 2) проповѣди, сказанныя въ послѣдніе годы служенія его въ Москвѣ (1873—1882), 3) проповѣди, произнесенныя во время служенія его въ харьковской епархіи (1882—1894 г.) и 4) проповѣди, сказанныя въ 1895—1900 г. Въ послѣдній томъ вошли также его воспоминанія о митрополитѣ Филаретѣ и о построеніи Спасова Склпта.

Приводимъ рѣчь Преосвященнаго Иннокентія, сказанную имъ при поздравленіи маститаго Архипастыря съ 80-лѣтіемъ: „Привѣтствую Васъ, Владыко, съ достиженіемъ библейскаго долголѣтія! Въ 80 лѣтъ естественныя немощи тѣла, но среди нихъ удивительна сила Вашего духа и крѣпко упованіе вашей вѣры. Этотъ могучій духъ, эта теплота вѣры крѣпятъ и бодрятъ недужное Ваше тѣло. И потому мы молимся и молитвенно желаемъ, чтобы Всемогущій Господь не ради сихъ немощей тѣла, а ради величія Вашего духа, силы вѣры вашей, подкрѣпилъ Васъ Своею милостію и приложилъ еще дни ко днямъ, годы къ годамъ въ святительство Ваше для блага харьковской церкви и паствы“.

Пожелаемъ и мы вмѣстѣ съ Преосвященнымъ Иннокентіемъ нашему Архипастырю еще многіе годы стоять во главѣ харьковской епархіи и управлять ею такъ же мудро, какъ онъ управляетъ ею уже 18 лѣтъ, и своими глубоко-назидательными рѣчами и словами поучать не только ввѣренную ему паству, но и всѣхъ истинно образованныхъ православныхъ чадъ церкви, которыя высоко цѣнятъ церковныя поученія нашего знаменитаго витіи. Несомнѣнно, что и всѣ многочисленныя почитатели маститаго Харьковскаго святителя сольются въ искреннемъ пожеланіи ему еще долгихъ лѣтъ плодотворной дѣятельности на славу Православной Церкви. «Юж. Кр.»

— 23 января состоялось торжественное открытіе новоучрежденной гродненской епархіи. Торжество началось божественной литургіей, которая совершена была въ Софійскомъ соборѣ преосвященнымъ Іоакимомъ, епископомъ гродненскимъ и брестскимъ, въ сослуженіи всего городского и прибывшаго изъ губерніи духовенства. По окончаніи божественной литургіи, каедральнымъ протоіереемъ, В. Кургановичемъ, были прочитаны Высочайшія повелѣнія объ открытіи епархіи и о бытіи первому викарію литовской епархіи епископу брестскому Іоакиму епископомъ гродненскимъ и брестскимъ. Затѣмъ его преосвященству поднесены были благословенная икона отъ литовской епархіи, которую владыка осѣнялъ Гродненскую паству, копія чудотворной иконы Холмской Божіей

Матери отъ холмско-варшавской епархіи и напрестольное евангеліе отъ гродненской паствы и икона отъ собора. При этихъ поднесеніяхъ сказаны были привѣтственные рѣчи, на которыя его преосвященство отвѣчалъ обширной рѣчью, указавъ на важность и отвѣтственность служенія его, какъ православнаго архипастыря, и пригласилъ насомыхъ присоединить свои молитвы къ его моленіямъ о ниспосланіи Божьяго благословенія на новую паству и одарованія ему силъ для выполненія предначертаній Всевышняго. Послѣ рѣчи владыки началось благодарственное Господу Богу молебствіе, и затѣмъ все духовенство, съ преосвященнымъ Іоакимомъ во главѣ и со всѣми молящимися, отправилось крестнымъ ходомъ по Соборной улицѣ къ Александровской церкви. На Александровской площади было прочтано евангеліе и закончилось молебствіе возглашеніемъ обычнаго многолѣтія и вѣчной памяти преспомятому митрополиту Іосифу (Сѣмашко) и крестный ходъ двинулся обратно къ собору. Затѣмъ владыка принималъ поздравленія отъ гражданскихъ и военныхъ властей и духовенства. Въ заключеніе торжества былъ парадъ войскамъ. — Дай Богъ, чтобы съ учрежденіемъ этой новой епархіи еще болѣе укрѣпилось и распространилось православіе и истинно русская культура на западной окраинѣ нашего отечества!

«Моск. Цер. Вѣд.» .

— 28-го декабря прошлаго года торжественно было открыто Кишиневское Православное Христо - Рождественское братство. Мысль объ учрежденіи братства была высказана еще въ 1895 году Кишиневскимъ миссіонерскимъ комитетомъ, но по нѣкоторымъ обстоятельствамъ осуществленіе этой мысли тогда не удалось. Новое братство задалось двойкою цѣлю: во 1-хъ, содѣйствовать релігіозно-нравственному просвѣщенію Кишиневской паствы въ духѣ православной Церкви и вмѣстѣ съ тѣмъ предохранять ее отъ зараженія расколомъ и сектанствомъ; во 2-хъ, заботиться объ ослабленіи и искорененіи духовными мѣрами раскола и сектанства и вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствовать укрѣпленію въ православіи новообращенныхъ изъ раскола и сектанства. Для осуществленія своихъ цѣлей братство намѣтило мѣры духовно-просвѣтительнаго характера: учрежденіе бібліотекъ съ читальнями при нихъ, открытіе при бібліотекахъ книжныхъ складовъ для продажи книгъ и брошюръ по дешевой цѣнѣ или, если позволятъ средства, для безмездной раздачи, открытіе внѣ-богослужебныхъ собесѣдованій и чтеній о предметахъ вѣры и поддержаніе существующихъ церковно-приходскихъ школъ и открытіе новыхъ. Что касается то-

го, кто долженъ вести чтенія и вообще пользоваться во благу народному тѣми духовными мѣрами, которыя намѣтило себѣ братство, то въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, между прочимъ, сказано было въ рѣчи, произнесенной на открытіи братства слѣдующее.—„Священникъ-ли только? Трудно возлагать тяжелое бремя на одного пастыря. Всѣ мы—члены одной Церкви и одного государства. Всѣ, слѣдовательно, обязаны заботиться о просвѣщеніи сидящихъ во тьмѣ свѣтомъ Христовой вѣры. Одинъ можетъ принимать участіе въ чтеніяхъ, другой въ распространеніи книгъ и брошюръ религіозно-нравственнаго содержанія, третій дать средства на устройство библиотекъ и читаленъ и проч. А всѣ вообще должны сочувственно относиться къ тѣмъ, кто беретъ на себя нелегкій трудъ чтеній и собесѣдованій... Прискорбно, что мы слишкомъ многое возлагаемъ на священника, а сами часто и перстомъ не хотимъ двинуть. Конечно, священникъ долженъ быть насъ отъ спячки, долженъ жечь насъ огнемъ религіозной ревности. Но надо имѣть въ виду, что не всякій предметъ можно зажечь. Зажжешь дерево, но попробуй зажечь камень. Хорошо, если наше сердце—еще дерево; а что, если у многихъ изъ насъ оно уже давно стало камнемъ?“... Дай Богъ, чтобы новооткрытое братство привнесло ему пользу, которой ожидаютъ отъ него ревнители православія, чтобы со времени открытія его не повторялись въ Кишиневской епархіи подобные прискорбные факты, какъ бывшій въ 1897 году въ Терновскихъ плавняхъ близъ Бендеръ—замуравливанія фанатичныхъ раскольниковъ.

«Моск. Цер. Вѣд.».

— Въ «Приложеніи къ Вятскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ» помѣщено любопытное сообщеніе приватъ-доцента Кіевскаго университета П. Никольскаго, указывающаго, какое громадное значеніе могло бы имѣть въ дѣятельности интеллигенціи содѣйствіе религіозно-просвѣтительнымъ обществамъ. Убѣдившись въ этомъ лично во время 6-лѣтняго участія въ дѣятельности Кіевскаго просвѣтительнаго общества, г. Никольскій пишетъ: „я понялъ какой огромный запросъ на знаніе христіанскаго ученія существуетъ въ нашемъ Русскомъ народѣ. Всегда переполненные до тѣсноты многочисленныя мѣста бесѣдъ, которыя ведетъ Общество, меня во-очію убѣждаютъ въ этомъ и внушаютъ твердую мысль, что свѣтскіе интеллигентные люди, желающіе дѣйствительно способствовать настоящему просвѣщенію Русскаго народа, должны придти на помощь священникамъ, чѣмъ только они могутъ, именно въ этомъ направленіи. Я понялъ, что просвѣщеніе и воспитаніе нашего

Русскаго народа должно имѣть въ основѣ не эффектные, смѣшныя, или даже хотя бы и поучительныя картинки,—не театральныя зрѣлища, въ которыхъ всегда, какъ бы даже и были они высоки въ художественномъ отношеніи, остается много, по меньшей мѣрѣ, легкаго,—не музыкальные вечера съ пѣсенками, не танцевальныя ассамблеи. Крѣпкую и надежную основу въ просвѣщеніи и воспитаніи Русскаго народа можетъ дать только возможно полное раскрытіе ученія Православной Церкви, которое научаетъ любви, терпѣнію, труду и исполненію долга. А изученіе народомъ величественныхъ и повстинѣ облагораживающихъ душу церковныхъ пѣснопѣвій можетъ доставить такое чистое удовольствіе, съ которымъ нельзя и сравнивать увеселительныя музыкальные вечера и театральныя представленія“.

«Моск. Вѣд.».

Н Е К Р О Л О Г Ъ.

10 января сего года, въ селѣ Люботинѣ, скончался, вслѣдствіе параличнаго состоянія, на 78 году своей жизни, извѣстный среди епархіальнаго духовенства, одинъ изъ заслуженныхъ протоіеріевъ, отецъ *Павелъ Петровичъ Лобковскій*. Покойный принадлежалъ къ числу выдающихся и высокоуважаемыхъ епархіальныхъ дѣятелей. Поэтому, въ лицѣ его Харьковское епархіальное духовенство понесло печальную утрату.

Покойный о. Павелъ—уроженецъ слободы Деркачей, Харьковскаго уѣзда, сынъ діакона. Первоначальное воспитаніе и книжное обученіе о. Павелъ получилъ въ домѣ своихъ родителей, въ церковно-народной школѣ, устроенной его отцомъ у себя дома. Объ этой первой своей школѣ покойный о. протоіерей сохранялъ самыя задушевыя воспоминаія; такъ какъ тутъ, по его собственному сознанію, были положены для него добрыя сѣмена православной вѣры и знанія, съ теченіемъ времени содѣйствовавшія его успѣшному духовному возрастанію и прохожденію дальнѣйшаго школьнаго обученія и жизненнаго пути. Въ этой то начальной школѣ покойный получилъ и первое предреченіе служить церкви Божіей въ санѣ священника. Это былъ такъ. Однажды Высокопреосвященный *Мелетій* († 29 февраля 1840 г.), при обзорѣнн своей епархіи, посѣтилъ слоб. Деркачи. Здѣсь Владыка пожелалъ побывать у о. діакона, Петра Лобковскаго, въ его домашней школѣ, единственной тогда въ той мѣстности. Несказанно обрадованный посѣщеніемъ столь дорогаго Гостя смиренный служитель просилъ Владыку благословить его дѣтей. Милостиво высказывая свою благодарность о. діакону за примѣрное веденіе школьнаго дѣла, Высокопреосвященный *Мелетій* благословилъ всю семью его, а четверемъ сыновьямъ его, въ томъ

числѣ и о. Павлу, предсказалъ, что всѣ они будутъ священниками. Такъ и сбылось вѣщее слово прозорливаго Архипастыря на самомъ дѣлѣ! Всѣ четыре брата Лобковскіе удостоились быть священниками: самый старшій о. Павелъ, потомъ о. Алексѣй—въ Деркачахъ, о. Николай, кандидатъ богословія Кіевской Духовной Академіи, въ Харьковѣ въ Николаевской церкви, и о. Григорій—въ Бабаяхъ, скончавшійся въ должности благочиннаго.

Дальнѣйшее школьное образованіе и воспитаніе о. Павелъ получилъ въ Харьковскомъ уѣздномъ училищѣ или бурсѣ, а потомъ въ Духовной Семинаріи, при Высокопреосвященномъ *Иннокентіи (Борисовѣ)*, заботливо слѣдившемъ за успѣхами и направленіемъ духовнаго просвѣщенія учащагося юношества. О. Павелъ окончилъ полный курсъ семинарскихъ наукъ 15 іюля 1847 г., „съ аттестатомъ втораго разряда“, какъ сказано въ его формулярномъ спискѣ, при ректорѣ—архимандритѣ Пареніи Поповѣ, скончавшемся въ санѣ архіепископа Иркутскаго († 21 января 1873 г.). Въ то сравнительно давнее время воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній содержали очень бѣдно. Но не смотря на то, ученикъ Павелъ Лобковскій „обучался наукамъ“ хорошо и велъ себя отлично. Во время ваканцій, въ родительскомъ домѣ, онъ любилъ, вмѣстѣ со своими братьями и сестрами, помогать своему отцу и матери въ ихъ хозяйственныхъ занятіяхъ. Уборка хлѣба въ полѣ, сѣна на лугу, занятіе насѣкой, уходъ за баштаномъ, все это статьи дохода, доставлявшія его небогатымъ родителямъ необходимыя пособія и помощь для безбѣднаго существованія и жизни, особенно же для образованія и воспитанія своихъ дѣтей,—все это занимало его свободное отъ занятій время, приучая его къ трудовой и терпѣливой жизни, вырабатывая въ немъ твердый и устойчивый характеръ, раскрывая въ немъ добрыя склонности и навыки, укрѣпляя, еще въ домашней обстановкѣ, въ искреннихъ чувствахъ состраданія и сочувствія къ своему ближнему. Такимъ образомъ ваканціонное время для о. Павла не проходило даромъ, а, напротивъ, было практической школой неослабнаго труда, перѣдко, самаго упornaго. Въ домѣ своего отца о. Павелъ выучился жизни самой трудовой, строгой, простой, и скромной. „Трудомъ и терпѣніемъ я вышелъ въ люди“, часто говаривалъ покойный о. протоіерей, указывая какъ бы въ назиданіе на свой опытъ жизни, какой онъ прошелъ въ школѣ и дома. И дѣйствительно, вся его многолѣтняя жизнь была сплошной трудъ, трудъ честный, неукоризненный, самоотверженный...

По окончаніи курса въ семинаріи, о. Павелъ въ 1848 г. 11 іюля былъ рукоположенъ Преосвященнымъ *Елпидифоромъ* († 31 мая 1866 г.) во священника къ Рождество-Богородичной церкви подгородняго села Алексѣевки, Харьковскаго уѣзда. Здѣсь то началась его церковно-приходская служба, съ первыхъ поръ обратившая на него вниманіе епархіальнаго начальства.

Въ 1851 г., іюля 18 дня, при Высокопреосвященномъ *Филаретъ* († 9 августа 1866 г.), о. Павелъ былъ переведенъ, по прошенію, къ Преображенской церкви села Панъ-Ивановки, Харьковскаго уѣзда. Усердное попеченіе о мѣстномъ приходскомъ храмѣ было первымъ дѣломъ о. Павла. Онъ справедливо полагалъ, что благолѣпіе храма Божія, этого единственнаго разсадника истинной вѣры и любви Христовой, есть могущественное средство къ религіозно-правственному просвѣщенію простаго народа. Поэтому, онъ всячески привлекалъ усердіе и любовь народа къ приходской церкви, къ этому центру христіанской жизни, за что и былъ награжденъ набедренникомъ, этимъ мечемъ духовнымъ, 3 марта 1858 г. Памятникомъ его плодотворной пастырской дѣятельности здѣсь осталось еще открытое, по его ичину, народное начальное училище, гдѣ онъ самъ безмездно занимался отъ 5 сент. 1860 г. и по 8 апрѣля 1864 г. Онъ считалъ, и также совершенно вѣрно, что народно-школьное обученіе, особенно подъ непосредственнымъ руководствомъ приходскаго пастыря, знающаго близко духовныя нужды своего прихода, должно служить надежнымъ пособіемъ и необходимымъ приготовленіемъ къ церковно-религіозному просвѣщенію народа. Вотъ почему школьное дѣло всегда интересовало покойнаго о. протоіеря!..

Въ бытность его священникомъ въ Панъ-Ивановкѣ, о. Павелъ ревностно проходилъ должности Катихизатора и депутата, отъ 5 іюля 1856 г. и по 27 ноябрю 1862 г. При Высокопреосвященномъ *Макаріи* († 10 іюня 1882 г.), были предложены Харьковской Духовной Консистоіи права для выбора окружныхъ благочинныхъ и депутатовъ. По выбору духовенства о. Павелъ, пользовавшійся уже тогда большою извѣстностію, былъ утвержденъ Высокопреосвященнымъ Макаріемъ въ должности благочиннаго 2 округа Харьковскаго уѣзда, 27 ноябрю 1864 г.

Въ 1864 г., апрѣля 8 дня, о. Павелъ, по особому благоволенію Высокопреосвященнаго Макарія, былъ перемѣщенъ въ село Люботинъ къ Вознесенской церкви, гдѣ у алтаря Божія онъ и проходилъ съ любовью свое пастырски-іерархическое служеніе Церкви Божіей, Престолу и родному краю до послѣдняго дня своей многоплодной жизни. Люботинскій приходъ былъ тогда однимъ изъ лучшихъ въ епархіи.

За примѣрную службу по своей должности о. Павелъ, Всемилостивѣйше награжденъ бархатною фіолетовою скуфією апрѣля 8 дня 1866 года. Съ 16 сентября 1865 г.—по 1 ноябрю 1870 г. онъ состоялъ наставникомъ въ мѣстной народной школѣ, а съ 1 ноябрю 1870 года—по 12 мая 1878 г. и законоучителемъ—безмездно. При его ближайшемъ участіи при Люботинскомъ училищѣ была въ 1860 г. устроена и бібліотека. При Высокопреосвященномъ *Нектаріи* († 7 сентября 1874 г.) о. Павелъ за ревностную и усердную службу по духовному

вѣдомству Всемилостивѣйше награжденъ камилавкой 19 апрѣля 1869 г. За особую дѣятельность по устройству и украшенію приходской церкви ему была изъявлена отъ епархіальнаго начальства признательность со внесеніемъ въ формуляръ (см. Харьков. Епархіальн. Вѣдомости за 1872 г., № 10), 10 Апр. 1872 г. Какъ уже было сказано, ревностная любовь къ должному благолѣцію храма Божія была отличительною чертой пастырской дѣятельности о. Павла. При немъ и при его участіи въ 1876 г. была устроена серебряная риза на храмовую икону Вознесенія Господня въ 552 руб., а также возобновлены всѣ металлическія вещи по церкви на сумму 300 руб. При немъ неоднократно производилась ремонтровка и поновленіе храма. Такъ это было въ 1878 г., когда на ремонтъ церкви было израсходовано 1410 руб. Въ 1885 г. было поновленіе храма, лицевая сторона ограды вновь исправлена и устроены желѣзныя ворота и калитки вмѣсто деревянныхъ, на что потребовалось 1510 руб. Въ 1890 г. на церковно-строительныя нужды израсходовано 2,000 руб. И всѣ эти средства о. Павелъ умѣлъ найти, умѣлъ отыскать добровольныхъ жертвователей, привлечь всѣхъ прихожанъ къ общейцерковной работѣ, безъ всякаго насилія и принужденія, а всегда пастырскою ласкою и обхожденіемъ. Когда, при Пресвященномъ *Саввѣ* († 23 Апрѣля 1879 г.), въ видахъ сокращенія по епархіи благочиній было произведено измѣненіе въ штатахъ по приходамъ, по положенію отъ 31 марта 1873 г., духовенствомъ прежнихъ 2-го и 3-го округовъ о. Павелъ былъ избранъ благочиннымъ 2 округа Харьковскаго уѣзда и утвержденъ Его Пресвященствомъ 29 сентября 1875 г. За прослуженіе съ особымъ усердіемъ и честію 12-ти лѣтъ въ должности благочиннаго о. Павелъ Всемилостивѣйше „сопрятченъ“ (какъ значится въ формулярѣ) къ ордену Св. Анны 3-й степени, Апрѣля 3-го дня 1875 г. При Пресвященномъ *Іустинѣ*, 28 іюня 1881 г., о. Павелъ былъ переведенъ благочиннымъ изъ 2 Харьковскаго округа во 2 округъ Валковскаго уѣзда, а 22 марта 1882 г. за ревностную и усердную службу награжденъ наперснымъ крестомъ, изъ Св. Сѣнода выдаваемымъ. При Высокопреосвященномъ *Амвросіи*, о. Павелъ былъ возведенъ, въ 1888 г., іюля 2 дня, въ санъ протоіерея за особыя заслуги по благочинію и по приходу. 17 декабря 1893 г. была изъявлена ему Архiepастырская благодарность за усердное выполненіе обязанностей по должности благочиннаго; въ томъ же году о. Павломъ была открыта церковно-приходская школа, съ успѣхомъ идущая и нынѣ. За примѣрно-пастырскую дѣятельность 14 мая 1896 г. Всемилостивѣйше онъ сопрятченъ къ ордену Св. Анны 2 степени. 3 января 1896 г. о. Павелъ былъ уволенъ отъ должности благочиннаго, по прошенію, по старости лѣтъ, хотя Высокопреосвященный Владыка, высоко цѣнившій церковно-административныя

заслуги покойнаго, и удерживалъ его на этомъ отвѣтственномъ посту въ виду пользы службы. Какъ опытный въ духовной жизни пастырь, о. Павелъ былъ избранъ руководителемъ самихъ пастырей въ качествѣ духовника по благочинію 2 округа Валковскаго уѣзда, что и утверждено 20 сентября 1876 г. Эту послѣднюю должность о. Павелъ несъ съ кротостію и послушаніемъ до самой своей кончины. За безпорочную 50-ти-лѣтнюю службу въ санѣ священнослужителя покойный о. протоіерей былъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4-й степени, 27 сентября 1898 г. Изъ знаковъ отличія, присвоенныхъ духовнымъ пастырямъ, о. Павелъ имѣлъ слѣдующіе: наперсый крестъ на Владимірской лентѣ въ память войны 1853—1856 годовъ, знаки Краснаго Креста въ память русско-турецкой войны 1877—1878 г. и серебряную медаль въ память въ Бозѣ почившаго Императора Александра III.

Такова формулярная лѣтопись долголѣтней жизни и плодотворной дѣятельности почившаго о. протоіерея, которой воздавали дань должнаго уваженія и признательности всѣ Харьковскіе Архипастыри, при коихъ пришлось служить о. Павлу. Разсматривая ее ближе, нельзя не видѣть, что усопшій о. протоіерей былъ по-истинѣ *пастырь добрый, посѣщавшій овцѣн своею стадою Божіе не нуждею, но волею, и по Бозѣ, ниже неправедными прибытки, но усердно, и не господствуя надъ наследіемъ Божіимъ, но подавая примѣръ стаду* (1 Петр. 5, 2—3). Вся дѣятельность о. Павла приходская, законоучительская, церковно-школьная, административно-служебная была запечатлѣна живымъ и яснымъ сознаніемъ своего долга, любовію къ дѣлу своего служенія въ вертоградѣ Господнемъ, духомъ глубокаго христіанскаго, нелицемѣрнаго смиренія, кротости, терпѣнія, удивительнаго добролюбія, дружбелюбія и правдивости. Особенно отмѣчается его дѣятельность, какъ благочиннаго, прослужившаго въ этой должности 35 лѣтъ. Какъ благочинный, о. Павелъ былъ любимый начальникъ, всегда всѣмъ доступный, всегда отзывчивый на духовныя, служебныя, семейныя пужды подвѣдомственнаго ему духовенства, снисходительный къ проступкамъ, не мало сдѣлавшій и для улучшенія матеріальнаго положенія бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ своего округа; — здѣсь, въ дѣлѣ благотворительности, особенно сказывалось его чуткое къ горю сердце, всегда откликавшееся на призывъ прійти на помощь ближнему немущему. Да воздастъ ему Господь за это Своими милостями во царствіи небесномъ!.. Какъ человекъ дѣла, покойный о. протоіерей не любилъ перениски тамъ, гдѣ она являлась бы излишней и бесполезной; большею частію взяческія дѣла онъ рѣшалъ „лицемъ къ лицу“. Насколько любили и насколько цѣнили всѣ знавшіе о. Павла за его прекрасныя душевныя достоинства, и какъ благороднаго человека, и какъ добраго па-

стыря, и какъ справедливаго пачальника, объ этомъ можно судить уже по однимъ педавнимъ чествованіямъ его,—первый разъ по случаю исполнившаго 35-ти лѣтняго его въ должности благочиннаго въ 1892 г., а другой разъ по поводу 50-ти лѣтняго юбилея въ санѣ священнослужителя въ 1898 г.,—принявшимъ характеръ торжественнаго праздненства, засвидѣтельствовавшего глубокое, искреннее и высокое уваженіе къ нему многочисленныхъ почитателей въ лицѣ окружнаго духовенства и прихожанъ, въ поднесенныхъ ему тогда сердечныхъ адресахъ, задушевныхъ письмахъ, привѣтствіяхъ, поздравленіяхъ и подаркахъ—св. иконахъ...

Кончина о. Павла, хотя была неожиданная, но христіанская, безболѣзненная, непостыдная, мирная. О. Павелъ скончался на службѣ, за своимъ дѣломъ, на ногахъ, на стражѣ, *яко добръ воинъ Іисусъ Христовъ* (2 Тим. 2, 3). Совершавъ 9 января, въ Воскресеніе, Божественную Литургію и причастившій Св. Таинъ Христовыхъ, о. Павелъ на другой день выѣхавъ въ сосѣднее село Ольшану къ благочинному для сдачи годичнаго отчета по церкви и приходу. На дорогѣ, какъ разъ предъ своею родною церковію, онъ почувствовалъ себя очень дурно: крѣпкія силы его здороваго организма видимо стали ему измѣнять. Встрѣтивъ тутъ, случайно идущаго своего помощника, роднаго племянника, священника о. Алек. Титова, онъ попросивъ его отіравиться къ благочинному, а самъ возвратился домой, и какъ бы предчувствуя приближенія смерти, сдѣлалъ необходимыя распоряженія по приведенію домашнихъ и церковныхъ дѣлъ въ надлежащій порядокъ, вскорѣ забылся, и уснулъ сномъ смерти на вѣки... Вѣсть о кончинѣ о. протоіерея разнеслась быстро по всему округу, по всей епархіи. Всюду осталась по немъ одна добрая память; ибо сказано: „память праведнаго съ похвалами“, а о. Павелъ всегда былъ правдолюбивымъ служителемъ Божиимъ, по мѣрѣ вѣры своей, стропившій дѣло Божіе на землѣ. Погребеніе, послѣ Божественной литургіи, совершенной другомъ о. Павла, священникомъ села Коротича, о. Порєиріемъ Шокотовымъ, было отправлено по чину другимъ другомъ покойнаго, о. благочиннымъ, священникомъ о. Николаемъ Житловымъ, въ сослуженіи цѣлаго сонма священнослужителей. Печальное торжество церковной заупокойной молитвы было украшено прочувствованной надгробной рѣчью о. благочиннаго. Маса народа проводила своего пастыря въ мѣсто вѣчнаго упокоенія. Прахъ о. Павла преданъ землѣ въ церковной оградѣ, на восточной сторонѣ, недалеко отъ алтаря. Въ семьѣ о. Павла осталась почтенная старица, его жена Алекс. Петровна, и дочь замужемъ за преподавателемъ Харьковской Духовной Семинаріи Алок. Ѳ. Вертеловскимъ.

Миръ праху твоему вѣрный служитель Христовъ, въ вертоградѣ Его!
Да упокоитъ Господь душу твою со святыми Своими, отъ вѣка Ему благоугодившими!

68 тиражъ выигрышей билетовъ второго займа, произведенный въ Петербургѣ 1 марта 1900 года.

Главные выигрыши на слѣдующіе №№ билетовъ:

№№ серій.	№№ билет.	Сумма.	№№ серій.	№№ билет.	Сумма.	№№ серій.	№№ билет.	Сумма.	№№ серій.	№№ билет.	Сумма.
18346	49	200000	15970	2	8000	18750	34	1000	5288	43	1000
5397	41	75000	19738	21	8000	13295	16	1000	10063	21	1000
13580	39	40000	2113	9	5000	10826	11	1000	2910	26	1000
7273	24	25000	19967	25	5000	8427	38	1000	11612	28	1000
17944	22	10000	8789	20	5000	142	22	1000	2063	31	1000
8763	4	10000	14337	31	5000	2308	50	1000	10868	43	1000
12150	38	10000	10694	46	5000	14346	42	1000	2248	27	1000
6228	17	8000	19097	1	5000	15536	32	1000	14128	32	1000
16059	21	8000	16724	20	5000	9622	22	1000	195	45	1000
12145	6	8000	15867	44	5000	262	5	1000	15655	26	1000

Выигрыши въ 500 рублей на слѣдующіе номера:

№№ сер.	№№ бил.	№№ сер.	№№ бил.	№№ сер.	№№ бил.	№№ сер.	№№ бил.	№№ сер.	№№ бил.	№№ сер.	№№ бил.	№№ сер.	№№ бил.
1631	1	19341	10	3484	18	14734	27	10284	33	10618	38	14181	45
5781	1	2815	11	17103	18	14938	27	13011	33	13110	38	19990	45
17233	1	3225	11	16	19	19172	27	13802	33	16980	38	7404	46
18494	1	4384	11	3397	19	3260	28	14076	33	1070	39	8429	46
18789	1	5770	11	4704	19	4823	28	16584	33	3561	39	9074	46
5041	2	8743	11	7054	19	5484	28	17935	33	5283	39	15481	46
19220	2	16330	11	11460	19	8275	28	683	34	9239	39	76	47
91	3	9221	12	12153	19	11333	28	7046	34	15361	39	1539	47
13318	3	11665	12	14303	19	11456	28	7432	34	18186	39	4539	47
2320	4	13465	12	16372	19	12223	28	11665	34	18208	39	5572	47
8046	4	16277	12	17372	19	12484	28	18223	34	10365	40	16141	47
8315	4	18037	12	2896	20	13642	28	19890	34	11473	40	1985	48
11333	4	5834	13	3614	20	18803	28	873	35	13415	40	7642	48
15133	4	10868	13	8158	20	19344	28	2298	35	16520	40	10661	48
2866	5	12081	13	9185	20	88	29	2315	35	12144	41	11057	48
4716	5	14693	13	13026	20	5812	29	13608	35	15541	41	11143	48
10371	5	14862	13	721	21	12073	29	19159	35	16068	41	13242	48
12248	5	6180	14	15827	22	12657	29	384	36	3793	42	17741	48
15434	5	1825	15	6777	23	14498	29	7914	36	6628	42	19566	48
16743	5	2237	15	6822	23	2965	30	8828	36	12309	42	51	49
18429	5	3105	15	7936	23	4264	30	14422	36	14444	42	6556	49
19208	5	14342	15	16422	23	6412	30	15855	36	15110	42	8652	49
4820	6	18558	15	17309	23	8833	30	16157	36	17555	42	13239	49
10558	6	8737	16	19269	23	10256	30	16255	36	7139	43	14414	49
3545	7	9153	16	571	24	19323	30	17113	36	13976	43	16394	49
7370	7	10375	16	5970	24	1033	31	18357	36	18082	43	16502	49
17479	7	11240	16	8987	24	7768	31	3200	37	376	44	16681	49
2625	8	14570	16	11482	24	9246	31	4481	37	7431	44	19847	49
8441	8	17729	16	15893	24	10658	31	4877	37	7951	44	306	50
14214	8	19283	16	3622	25	17350	31	9309	37	8647	44	6857	50
15272	8	1899	17	13611	25	17445	31	11950	37	16071	44	9943	50
966	9	4804	17	16520	25	4252	32	13833	37	17814	44	19617	50
15836	9	6795	17	17342	25	5708	32	18734	37	1421	45		
7923	10	10018	17	8886	26	10037	32	19550	37	4185	45		
11328	10	17071	17	9064	26	11104	32	6282	38	10356	45		
14788	10	18419	17	7385	27	19260	32	8583	38	11200	45		
15545	10	18776	17	10749	27	3964	33	9243	38	11734	45		
16966	10	142	18	11302	27	5671	33	10551	38	12275	45		

№№ серій, вышедшихъ въ тиражъ поименія:

17365, 11663, 10572, 11481, 19511, 11813, 18706, 9518, 6770, 11658, 809, 1481, 9459, 4665, 12731, 3057, 3240, 13859, 698, 10911, 4367, 2795, 8544, 16971, 14927, 4648, 19095, 12099, 6632, 12450, 10935, 16578, 3516, 2562, 17597, 9875, 4230, 3521, 4386, 18576, 14606, 6859, 9230, 16090, 11415, 2788, 13760, 10991, 5631, 2924, 11208, 13825, 6615, 3069, 5461, 15472, 14853, 13767, 16059, 1257, 12079, 11715, 19437, 17646, 13736, 8864, 6416, 5507, 5075, 16026, 11677, 6197, 1438, 2259, 12212, 12240, 17533, 3767, 10619, 2305, 19123, 16598, 3647, 4426, 15998, 2907, 4850, 18346, 6891, 16661, 19041, 2549, 16651, 10394, 5700, 4818, 18946, 13068, 13121, 9554, 3244, 1441, 826, 13937, 7683, 7, 2946, 16009, 17435, 947, 16991, 19082, 4131, 19517, 2393, 13413, 3779, 16463, 17066, 18767, 3228, 19965, 1750, 16523, 4653, 13780, 186, 16359, 10639, 16443, 12384, 2069, 3780, 18377, 1787, 17567.

ОБЪЯВЛЕНІЯ:

По благословенію Святѣйшаго Синода Императорскому Православному Палестинскому Обществу разрѣшенъ сборъ на службахъ Вербной недѣли **ДЛЯ ПОМОЩИ ПРАВОСЛАВНЫМЪ ВЪ ІЕРУСАЛИМѢ И ВЪ СВЯТОЙ ЗЕМЛѢ.**

Извѣщая о семъ, Совѣтъ Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества покорнѣйше просить всѣхъ Православныхъ оказать посильную помощь этому дѣлу, такъ какъ Общество исключительно существуетъ лишь этимъ сборомъ.

Ученыя записки Императорскаго Казанскаго Университета на 1900 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются: I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученныя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и излеченія изъ пихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ. II. Въ отдѣлѣ критики и библиографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертациі, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы представляемыя на совсканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и заграничѣ книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библиографическіе отзывы и замѣтки. III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обзорѣлю коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, биографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обзорѣнія преподаванія, расиредѣленія лекцій, актовъ отчетъ и проч. IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературныя съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные. Ученые Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній. Подписная цѣна въ голъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *Θ. Мищенко.*

НАСТОЛЬНАЯ КНИГА ДЛЯ СВЯЩЕННО-ЦЕРКОВНО-СЛУЖИТЕЛЕЙ.

(Сборникъ свѣдѣній, касающихся преимущественно практической дѣятельности отечественнаго духовенства).

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ и ДОПОЛНЕННОЕ.

Преподавателя Харьковской Духовной Семинаріи С. В. БУЛГАКОВА.

Цѣна 5 руб.; пересылка (по разстоянію)—за 5 фунт. Въ Харьковѣ книга продается у автора (зданіе Духовной Семінаріи) и въ Губернской Типографіи (Петровскій переулокъ, близъ Николаевской площади, д. № 17).

О В Ъ Я В Л Е Н І Е.

У протоіерея Іоанна Лукича Чижевскаго

(въ Харьковѣ, Конторская улица д. № 64).

Можно получать, кромѣ другихъ его изданій, книгу ¹⁾ „Устройство Православной Россійской Церкви, ея учрежденія и дѣйствующія узаконенія по ея управленію“. Харьковъ 1898 г., стран. XVIII—442. Цѣна съ перес. 2 р. Въ составъ этой книги вошло все „Церковное Хозяйство“ ²⁾, по изданіямъ 1875 и 1891 г.г. „Устройство Прав. Росс. Церкви“... по представленію, въ рукописи, Московскимъ Духовно-цензурнымъ Комитетомъ, на основаніи 5 пункта 281 ст. и 257 ³⁾ ст. уст. цензурн. (т. XIV свод. зак. изд. 1890 г.)—разрѣшено Св. Синодомъ къ напечатанію. Журналъ „Миссіонерское Обзорѣніе“ за 1898 г. (стран. 1224—1225), между прочимъ, заявилъ: „книга эта, заключающая въ себѣ болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія объ устройствѣ Прав. Росс. Церкви, знакомитъ, если не со всѣми церковно-гражданскими узаконеніями и, какъ заключающая въ себѣ много свѣдѣній, полезныхъ и необходимыхъ въ практической дѣятельности духовенства, можетъ служить весьма полезною настольною справочною книгою, не только для духовенства, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и для миссіонеровъ“; газета „Искусство и Жизнь“ (№ 3, 1898 г.) сказала, что эта книга полезна для духовенства и въ нѣкоторыхъ случаяхъ и для юриста.

¹⁾ Именно: „Церковное писмоводство“ 2 р. съ пер.; „Инструкція Церк. старостамъ“ 1 р. съ пер.; „Способы призрѣнія духовенства Епарх. Попечительства, опеки и пенсіи“ 1 р. съ пер. и „О монашествующихъ и монастыряхъ“ 2 р. съ пер.

²⁾ Изданіе 91 все вышло, но оно все вошло въ рекомендуемую книгу съ добавленіемъ вышедшаго съ 91 включительно по 1898 г.

³⁾ По этой ст. достойны одобренія къ напечатанію только такія книги, въ коихъ изложено „основательное собраніе, изъясненіе и совокупленіе правилъ Церковнаго управленія“.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1900 г. (VII г. изд.)

НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Научное Обозрѣніе.

Изданіе П. П. Сойкина, подъ редакціею д-ра философіи М. М. Филиппова.

3 марта вышелъ № 3 (мартъ). Содержаніе: I. Критика ученія о покровительственной окраскѣ и мимекріи у животныхъ. Проф. В. Вагнера. II. Алхимическія задачи и ихъ исторія. Доц. М. Ю. Гольдштейна. III. Письма безъ адреса. А. Кирсанова. IV. Д. Н. Писаревъ. Н. Карелина. V. Юбилей инфлуэнцы. В. Фрея. VI. Экономическія условія быта инородцевъ Туруханскаго края. В. Передольскаго. VII. Новѣйшіе русскіе экономисты. А. И. Чупровъ. М. Филиппова. VIII. Наука и суевѣріе. Герберта Спенсера. IX. Объ экономическомъ догматизмѣ и о постулатѣ Маркса. М. Ф. Х. Литературный обзоръ. Проф. А. Трачевскаго. XI. Англія и Трансвааль. Фюсслейна. XII. Изъ исторіи науки. В. Бельше. XIII. Трудовая цѣнность и прибыль. М. И. Туганъ-Барановскаго. XIV. Научныя новости. XV. Библиографія. XVI. Письмо въ редакцію А. Герича. XVII. Книги, присланныя въ редакцію. XVIII. Объявленія. XIX. Приложенія: Кантъ, Антропология.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ 7 руб. (за границу 10 руб.) съ доставкою и перес., допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб., въ 1 апрѣля 2 руб., и въ 1 іюля остальные; комплекты за 1899 годъ, цѣна 7 р.

Главная контора журнала: С.-Петербургъ, Стремянная ул., собств. д. № 12.

Къ свѣдѣнію лицъ духовнаго званія.

Для формъ духовнаго вѣдомства и всѣхъ учебныхъ заведеній

ВСЕГДА ИМѢЮТСЯ ВЪ БОЛЬШОМЪ ВЫБОРѢ

драпы, насторъ, трико, шелковыя, шерстяныя и бумажныя ткани

ВЪ НОВО-ОТКРЫТОМЪ

МАГАЗИНѢ МАНУФАКТУРЪ

М. В. Емельянова

на Сумской улицѣ, рядомъ съ театромъ въ Харьковѣ.

 ЦѢНЫ БЕЗЪ ЗАПРОСА.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ИЗДАВАЕМЫЙ ВЪ БАКУ СЪ НОЯБРЯ 1899 ГОДА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ФОТОТИПИЯМИ ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„Кавказъ и Средняя Азія“

ВЪ ФОТОГРАФІЯХЪ и ОПИСАНІЯХЪ.

Форматъ in quarto.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою: на годъ 12 р., 1/2 года 7 р., на 3 мѣсяца 4 р., на 1 мѣсяць 2 р. Учебныя заведенія пользуются 25% скидкой. Допускается разсрочка платежа.

Плата за напечатаніе объявленій въ отдѣлѣ публикацій: за цѣлую страницу впереди текста 50 р., позади текста 30 р. За 1/2 страницы впереди текста 30 р., позади текста 20 р. За 1/4 страницы впереди текста 15 р., позади текста 10 р. За 1/8 страницы впереди текста 8 р., позади текста 5 р. За 1/16 страницы впереди текста 5 р., позади текста 2 р. 50 к. За 1/32 страницы впереди текста 3 р., позади текста 1 р. 50 к. При многократныхъ публикаціяхъ дѣлается скидка.

Адресъ: Баку, въ контору редакціи „Кавказъ и Средняя Азія“.

Отъ редакціи: Утвержденная г. Министромъ Внутреннихъ дѣлъ обширная программа нашего журнала—позволитъ редакціи заботиться всестороннимъ изученіемъ Кавказа и Средней Азіи и быть иллюстраторами текущей въ нихъ жизни, призванной къ прогрессивному оживленію съ начала цивилизаторской миссии нашего Правительства въ этой части свѣта.

Придавая особенное значеніе роду иллюстрацій—редакція избрала только фотографію, передающую абсолютную дѣйствительность—всегда желательную, а въ изученіи естествознанія, географіи, этнографіи и археологій—положительно необходимую. За художественную и техническую сторону фототипій—можетъ ручаться двадцатилѣтнее занятіе этимъ искусствомъ, какъ профессіей—редактора-издателя, положившаго много труда на составленіе научно-интересной коллекціи снимковъ Азіи, имѣющихъ, главнымъ образомъ, появляться на страницахъ журнала. Текущія событія будутъ иллюстрироваться нашими сотрудниками-фотографами, находящимися во всѣхъ мѣстахъ Азіи. Каждый № будетъ содержать 5 листовъ печатнаго текста и отъ 8—10 отдѣльныхъ рисунковъ на брестолѣ, составляющихъ къ концу года богатый альбомъ оригинальныхъ фототипій.

Редакторъ-Издатель А. М. Мишонъ.

Ученыя Записки Императорскаго Юрьевскаго Университета

будутъ выходить въ неопредѣленные сроки, не менѣе 4 разъ въ теченіе года. Ученыя Записки распадаются на I) отдѣлъ оффиціальнѣй—и II) отдѣлъ научный; въ послѣднемъ будутъ помѣщаемы: А. мелкія статьи, предварительныя сообщенія, рецензіи, библиографическіе обзоры и т. п., Б. крупныя работы, печатаемыя въ видѣ особыхъ приложений, съ особой пагинаціей каждое. Подписка принимается Правленіемъ Императорскаго Юрьевскаго Университета. Подписная цѣна 6 руб

Редакторъ Е. Шмурло.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые десять лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектантствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Какъ всего проще и удобнѣе научиться вѣровать“? Собесѣдованія прот. А. Хойнацкаго.—„Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. И. Кореуна. — „Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Библиографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“, Т. Стоянова.—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова.—„Церковно-религіозное состояніе Запада и вселенская Церковь“. Свящ. Т. Буткевича.—„Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католицизму“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Язычество и иудейство во времени земной жизни Господа нашего Іисуса Христа.“ Свящ. Т. Буткевича.—Статья „о штундистахъ“. А. Шугавскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществомъ“? В. Ковалевскаго.—„Основные задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова.—„О славянскомъ языкѣ въ церковномъ богослуженіи“. А. Струникова.—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ современной умственной жизни“. А. Бѣляева.—„Очерки русской церковной и общественной жизни“. А. Рождественна.—„О церковныхъ плодоприношеніяхъ“. Н. Протопопова.—„Вторая книга „Исходъ“ въ переводѣ и съ объясненіями“. Проф. П. Горскаго—Платонова.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова.—„О покоѣ воскреснаго дня“. Доцента А. Бѣляева.—„Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности“. Шестакова.—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„Ученіе Стефана Яворскаго и Теофана Прокоповича о свящ. Преданіи“ М. Савкевича.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Отношеніе раскола къ государству“. О. Г. С.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) влччительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Замѣтки о церковной жизни за-границей“. А. К.—„Сущность христіанской нравственности въ отличіи ея отъ моральной философіи графа Л. Н. Толстого“. Свящ. І. Филевскаго.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. И. Смирнова.—„Ученіе Канта о Церкви“. А. Кириловича.—„Православенъ-ли интегритионъ, предлагаемый намъ старокаатоликами“. Прот. Е. К. Смирнова.—„Разборъ протестантскаго ученія о крещеніи дѣтей—съ догматической точки зрѣнія“. Прот. А. Мартынова и проч.

Въ философскомъ отдѣлѣ журнала помѣщены статьи профессоровъ Академіи въ Университета: А. Введенскаго, А. Зеленогорскаго, В. Кудрявцева, П. Диницаго. М. Остроумова, В. Снегирева, П. Соколова и другихъ. А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жана и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на не полученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на не полученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакція открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторъ: { Ректоръ Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ ЗНАМЕНСКІЙ
и Инспекторъ Семинаріи, Константинъ ИСТОМИНЪ.